

УРАЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР "РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ"
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "БЕЛАЯ РОССИЯ"

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№1

ЕКАТЕРИНБУРГ

1996

УРАЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР “РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ”
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР “БЕЛАЯ РОССИЯ”

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№1

ЕКАТЕРИНБУРГ

1996

Впервые в России на страницах альманаха принята попытка объединить усилия ученых, архивистов, краеведов, занимающихся разработкой различных проблем Белого движения в годы гражданской войны. В своих работах авторы использовали большое число неопубликованных и недоступных для исследования источников, находившихся ранее в различных спецхранах и спецфондах. В альманахе можно найти многочисленные свидетельства непосредственных участников и современников происходивших событий. Изложение материала в научно-популярной форме позволяет привлечь к нему внимание самого широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой нашей страны.

***Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.***

© НИЦ "Белая Россия"
© Дмитриев Н.И. Составление,
редакция. Екатеринбург, 1996.
© Сакнынь Ю.П. Оформление. 1995.
ISBN 5-87112-009-1
5-87112-010-5

**Се́мидесятипятилетию
трагедии Белой Армии
посвящается**

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! У вас в руках первый номер исторического альманаха. На наш взгляд уже давно настало время сказать правду о Белом движении в годы гражданской войны, его идеях и людях. Однажды находившийся в эмиграции один из лидеров антибольшевистского лагеря, автор знаменитых “Очерков русской смуты” генерал Антон Иванович Деникин заметил: “История подведет итоги нашим деяниям”. Однако, ему, прожившему долго и пережившему многих своих соратников, не суждено было дожидаться справедливой оценки Белого дела. Необходимость этого была очевидна, но...

В начале 1990-х годов в России произошли важные перемены в государственном устройстве. По времени они совпали, что было совсем не случайно, с открытием для широкого изучения многих документальных материалов и свидетельств современников тех далеких событий, находившихся ранее в различных библиотечных и архивных спецфондах и спецхранах. Однако, потребовалось еще несколько лет прежде, чем историки смогли хоть как-то (по сути, лишь в общих чертах) исследовать, систематизировать и обдумать обрушившийся на них “снежный ком” фактов и человеческих судеб.

Между тем многое, если не все, зависело, и по сей день зависит, от энтузиазма и преданности науке самих ученых. Обладая определенным даром предвидения, практически без всякой помощи от власть придержащих, в весьма нестабильной внутривнутриполитической обстановке в стране они приступили к раскрытию еще одной правдиво практически неизученной страницы отечественной истории.

На рубеже 1994-1995 годов в Екатеринбурге начал работать научно-исследовательский центр “Белая Россия”, открытый при непосредственном участии и поддержке Уральского культурного центра “Русская энциклопедия”. Он задался целью объединить усилия специалистов страны, работающих в данном направлении. Одним из первых шагов в этом деле стал наш альманах, который состоялся несмотря на определенные организационные и финансовые трудности. В нем вы найдете статьи, посвящен-

ные различным отрядам Белого движения, рассказывающие о делах фронта и тыла, культуре и людях. На страницах альманаха своими воспоминаниями поделятся многие участники событий, оказавшиеся в изгнании за пределами Родины. Мы постараемся давать краткую информацию о новой литературе, научных встречах и обсуждениях различных аспектов проблемы.

Сегодня нам доставляет удовольствие приветствовать первых авторов альманаха. На будущее наши двери открыты для всех заинтересованных в раскрытии правды о Белом движении лиц (включая и меценатов). Мы надеемся, что встреча с читателями состоится не раз, и мы вместе узнаем еще много интересного и поистине уникального по волнующей нас с вами теме.

ПУБЛИКАЦИИ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: В ПЛЕНУ “ЧИСТОЙ ИДЕИ”

Доминирующей тенденцией современной отечественной историографии изучения проблем гражданской войны стало идеализирование антибольшевистского движения. Происходящая в соответствии с новыми политическими ориентирами замена одних “героев” национальной трагедии на других признается фактически всеми: и теми, кто продолжает писать “по-старому”, и теми, кто специализируется на открытии так называемых “белых пятен”. Политическая нестабильность российского общества актуализирует высказанное еще в 1926 г. русским философом А.И. Ильиным положение о том, что “белая борьба нуждается в летописи..., а не в создании легенд...”¹.

Отчасти их появление, правда, уже в “красочно-помпезных” тонах связано с попытками провести аналогию между русской и белой идеями, представить политических противников правящего большевизма истинными защитниками самобытного пути развития российской государственности, обусловленного особой исторической миссией русского человека в силу его “сверхдуховности”.

Эти взгляды разделяли многие идеологи самого белого движения. Кадетский лидер П.Н. Милуков выделял в нем “ядро с высоким патриотическим закалом”². А.И. Деникин называл белое движение “естественным стремлением народного организма к самосохранению, к государственному бытию”. При этом он постоянно подчеркивал, что вожди белого дела погибали “не за торжество того или иного режима..., а за спасение России”. А.А. фон Лампе был убежден в том, что белое движение всегда выступало как “одна из стадий большого патриотического движения”³. Белый публицист С.П. Мельгунов говорил о так называемом “квалифицированном патриотизме отрешенного идеализма, далекого от эгоистических инстинктов”, а потому неспособного “поднять стихию” и быть “жертвенным”⁴. Более точен в определении был П.Н. Врангель в своем выступлении 15 ноября 1920 г. в Константинополе по случаю образования наделенного полномочиями антибольшевистского правительства Русского Совета. Для него белое движение “безграничными жертвами и кровью лучших сынов” вернуло к жизни “бездыханное тело русской национальной идеи”. Главнокомандующего русской армии поддержали князь П.Д. Долгоруков, считавший, что белое движение даже в эмиграции должно сохранить “идею государственной власти”, и генерал Фостиков, призывавший “доказать всему миру”, что в белом движении “бьется русское сердце”⁵.

Подобного рода характеристики, зачастую “образно-эмоциональные”, нашли свое отражение в концептуальном обосновании белого дела Ильиным⁶. Он утверждал об его огромной духовной силе, проявлявшейся не “в бытовом пристрастии” к родине, а в любви к России, как “подлинной религиозной святине”. Для него белая идея это “идея религиозности”, идея борьбы за “дело Божие на земле”. Без этой идеи - идеи “честного патриота” и “русского национального всеединства”, по убеждению философа, белая борьба была бы “обычной гражданской войной”. Мечтой Ильина было превращение в освобожденной от большевизма России (“государственное лоно”) белого движения в “патриотический орден”, “национальную политическую партию”, поскольку “русская патриотическая традиция” могла существовать только в “государственноздоровой России”. Гарантией этого была “идея сердца”, понимаемая как идея “русского и государственного дела”, которая сплачивала белое движение даже в условиях отсутствия у его представителей единой политической программы. Поэтому Ильин призывал “потопить и сословное, и классовое, и партийное дело в патриотическом и государственном”.

Своеобразную позицию занимали лидеры зародившегося в 20-е гг. XX в. в среде российской эмиграции нового идейного течения евразейства, пытавшиеся объединить и красных, и белых для возрождения России. Доказывая неизбежность Октября 1917 г. и гражданской войны, они отводили им роль того самого катализатора, который помог России превзойти Западную Европу в развитии “человеческого сознания”. По оценкам П. Савицкого, в ходе гражданской войны исчезла “европейскость” России, и она стала “двуликой”, обратившись одним “лицом” к Европе, она “другим ликом” от нее отвернулась. Как утверждал П. Сувчинский, причина состояла в почти полном отсутствии у России “государственных навыков” и преобладании великодержавности как “предопределенной потенции... размаха и разлива всей народной сущности”⁷. Однако, по утверждению Г.В. Флоровского, белое движение из-за “страстной торопливости, отравленной ядами” междоусобной брани не смогло реализовать заложенную в ней правду “наивного и прямого нравственного противления” и выступило исключительно в формах “благородного негодования” и “жажды мести”⁸. С ним был солидарен И. Степанов, полагавший, что белое движение не преследовало каких-либо “партийно-политических и имущественных целей” и как система идей никогда не существовало”. Он выступал против патриотических эпитетов в адрес противобольшевистского движения, особенно когда смешивались понятия патриотизма и лояльности к правящему режиму⁹.

Более категоричным в своих суждениях было эсеро-меньшевистское крыло российской эмиграции 20-30-х гг. XX в., представители которого не могли примириться с тем, что в годы гражданской войны оказались “выброшенными из государственной жизни” России, а потому довольствовались воспеванием “народности” революции. О процессе “огосударствления революции” и его трагических последствиях для России много писала Е.К. Кускова¹⁰. В. Лебедев, например, был убежден в том, что “белое и красное движение... жгли в подлинном смысле слова Россию с двух концов”, убивая “народное сознание”¹¹. В.В. Сухомлин также видел трагизм русской революции в том, что политики разделили “на два враждебных лагеря людей, принадлежавших к одной и той же общественной среде”, и гражданская война, “вспыхнув внутри общественных классов...,

превратилась в борьбу между" этими классами¹². Поэтому А. Ган обвинял и "народные массы", и политические партии в "национальном позоре и разгроме России", заявляя, что "спасение России лежит в собственных руках народа" и каждого гражданина в отдельности¹³.

Русская идея не была тождественна белой идее. Проблематично и рассматривать ее в качестве основополагающего составного элемента. Скорее всего это было некое своеобразное "декоративное" оформление белой идеи, к которому активно прибегали все противобольшевистские лидеры, включая и тех, которые вынуждены были опираться на националистические силы. Например, 17 мая 1918 г. гетман Украинской Державы П.П. Скоропадский поделился с корреспондентом газеты "Киевская мысль" мыслью о том, что намеревается "реставрировать" Римскую империю.

Белое движение страдало из-за отсутствия собственного идеологического обоснования, если не считать некоего набора либеральных и консервативных начал. По этому поводу эсер М.В. Вишняк замечал, что лозунги антибольшевистского движения либо "слишком общие", когда "взывали" к народу по поводу Отечества, либо "слишком явно односторонние", когда "исходили из интересов лишь определенного класса, национальности или партии". Поэтому белое движение "как чистая идея оказалась безжизненным и в революционных условиях своего времени ирреальным"¹⁴.

Не последнюю роль играло разное понимание сути белого движения в самой антибольшевистской среде, что, видимо, сказывается на решении этого вопроса и современными исследователями, оперирующими обоснованными определениями "контрреволюционное", "монархическое", "буржуазно-помещичье", "реакционное", "альтернативное" и т.п. По выводам Милюкова, российская контрреволюция не замыкалась в рамках белого движения, которое выступало как один из этапов эволюционного развития антибольшевистского движения в сторону реакционности. При этом кадетский лидер считал, что только часть контрреволюционного движения может быть названа "белым" и только часть движения реакционна¹⁵. Однако Милюков никогда не стремился дать исчерпывающего определения, ссылаясь на то, что "всякое определение не дает полного представления о предмете". Поэтому у него начавшееся в августе 1917 г. с Государственного совещания в Москве белое движение представляло собой "единый антибольшевистский фронт". В 1918 г. оно "сузилось" до "двух основных элементов: офицерства и бюрократии" с тем, чтобы позднее развернуться во "врангелевщину"¹⁶.

С точки зрения Вишняка, в основу милюковского определения, равно как и периодизации белого движения, была положена "история и философия участия в революции конституционно-демократической партии"¹⁷. С этим был согласен и эсер А. Фальчиков, считавший, что белое движение "выделяется из всего антибольшевистского фронта". Военные являлись "проводниками" этого движения, а "государственно-мыслящие люди" направляли свои усилия на "восстановление порядка"¹⁸. В то же время оппонировав Милюкова и отмечая заимствование им денкинской схемы развития контрреволюционного движения, Мельгунов предлагал писать не о белом движении, а о "вооруженном антибольшевистском движении", включая в его состав крестьян и рабочих¹⁹.

Рассматривая контрреволюцию "как одну из сторон диалектически развивающегося процесса революции", бывший профессор Императорской Николаевской Военной Академии Н.Н. Головин утверждал, что в ее

состав входят и реакционные, и националистические, и демократические силы. Он был убежден в отсутствии какого-либо “реставрационного оттенка” в истоках русской контрреволюции, зародившейся весной 1917 г. исключительно во имя спасения “разрушающейся государственности” и ее ядра армии. “Классовый” признак, по его мнению, контрреволюция обрела после захвата большевиками власти и тогда же объединила в своих рядах разнородные и враждебные друг другу политические группы. С этого момента контрреволюция утратила свою “общую положительную идею” и выступила в виде борьбы против разрушительных сил революции²⁰.

Головин одним из первых российских эмигрантов объяснил причину поражения белого движения отсутствием “общей объединительной политической и социальной идеи”. Смысл ее более точно определил Степанов, утверждавший, что “белые вели борьбу только отрицанием всего того, что сделали большевики”, совершая тем самым роковую ошибку, поскольку “отрицание никогда не бывает идеей”²¹. Исправить положение нельзя было рекламированием идеи “спасения”, “восстановления” российской государственности, выразившейся в платформе “единая и великая Россия”.

“Государственное предназначение” белого движения как характерное только для русских восприятие христианской идеи на национально-государственном уровне обосновывалось многими. Отправной точкой было восприятие революции как отхода от сути русской идеи с ее “божьем замыслом о России” и неизбежной христианизацией не только личной, но общественно-государственной жизни. Белое движение воспринималось в качестве попытки возрождения этого “национального идеала” с помощью его воплощения в конкретную жизнь. Член образованного летом 1918 г. в Киеве Союза государственного объединения России Н.Н. Чебышев заявил, например, что “родившись на пустыре российской государственности”, белое движение впитало в себя “и остатки революции, и зачатки контрреволюции, собранные под единым национальным стягом”²². Эсер Т.В. Локоть считал, что “смута XX в., как и смута XVII в., ...привела все слои русского народа к осознанию... борьбы... за самое государство, за политическую суверенность, за национальную государственность”²³. А князь Долгоруков вообще ставил знак равенства между понятием “белая идея” и “государственная идея”²⁴.

Наиболее последовательна в обосновании этих взглядов была либеральная интеллигенция. Будучи всегда, с одной стороны, “государственно-настроенной”, и мало приспособленной к борьбе, с другой, она, по замечаниям Головина, “выделила из себя те... соки, в которых начался бродильный процесс, создавший первые противодействующие разрушительной стихии революции силы”²⁵. Но тем самым одновременно белому движению был подписан смертный приговор. “Оно, - писал в эмиграции кадет Д.С. Пасманик, - погибло из-за боязни русской интеллигенции загрязнить свои белые ризы, сотканые из эфирной гуманности”. Белому движению не хватало единения “решительности фронтовика” с “интеллигентской культурностью”²⁶.

Отсюда вытекали размытость его стратегических и тактических задач, отсутствие четких границ между программами “переходного” (на время борьбы с большевизмом) и “строительного” (постбольшевистского) периодов. По оценкам Деникина, это было основной причиной крушения белого дела, которая проявлялась как в больших, так и в малых противобольшевистских начинаниях²⁷.

К сказанному следует еще добавить о либерально-демократическом оформлении идеологии белого движения. Даже решение аграрного вопроса представляло своеобразный симбиоз октябристских намерений первоначально превратить крестьянина в “полноправного российского гражданина” и кадетской концепции отчуждения помещичьей земли за выкуп в пользу основного “землепроизводителя”. В основу всей политики было положено сочетание идеи твердой власти с традиционными лозунгами русского либерализма. Поэтому в чистом виде военного диктаторства нигде не было, и большинство политических режимов можно назвать “диктатурой ради демократии” или “конституционной диктатурой”, заимствуя подобные определения из эмигрантских характеристик правления А.В. Колчака²⁸. Все белые режимы как переходные периоды от “местного” уничтожения большевистской власти до созыва Учредительного собрания руководствовались довольно расплывчатой задачей “спасти Россию во имя России”, контуры которой обозначались лишь как “единая и великая”. В связи с этим трудно не согласиться с Вишняком и Н. Устряловым, которые белое движение определяли как “чистую идею”, подчеркивая тем самым его утопический характер²⁹.

Будущая Россия в то же время мыслилась как демократическое государство в лучших западно-европейских образцах (нечто среднее между вестминстерской моделью парламентской демократии и французской моделью президентско-парламентской демократии). Везде доминировал политический бонапартизм. Так называемые белогвардейцы никогда не были реставраторами, хотя нельзя отрицать среди них ностальгических настроений, связанных с образцами царской России, а также попытками ставить знак равенства между “национальной Россией и русской исторической монархией”³⁰. Порожденные революцией белые режимы “претендовали на роль ее собственных наследников”, а потому возглавлялись не “помазанником Божьим” - царем, а “помазанниками собственной силы” - лидерами с изначально ограниченными диктаторскими полномочиями³¹.

Между тем, в реальной политике последние руководствовались не “общенациональным естественным сознанием”, а “мотивами классового и социально-политического порядка”. Поэтому все реформаторство, понимаемое как некий набор мероприятий для восстановления и стабилизации социально-экономической жизни в том или ином регионе страны, сводилось к возрождению дореволюционных порядков. Отойти от этой модели на практике не удавалось никому. По мнению бывшего члена Временного правительства В.Н. Львова, “русская революция раздваивалась: идея осталась идеей, а русская действительность - русской действительностью”³².

Проявлением бонапартизма была и тактика “непредрешения”, взятая на вооружение для того, чтобы ослабить остроту дискуссий в белом движении о будущем политическом устройстве России и переложить решение этого вопроса на плечи Учредительного собрания, созванного после окончательной победы над большевизмом. Однако, подобные позиции не столько расширяли и сплачивали ряды черносотенцев, октябристов и кадетов, сколько обнажали негативные тенденции этого взаимодействия. Слабостью белого движения было отсутствие харизматического лидера, способного его возглавить. Фактически все вожди контрреволюционных сил смотрели на выпавший им “жребий” как на “тяжкий крест”, который, как отмечал Чебышев, “надо было донести туда, где его можно снять без

срама”³³. Все это происходило на фоне острого “амбиционного” соперничества.

Но самое главное “непредрежденство” усиливало неопределенность политического лозунга “единая и великая Россия”. Без сомнения, он отражал русскую идею, представляя, в первую очередь, ее “национально-государственный” уровень с принципом “Москва - Третий Рим”³⁴. При этом для белых было гораздо важнее определить смысл генерального направления, нежели чем его конкретно реализовать. Поэтому “социальный уровень” русской идеи в виде политических режимов как конкретных структур для наилучшего воплощения христианских принципов в жизни общества был слабее представлен в идеологии белого движения. Что же касается “духовного уровня” как идеала “святости”, то он отчасти воплощался в нравственном максимализме противобольшевистского движения и, в первую очередь, его вождей. “Гордость героя” и невозможность примириться с “роковой необходимостью стрелять в своих же” вынудили, например, донского атамана А.М. Каледина 29 января 1918 г. уйти из жизни. А патриарх белого дела генерал М.В. Алексеев призывал погибнуть только “со спокойной совестью” - сделано все, что было возможно для ликвидации большевизма³⁵.

Трансформации русской идеи в стратегический императив белого дела способствовали и восприятие большинством русского офицерства борьбы против большевиков как продолжение первой мировой войны, и усиленная пропаганда вслед за Милюковым и донским атаманом П.Н. Красновым лозунгов спасения России “руками самой России” (“русская ориентация”), а не с помощью “чужеземных штыков”. Правда, нельзя не отметить, что при этом, как писал 11 июня 1919 г. на страницах газеты “Рижский фронт” белый журналист Н. Бережанский, большинство все-таки руководствовались исключительно “математическим расчетом”, т.е. “той самой меркой, которой чужды романтичность и сентиментализм”.

Однако в условиях гражданской войны религиозное начало русской идеи разбивалось о суровую действительность политического противоборства, потому сама борьба за возрождение России носила политические окраски. Прав был князь Г. Трубецкой, когда утверждал, что во всем произошедшем в годы гражданской войны “сказалось глубокое противоречие между коренными духовными основами и повседневным укладом жизни русского человека”³⁶.

Определенную роль играла и дифференциация противобольшевистского движения на “великодержавное” и “областное”. Если первая, по оценкам лидера кубанского казачества П.Л. Макаренко, представляла собой “борьбу русских между собой за власть”, то вторая - борьбу “национальностей за свое освобождение от власти всякой России”³⁷. Но, несмотря на это, обе эти антибольшевистские силы активно сотрудничали, взаимодополняя друг друга. “Общероссийское” пользовалось прикрытием и территорией “областного”, которое, в свою очередь, как подчеркивал Головин, “в критические минуты” борьбы с большевизмом нуждалось в помощи “общероссийского”³⁸. Их разъединяли разные подходы к восстановлению “единой и великой России”. Если “самостийное”, как указывал Деникин, - “вопрос о будущем России” ставило в зависимость от выполнения своей главной задачи - борьбы с большевизмом, то “великорусское” было нацелено на “объединение осколков бывшей России” для последующей коалиционной борьбы за политическую власть в стране³⁹.

Следствием проявления в подобном виде русской идеи было то, что белые лидеры занимались главным образом разработкой политической стратегии, а не практической политикой, опираясь при этом на идеал и на Божью помощь. По образному выражению Вишняка, это был своеобразный “политический нигилизм”, “хитро задуманный план обхода политики стратегией”⁴⁰. А потому преодолеть традиционные для России этатизм, гипертрофию государства и атрофию гражданского общества было не под силу ни одному белому режиму, постоянно колеблющемуся между тиранией и охлократией.

Порожденная социальным конфликтом в форме отчуждения общества от государства русская идея не смогла стать панацеей от братоубийственной войны. Соглашаясь с Вишняком, следует отметить, что в гражданской войне всякие идеи имеют “второстепенное значение”, поскольку ими далеко не всегда побеждаются штыки⁴¹. Главной причиной поражения белых стала их неспособность реализовать всеми осознаваемые и широко рекламируемые, особенно Колчаком, установки на подчинение тыла фронту. Попытки в первую очередь восстановить мифические в условиях гражданской войны “законность и порядок” делали белое движение беззащитным в вооруженной борьбе против “военного коммунизма” большевиков.

¹ И л ь и н А.А. Белая идея //Белое дело. - Берлин, 1926. - Т.1.-С.8.

² М и л ю к о в П.Н. Россия на переломе. - Париж, 1927. - Т.2.-С.6.

³ Д е н и к и н А.И., Лампе фон А.А. Трагедия белой армии. - М., 1991. - С.3,8,13.

⁴ М е л ь г у н о в С.П. Трагедия адмирала Колчака. - Белград, 1931. - Ч.111.- Т.1.-С.71.

⁵ Русский Совет: Положение о Совете, задачи Совета, обзор деятельности. - Париж, 1921. - С.15,17,21.

⁶ См.: И л ь и н А.И. Указ. соч. - С.7,9,10,15; Он же. Белая идея // Молодая гвардия. - 1992. № 1 - 2.-С.208,210,212; Он же. Наши задачи. - М., 1992. -Т.1-С.323.

⁷ Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. - София, 1921. - С.1,4.

⁸ Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология. - М., 1993.- С.237.

⁹ С т е п а н о в И. Белые, красные и евразийство. - Брюссель, 1927. - С.1,8,15.

¹⁰ К у с к о в а Е.К. Куда мы движемся? О “Востоках” и Западе // Воля России. - Прага, 1928. - № 8-9.-С.139.

¹¹ Л е б е д е в В. Россия, славянство и интервенция // Воля России. - Прага. 1922. - № 6.-С.20-21.

¹² С у х о м л и н В.В. Политические заметки // Воля России. - Прага. 1928. - № 10-11.-С.158-159.

¹³ Г а н А. Россия и большевизм. - Шанхай, 1921. - Ч.1.-С.IX.

¹⁴ В и ш н я к М.В. Всероссийское Учредительное собрание. - Париж, 1932.-С.119.

¹⁵ М и л ю к о в П.Н. Указ. соч. - С.1,3.

¹⁶ Ф а л ь ч и к о в Г. “Белое движение” /По поводу доклада П.Н. Милюкова/ // Воля России. - Прага, 1924. - № 18-19.-С.203.

¹⁷ М е л ь г у н о в С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова /по поводу “Россия на переломе”/. Критико-библиографический очерк. - Париж, 1929.-С.6.

¹⁸ Ф а л ь ч и к о в Г. Указ. соч. - С.103.

¹⁹ М е л ь г у н о в С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова. - С.13.

²⁰ Г о л о в и н Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. - Париж, 1927. - Ч.1. - Кн. 1.-С.8,9,91.

²¹ С т е п а н о в И. Указ. соч. - С.8.

- ²² Труды Учредительной конференции Русского народно-монархического союза /конституционных монархистов/ с 15 марта по 5 апреля 1922 г. - Мюнхен, б.г.-С.65.
- ²³ Локоть Т.В. Смутное время и революция /Политические параллели 1613-1917 гг./ - Берлин, 1923.-С.90.
- ²⁴ Русский Совет. - С.21.
- ²⁵ Головин Н.Н. - Указ. соч. - С.91.
- ²⁶ Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. - Париж, 1926.-С.169.
- ²⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. - М., 1991. - С.236.
- ²⁸ См.: Устрялов Н. Под знаком революции. - Харбин, 1925. - С.31; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. - С.247-248.
- ²⁹ См.: Устрялов Н. Указ. соч. - С.90; Вишняк М.В. Указ. соч. - С.119.
- ³⁰ Труды Учредительной конференции... - С.13.
- ³¹ Черно в В. "Подполье" и "надполье" в подготовке корниловского движения // Воля России. - Прага, 1923. - № 4.-С.27; Сталинский Е. Возможен ли бонапартизм в России // Воля России. - Прага, 1927. - № 8-9.-С.121.
- ³² Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность. - Берлин, 1922.-С.4.
- ³³ Труды Учредительной конференции... - С.65.
- ³⁴ Назаров М. Заговор против России. - М., 1993. - С.180-183.
- ³⁵ См.: Мельников Н.М. А.М. Каледин - герой луцкого прорыва и донской атаман. - Мадрид, 1968. - С.292; Письмо генерала от инфантерии М.В. Алексеева к генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу // Белое дело. - Берлин, 1926. - Т.5.-С.82.
- ³⁶ Трубецкой Г. Красная Россия и Святая Русь. - Париж, 1931.-С.60.
- ³⁷ Макаренко П.Л. Рецензия на книгу профессора генерального штаба полковника А. Зайцова "1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны" // Вольное казачество. - Париж, 1935.-25 марта.-С.15.
- ³⁸ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. - Париж, 1937.- Ч.2.-Кн.З.-С.101.
- ³⁹ Деникин А.И. История // Донская летопись. - Прага; Белград, 1924.-Т.3.- С.363-364.
- ⁴⁰ Вишняк М.В. Черные годы. - Париж, 1922.-С.55.
- ⁴¹ Там же. С.57.
-

ТРАГЕДИЯ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА БЕЛЫХ АРМИЙ НА ВОСТОКЕ СТРАНЫ

В нашей истории уже не раз бывало, что политические катаклизмы напрямую отражаются как трагедия на личных судьбах представителей целых социальных слоев. Пожалуй, в первую очередь, такое воздействие всегда испытывает офицерский корпус. В массовом сознании до сих пор, да и в исторической литературе до недавнего времени, господствовало представление об офицерском корпусе периода революции и гражданской войны, как о враждебном трудовому народу едином целом.

Белогвардейский офицер стал символом гражданской войны. Насколько сложившийся стереотип соответствует реальности? Без выяснения вопросов что представлял собой командный состав армии России к концу I мировой войны и каково его отношение к революции, не может быть достаточно полно осмыслена вся история великого социального разлома начала века.

К началу мировой войны общая численность командных кадров вооруженных сил России составляла немногим более 53 тысяч человек¹. К октябрю 1917 г. в прапорщики, первый офицерский чин в военное время, произведено было около 220 тыс. человек², то есть в 4,5 раза больше, чем было всех кадровых офицеров накануне войны. Необходимость подготовки такого количества командного состава диктовалась тем, что кадровый состав основного рода войск - пехоты, понес тяжелые потери уже в боях первых месяцев войны и был "добит" во время летнего отступления 1915-г. В результате к осени 1917 г., как отметил историк А.Г. Кавтарадзе, в пехотных полках командный состав можно было разделить на две неравные, резко отличавшиеся друг от друга части - кадровых офицеров (главным образом начавших войну младшими офицерами), в какой-то степени еще сохранивших свои сословные признаки, и офицеров военного времени, которые в своем подавляющем большинстве представляли мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, служащих, выходцев из рабочих и, особенно, крестьян.

Первые составляли около 4% от всего офицерского состава (т.е. 1-2 кадровых офицера на полк), остальные 96% были офицерами военного времени. Причем не менее половины от общего числа офицеров военного времени составляли прапорщики, выпущенные во второй половине 1916 г. и в 1917 г. Многие из них вообще не имели боевого опыта. Не имели они и высокой теоретической подготовки - свыше 50% не имели даже общего среднего образования³.

Материальное положение подавляющего большинства младшего офицерства было тяжелым, жалование 2000 руб. в год являлось в 1917 году мизерным. Фактически, если офицер не имел иных доходов, уровень его благосостояния даже по пролетарским стандартам был низок. К тому же за годы войны произошла девальвация рубля, и если другие слои населения хотя бы частично компенсировали последствия этого, то жалование офицеров оставалось неизменным⁴.

Поэтому положение о том, что офицерский корпус русской армии был "буржуазно-помещичьим" или что он состоял, "как правило", "в подавляющем большинстве" из выходцев или представителей "эксплуаторских классов" - не правомерно ни для времени накануне I-й мировой войны, ни, тем более, для осени 1917 года.

Офицерский состав армии отнесся к свержению самодержавия без активного противодействия, а в своем большинстве даже сочувственно. Достаточно сказать, что даже самые "верхи" армии высказались за отречение Николая II от престола. Это были и начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М.В. Алексеев и все главнокомандующие армиями фронтов.

"Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии, - вспоминал А.В. Колчак, командовавший тогда Черноморским флотом, - и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, - что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего... Я приветствовал революцию"⁵.

Настроение казаков выразил командир I-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А.И. Дутов, избранный в марте 1917 г. председателем Совета "Всероссийского союза казачьих войск". В сентябре 1917 г. он писал: "Казачков упрекают в приверженности монархии и корят тем, что бывшие цари милостивы были к казачеству... Пусть за старый строй идет кто-либо другой, а казачеству он достаточно известен: и любви к нему никогда не было, да и никогда не будет..."⁶.

Тем не менее, Февральская революция значительно осложнила положение офицерского корпуса. Приказ № 1 Петроградского Совета вырвал Петроградский гарнизон из-под власти офицерства. "В течение первых недель Новой Власти, - отмечалось в альбоме "Белая Россия", вышедшем в Нью-Йорке в 1937 г., - совершился разгон старшего командного состава, выразившийся весьма внушительной цифрой 150 лиц"⁷.

Выступление Корнилова в конце августа 1917 г. внесло раскол в среду офицерства, разделив его на сторонников военной диктатуры и ее противников, образовало непреодолимую пропасть между командным составом и солдатской массой, вызвав ненависть ко всем офицерам независимо от их служебного положения и социального происхождения.

Прошла волна самосудов над офицерами. Так, 29 августа в Выборге было убито 11 офицеров 42-го Отдельного армейского корпуса вместе с его командиром генералом В.А. Орановским. Только из строевых частей Действующей армии в этот период было изгнано около 10 тыс. офицеров⁸.

Кадровый офицер, известный в будущем атаман Г.М. Семенов, позднее писал: "Революционное правительство (т.е. Временное), несомненно, сознательно бросило офицерский корпус на произвол звериных инстинктов охамевшей, развращенной толпы, подстрекаемой агитаторами

на всякие эксцессы против интеллигенции вообще и офицеров в особенности”⁹.

А.Г. Кавтарадзе, исходя из определенной им цифры численности офицерского корпуса на октябрь 1917 г. - 250 тысяч, сделал попытку подсчитать, какое количество офицеров встретило Октябрьскую революцию враждебно и сразу же, немедленно, выступили против нее с оружием в руках по всей стране. Он получил цифру максимум в 5,5 тыс. офицеров, то есть менее 3% от их общей численности. Таким образом подавляющее большинство офицерского корпуса заняло по отношению к Октябрьской революции выжидательную позицию¹⁰.

Как же отнеслась новая власть к офицерам? Первым и крупным актом большевиков по проведению в армии выборного начала, было решение Совнаркома от 9 (22) ноября 1917 г. о смещении Верховного Главнокомандующего генерала Духонина и назначение на этот пост прапорщика Н.В. Крыленко¹¹. Судьба Духонина известна - растерзан солдатами. Заместителем Крыленко был назначен тоже прапорщик, он же Главком армиями Западного фронта, А.Ф. Мясников. После этого кампания по проведению выборов командного состава развернулась широко.

Кстати, именно за неявку с докладом новому Главнокомандующему был 12 ноября арестован и провел 4,5 месяца в тюрьме командующий 5-й армией генерал В.Г. Болдырев - будущий Главком армии Уфимской Директории. Родился этот генерал в Сызрани, в семье крестьянина, занимавшегося кузнечным ремеслом. Отречение Николая II совершилось на глазах Болдырева, бывшего тогда генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта, и у него же в первое время хранился сам акт об отречении. Добавим, что в октябре 1922 г. В.Г. Болдырев добровольно сдался советским властям во Владивостоке, мотивируя свое решение угрозой России с Запада и что “в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди моего народа”¹².

Приказом Н.В. Крыленко № 976 от 3 (16) декабря 1917 г. узаконивалось упразднение офицерских чинов и званий и ношение погон, вводилась выборность командного состава до командира полка включительно. (Заметим, что только до полка, не выше, специалисты высокого класса были нужны). При этом избранные на любую должность офицеры, хотя бы и ниже ранее занимаемой, обязаны были продолжать службу. Неизбранные приравнивались “к остальным солдатам революционной армии” и получали содержание, положенное рядовому. Неизбранные старше 39 лет могли уйти в отставку, при этом пенсия за службу не предусматривалась. 11 (24) и 16 (29) декабря 1917 г. основные положения этих приказов были закреплены декретами ВЦИК и Совнаркома¹³.

В телеграмме командующего 7-й армии генерала Я.К. Циховича на имя Н.В. Крыленко отмечалось, что “армия уже демократизирована до такой степени, что на мировой чаше весов она исчезла и никто с ней не считается”, что переустройство армии “на образец невиданный и неслыханный ни в одной из армий” и, в частности, уничтожение резерва при штабах военных округов “заставляет массу офицеров, покинувших строй не по своей воле..., пойти на улицу просить подаяния”. Однако, по мнению Крыленко, “в произведенной нами работе по формированию армии военные специалисты оказались излишними. Излишними они оказались и для другой работы”.

По мнению же крупного военного специалиста А.А. Свечина, служившего у красных, в период слома старой армии и ее офицерского кор-

пуса была “допущена большая ошибка”, в результате которой многие тысячи бывших офицеров пополнили армии Алексеева, Деникина, Врангеля и других, это - демобилизация “бывших генералов и офицеров без всякого обеспечения”.

Важно отметить, что не бегство “подавляющего большинства” бывших генералов и офицеров на Юг и Восток страны, чтобы начать вооруженную борьбу с Советской властью - как писали советские историки, - и не “репрессии ЧК”, вынудившие офицеров сделать то же, - как писали белоэмигрантские авторы, а прежде всего дислокация гарнизонов русской армии по стране стала первопричиной того, как сложилась судьба того или иного офицера. Только часть из них при этом делала сознательный классовый выбор, большинство же поступало на службу, испытывая материальные затруднения или по принуждению¹⁴.

Вот история полковника А.П. Перхурова. Того самого, который возглавил Ярославский мятеж в июле 1918 года. Потомственный дворянин, выпускник Академии Генштаба. Расстрелян в Москве 22 июля 1922 г. Перед судом, в тюремной камере, он написал воспоминания. Что же привело его в ряды организации Б.В. Савинкова? “Я как солдат, достигший 40-летнего возраста”, - вспоминал он, - имел право на увольнение от службы. Поэтому в январе 1918 г. с соответствующими документами в кармане я был уже в дороге, направляясь через Петроград и Москву в Екатеринбургскую губернию, куда перевез свою семью на время войны из Владивостока. Хотя я ехал по официальным документам как солдат, но остатки офицерской одежды, бывшей на мне, сразу же показывали каждому, что я “солдат из офицеров”. А этого было вполне достаточно, чтобы во многих случаях подвергнуться неприятностям до лишения жизни включительно. Трудно передать все затруднения, опасности и лишения, которые пришлось испытать в пути, пока я добрался до семьи. Невеселую картину застал я дома: больная жена, дочь, лишившаяся места учительницы только потому, что у нее отец - офицер, и маленький сын, ютящийся в одной только комнате. Полное отсутствие денежных средств и сколько-нибудь ценного имущества. Найти работу бывшему офицеру в маленьком уездном городке почти на линии фронта оказалось невозможным. Я решил вернуться обратно в Москву, проездом через которую слышал о каких-то рабочих артелях из бывших офицеров, союзах и т.п. Однако в Москве оказалось, что “бывшему офицеру” трудно найти не только работу, но даже и пристанище. Время шло. Постоянной работы не находилось, остаток денег от дороги приходил к концу. Положение становилось критическим”. Тогда и состоялась встреча с Б.В. Савинковым, финал которой нам известен¹⁵.

И все же, несмотря ни на что, по подсчетам А.Г. Кавтарадзе, из 250 тысяч офицеров и генералов в 1918-1920 годах 75 тыс. человек (30%) сражалось в рядах Красной армии; 100 тыс. человек (40%) сражалось в белых и других армиях против Советской власти; и 30% офицерского корпуса старой армии по различным соображениям и причинам не участвовали в гражданской войне¹⁶.

В политическом самоопределении командного состава большую роль сыграло подписание унижительного Брестского мира. Для офицества, проливающего кровь на фронте и стоявшего за войну до победного конца, подписание мира олицетворялось с поражением, капитуляцией перед врагом, а для некоторых служило доказательством того, что большевики действительно германские шпионы.

Испытывая по отношению к себе подозрительность и недоверие, подвергаясь беспричинным арестам, взятию в заложники, заключению в концлагеря, превращению в заложников их семей, даже нейтрально настроенные офицеры превращались в ярых противников новой власти. Иначе нельзя объяснить поведение офицеров, например, во время выступления чехословаков в Челябинске в мае 1918 г., когда из 120 офицеров, служивших в Красной армии, 112 перешли к противнику и только 8 остались верны Советской власти.

О политических настроениях офицерства говорит и история с Академией Генштаба, эвакуированной в марте 1918 г. в Екатеринбург. Старший класс академии, набранный из кадровых офицеров старой армии еще до Октябрьского переворота, насчитывал 216 слушателей. Впоследствии только 13 из них будут сражаться на стороне большевиков.

Высокая степень насыщенности повстанческих частей Ижевской Народной армии квалифицированными военными специалистами, была одной из причин, позволивших одерживать ей на первых порах победы над частями Красной армии. На 20 солдат в Ижевско-Воткинском районе приходилось в октябре 1918 г. по 1 офицеру (300 - на 3000 фронтовиков и 3000 рабочих)¹⁷.

Сегодня невозможно оспорить, что гражданской войной со стороны белых руководили отнюдь не монархисты, а либералы (прежде всего - кадеты) и революционеры, не согласные с большевиками (главным образом - эсеры). Главные вожди белых армий - выдвиненцы кадетско-эсеровского Временного правительства. Да и на знаменах Белой идеи было начертано: к Учредительному Собранию, то есть то же самое, что значилось и на знаменах Февральской революции. Борьба Красной и Белой армий, как заметил М.В. Назаров, вовсе не была борьбой между "новой" и "старой" властями - это была борьба двух "новых" властей - Февральской и Октябрьской¹⁸.

Отсюда и положение в белых армиях младших офицеров, составлявших большинство офицерского корпуса, монархизм которых, на наш взгляд преувеличивается. По-видимому, достоверна характеристика политических убеждений Добровольческой армии, данная генералом Я.А. Слащевым-Крымским: "Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. "Боже, царя храни" все же провозглашали отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на "учредилку", избранную по "четырёххвостке", так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал... Получилась мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистко-эсерствующих низов"¹⁹.

И речь здесь идет о Добровольческой армии Юга. Что же мы видим на востоке страны? В армии адмирала А.В. Колчака числилось около 17 тысяч офицеров и генералов. Кадровых офицеров (производства до 1915 г.) насчитывалось менее 1 тысячи, а офицеров военного времени (производства 1916 г. и позднее) - 15-16 тысяч. Дивизиями и корпусами не командовал ни один из генералов старой армии. Из генералов старой армии видную роль играли лишь два - М.К. Дитерихс и М.В. Ханжин²⁰.

Но и здесь отчуждение солдат от офицеров, долгое время зревшее в ходе неудачной войны и поддерживаемое левыми партиями, проявлялось отчетливо даже в казачестве. 3-й Чрезвычайный круг Оренбургского казачьего войска в сентябре 1918 г. постановил: "Офицерский союз (со-

брание), устроенный офицерами, теперь же прекратить, как имеющийся политический характер”²¹.

И, конечно же, далеко не благожелательное отношение офицеры, воевавшие в белых армиях, испытывали к тем, кто, даже и не по своей воле, попал к красным. В конце декабря 1918 г. в колчаковской газете “Свободное Слово” появилась статья офицера Генштаба Язвина, по поводу отношения к составу перешедшей к белым Академии Генштаба. “Полагаю необходимым, - писал он, - возбудить вопрос о предании военно-полевому суду всех офицеров..., служивших у большевистской власти после 12 марта 1918 г. и получивших за свою службу большевистские деньги и, тем самым, активно за плату участвовавших в уничтожении русской государственности...”²².

Призыв не остался на бумаге. В армии Колчака имелись Окружные следственные комиссии для рассмотрения деятельности офицеров и чиновников, причастных к большевистской организации²³.

Надо сказать, что и красные, и белые по занятию городов в числе первых издавали приказы об обязательной регистрации всех бывших офицеров под страхом строжайших кар. Уже 23 июля Временное Сибирское правительство издает постановление: “Никакие отсрочки, равно как освобождение от призыва на службу, в войсках... для офицеров и военных чиновников в возрасте до 43 лет не допускаются”²⁴.

Заняв Пермь, командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал А.Н. Пепеляев 26 декабря 1918 г. объявляет населению: “Кто не с нами, тот против нас!”²⁵, а офицерам приказывает: “Всем офицерам старой русской службы явиться к Начальнику Гарнизона 29 декабря в 12 часов. Не явившиеся будут считаться дезертирами и преданы будут военно-полевому суду”²⁶.

7 января 1919 г. А.В. Колчак издает приказ об отмене всех отсрочек офицерам, служащим в предприятиях и работающим на оборону. Свидетельства о болезнях, “выданные во время большевизма, считать недействительными и подвергнуть переосвидетельствованию всех освобожденных от военной службы”²⁷. “Заявления офицеров о переводе на гражданскую службу, - предупреждает начальник гарнизона г. Перми 10 января 1919 г., - рассматриваться не будут”²⁸.

16 мая 1919 г. - еще один приказ А.В. Колчака: о сокращении отпусков из армии и переосвидетельствовании всех офицеров, которые имеют свидетельства о непригодности к строевой службе²⁹; а 20 августа - о запрещении всех отпусков и отзыве в войска всех, кто в них числится³⁰.

А вот конкретная судьба младшего офицера. В архиве управления ФСК по Омской области хранится дело подпоручика колчаковского 1-го Бузулукского полка Карпенко Феодосия Семеновича. В 1917 г. он окончил Владимирское военное училище в Петрограде и получил чин прапорщика. В декабре по приказу новой большевистской власти он привлечен для подавления выступления атамана Дутова вместе со своим 170-м полком старой армии. 15 января 1918 г. Карпенко демобилизован и решил жить под Рыбинском. Однако, в конце мая выехал в Бузулук за своими вещами и в гости. Здесь его застигает выступление чехословацкого корпуса. Бывший офицер арестовывается чехословацким комендантом за участие в борьбе против Дутова, но сумел освободиться под поручительство офицеров бывшего 170 полка. Стремясь уклониться от участия в гражданской войне, он уходит из Бузулука в деревню с символическим названием Тупиковка и устраивается на работу учителем. Тем не менее, 14 июня объ-

является мобилизация в Народную армию Самарского Комуча, и Карпенко не только опознан, но и привлечен к ответственности за сокрытие офицерского звания. Но командиры нужны, и он тут же амнистирован, и получает назначение в 1-й Бузулукский полк. Немудрено, что в ноябре он попадает в госпиталь с серьезным нервным расстройством.

Затем было и отступление, и присвоение, уже в Семиречье, звания подпоручика от генерала А.С. Бакича, и обморожение, и тиф. Из госпиталя Международного Красного Креста вышел в августе 1920 г. уже на китайской территории. Еще в начале 1920 г. Оренбургская армия, в которой Бакич командовал корпусом, перешла китайскую границу и была интернирована в Синьцзяне, вблизи г. Чугучак.

Весной 1921 г. остатки белых самовольно - помимо разрешения китайских властей - под командой А.С. Бакича ушли к истокам Черного Иртыша. Их гнал голод и опасность вторжения красных, которым китайцы тайно открывали границу. Третья часть из них погибла в пути через безводные степи Джунгарии. Остальные захватили штурмом г. Шара-Сумэ. Между прочим, над штабом Оренбургской армии в Шара-Сумэ развевался красный флаг и лишь в верхнем его углу, возле дровяка, был нашит крошечный трехцветный треугольник.

Но вернемся к архивной автобиографии Карпенко, которая читается как авантюрный роман, и, в то же время, это реальная трагедия. В лагере на почве голода началось брожение. Дошло до того, что были составлены списки желающих сдаться и тайно переданы через границу красным. В сентябре или октябре 1921 г., - пишет Карпенко, - к Шара-Сумэ пришла 13-я советская кавалерийская дивизия (опасения Бакича были не напрасны). Желавшие перейти были сразу же приняты, а кто не хотел вернуться в Россию, ушли куда-то в горы. Почти все солдаты были освобождены, а бывшие офицеры арестованы для производства следствия. Большая часть из них в Семипалатинске предана суду. Сам Карпенко, в числе 40-50 чел., отправлен был в Омск³¹. А генерал-лейтенант А.С. Бакич, кадровый офицер, георгиевский кавалер, поздней осенью 1921 г. в Западной Монголии сдался в плен. Осужден ревтрибуналом в Новосибирске в 1922 г. и расстрелян³².

Но вернемся к начальному периоду гражданской войны. 8 июня 1918 г. в Самаре создается Комуч - комитет из членов разогнанного Учредительного собрания, состоявший в большинстве из эсеров. Самарское правительство было признано Оренбургским и Уральским казачьими войсками. Комуч приступил к формированию Народной армии. Создавать боевые части без офицерства, естественно, было невозможно. Но эсеровское правительство в глазах офицеров было наследником предавшего их Временного правительства. Начальник оперативного отдела штаба Народной армии генерал П.П. Петров вспоминал: "Мобилизованное офицерство работало неохотно, иногда протестуя против гражданской войны. Неуверенное в успехе, оно часто держалось как-то выжидательно..., если существуют у офицеров разные мнения о Керенском, то к Чернову они относятся единодушно - с ненавистью и гадливостью. Ленина и Троцкого ненавидят, пожалуй, меньше"³³.

Ему вторит генерал-лейтенант К.В. Сахаров: "Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава: начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то

же, что Керенский проводил в 1917 г. в Русской армии для ее развала. "...Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизни только за Россию", - говорили офицеры..."³⁴.

Вот при таких настроениях подполковник В.О. Каппель принял предложение эсеров вступить в командование 1-й добровольческой (Самарской) дружиной. "Согласен. Попробую воевать. Я монархист по убеждению, но стану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками. Даю слово офицера держать себя лояльно к Комучу"³⁵.

Кроме несомненных полководческих способностей Каппель обнаружил и политические. Управляющий делами Совета министров колчаковского правительства Г.К. Гинс писал: "Наряду со своими военными способностями Каппель стал обнаруживать политические. Он, например, приказал отпускать на свободу обезоруженных пленных красноармейцев. Он был первым и, может быть, единственным тогда из военачальников, который считал "гражданскую войну" особым видом войны, требующим применения не только орудий истребления, но и психологического воздействия. Он полагал, что отпущенные красноармейцы могли стать полезными как свидетели того, что "белые" борются не с народом, а с коммунистами".

Подобная политика в отношении красных, конечно же, разительно отличалась от настроений большей части белого командования на востоке страны. Например, приказ генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова фактически предоставлял карт-бланш офицерству Западно-Сибирской армии. "Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково хороши и законны и что победителя вообще не судят ни любящие родную землю, ни современники, ни благоразумные потомки".

Понимая, что боеспособность армии в огромной степени зависит от офицерского состава, и красные, и белые, используя печать, стремились воздействовать на патриотические чувства командиров. Приказ главнокомандующего Уфимской Директории генерала В.Г. Болдырева, обращенный к офицерам, позволяет взглянуть на события глазами белых.

"Советская власть, - говорилось в нем, - задавшись целью разложить и уничтожить в угоду Германии русскую армию, нанесла свой первый удар офицерству, унизив их достоинство и натравив на них малозначительную часть солдат... Невзирая на неимоверные усилия лучшей части офицерства, русская армия, лишившись этого главного оплота, была доведена до полного разложения, что и привело нашу Родину к позорному Брестскому миру и порабощению России Германией. К сожалению, приходится признать, что большевистский яд разложения проник и в русскую армию, коснулся и офицерской среды. Теперь, в дни возрождения русской армии, вся тяжесть созидательной работы к ее воссозданию ложится на Вас. Я сделаю все, чтобы облегчить ваш напряженный труд, окружить Вас тем уважением и дать те права, без которых не может протекать плодотворная созидательная работа по укреплению мощи нашей молодой армии"³⁶.

Однако, уже к августу 1918 г. выявились разные точки зрения и среди казачьего офицерства Оренбургского казачьего войска. Одни во главе с Войсковым атаманом А.И. Дутовым после некоторых колебаний начали ориентироваться на консервативные силы Сибири, другие продолжали хранить верность Самарскому правительству.

Это привело к тому, что когда Дутов поспешил признать переворот адмирала Колчака, была предпринята попытка свержения Дутова и Войскового правительства. По свидетельству сподвижника Дутова генерал-майора И.Г. Акулинина в ней участвовали атаман 1-го округа Каргин, командующий Актюбинской группой Генштаба полковник Махин, несколько офицеров (не казаков) во главе с руководителем Башкирского правительства Валидовым³⁷.

Еще в августе 1918 г. открыто заявлял о своих взглядах глава группы казачьих офицеров полковник Ф.А. Богданов, призывая бороться за Учредительное собрание. Через год, 8 сентября 1919 г., он перешел со своей бригадой на сторону Красной армии и участвовал в боях против поляков, врангелевцев, басмачей.

Вполне правомерно предположить, что еще более индифферентные и, даже более левые взгляды, имела масса офицерства в целом. Ведь ее основу составляли младшие командиры. Распределение офицеров по чинам можно продемонстрировать на примере 15-го Оренбургского казачьего полка (данные на декабрь 1918 г.): полковник - 1, войсковых старшин - 2, есаулов - 2, подесаулов - 3, хорунжих - 6, прапорщиков - 12, поручиков - 3, подпоручиков - 2, подпрапорщиков - 5, юнкеров - 1.³⁸ Таким образом, на 5 старших офицеров приходится 26 младших, то есть в 5 раз больше (даже не считая 5 подпрапорщиков и юнкера).

Младшие офицеры переходили, случалось, и на сторону красных. Так, приказом № 355 от 25 июня 1919 г. командующий Омским военным округом генерал Матковский лишил офицерского звания прапорщиков Н. Сергеева, Г. Гончарова и С. Сергиенкова за то, что «они состоят главарями большевистских шаек в Томском уезде и ведут боевые действия против наших войск»³⁹.

В целом в Красной армии за годы гражданской войны проходили службу 12 тысяч бывших белых офицеров колчаковской, деникинской и других армий, которые в ходе боев либо добровольно перешли на сторону РККА (например штабс-капитан Л.А. Говоров, будущий Маршал и Герой Советского Союза - командир артиллерийской батареи в армии Колчака), либо после пленения⁴⁰.

Вот судьба зауряд-прапорщика Д.И. Корепанова. Родился в семье крестьянина Вятской губернии в 1892 г. Окончил учительскую семинарию. С августа 1914 г. мобилизован и в 1915 г. получил офицерское звание. В августе 1918 г. вместе с красными отступил от отрядов Семенова из Читы в Иркутск и был разжалован захватившими город белыми, за службу красным, в рядовые. Призван и служил писарем в кадровом полку Сибирской армии Колчака. В декабре 1918 г. полк отправлен для борьбы с партизанами в Канский уезд и вместо этого перешел к ним. Причем, все офицеры перешедшего отряда были зарублены и расстреляны, а Корепанов как рядовой в течение года продолжал воевать в составе Тасеевского партизанского отряда. Из Красной армии, где оказался позднее, демобилизован как учитель в начале июня 1920 года⁴¹.

Не было единым офицерство и внутри воевавшего колчаковского стана. На 3-м Чрезвычайном Войсковом круге Оренбургского казачьего войска начальник штаба 3-го Уральского корпуса генерал-майор Сукин (кстати, потомок командира Преображенского полка, которым его предок командовал при Петре I)⁴² докладывал, что «нашлись отдельные лица и среди офицеров, примкнувшие к большевикам. Отбрасывая эти единицы, генерал указывает, что все остальное офицерство разбилось на две час-

ти, из которых одна признала необходимость вести борьбу, не складывая оружия; другая часть, видя бесполезность такой борьбы до тех пор, пока массы не переболели большевизмом и не изживут его, временно сложила оружие, выжидая событий. Но когда время борьбы настало и началось восстание масс, эта часть офицерства поголовно, включая даже стариков, встала в ряды бойцов. Генерал считает должным заявить, что эта последняя часть офицерства также честно исполняла свой долг перед войском, как и первая, и ни в коем случае нельзя признать основательными те отношения, которые приходится наблюдать со стороны многих представителей 1-й группы к группе 2-й. Заканчивая свою речь, генерал Сукин призывает офицерство прекратить эти счеты и прийти к примирению между собой"⁴³.

Раскол проходил и внутри кадрового офицерства. Потомок декабриста И.А. Анненкова, Борис, окончил Одесский кадетский корпус и Московское военное Александровское училище, то есть, был кадровым офицером. Храбро воевал на фронте во главе Партизанского отряда. В декабре 1915 г. Николай II вручил ему Георгиевское золотое оружие - шашку с надписью "За храбрость". И вот его отношение к офицерам старой армии: "Старых генералов я считал хламом, - вспоминал Анненков после гражданской войны, - такое убеждение у меня сложилось еще на германском фронте. Поэтому я отвергал всех старых генералов и назначал молодых командиров, чем оздоровил начальствующий состав... Кадровые офицеры избегали идти в мой отряд... настоящей причиной чаще всего являлось нежелание служить под командой нижних чинов..."⁴⁴.

Офицеры же военного времени, преобладавшие в войсках Комуча и адмирала Колчака, тем более, в большинстве своем, как показали последующие события, не стали прочной основой режиму военной диктатуры. А на завершающем этапе гражданской войны даже ускорили его падение на востоке страны.

По словам офицеров-перебежчиков, командный состав армий Колчака не доверял штабным работникам бывших войск Комуча - офицеров-социалистов сажали в тюрьмы.

То, что уже весной 1919 г. колчаковское командование не доверяло части офицерства, доказывает и тот факт, что еще тогда, например, штаб 2-го казачьего корпуса потребовал произвести переоценку всех офицеров, как строевых, так и нестроевых, в смысле их "надежности и верности принципам и идеалам, за которые борется Российская армия". Циркуляр требовал "неблагонадежных офицеров решительно отстранять и допускать к замещению офицерских должностей твердых и испытанных подпрапорщиков и подхорунжих..."⁴⁵.

Однако, выполнению подобных предписаний мешало одно обстоятельство. Генерал для поручений при Колчаке М.А. Иностранцев отмечал, что в формировавшихся частях "был сильный некомплект офицеров, так что чины последних далеко не соответствовали занимаемым ими должностям... Полками командовали иногда капитаны, а ротами - прапорщики и, причем, без боевого опыта. Все это должно было, конечно, отражаться на подготовке этих молодых частей"⁴⁶.

Офицерский корпус армии Колчака быстро сокращался. Только за полтора месяца боев - с 1 сентября по 15 октября 1919 г. - убитыми и ранеными Уфимский корпус потерял 480 офицеров, Волжский - 224, Уральский - 227, Степная группа - 57⁴⁷. Им на смену приходила интеллигенция, в основном учителя, настроенные проэсеровски. Командный состав

уменьшился не только за счет боевых потерь, но и в результате дальнейшей эволюции мировоззрения колчаковских офицеров, приводившей к переходу в Красную армию. Например, только в составе красных войск, сражавшихся в районе Иркутска (январь 1920 г.), их насчитывалось уже 635⁴⁸.

Да и те, кто оставались, в военном отношении оставляли желать много лучшего. Не кто-нибудь, а военный министр правительства Колчака генерал А.П. Будберг 14 августа 1919 г. записал в своем дневнике: "Наряду с небольшим числом настоящих дельных офицеров прибывают (на фронт) целые толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распушенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу; умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию; свидетельствуют... что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеров являются причинами ухода частей с их боевых участков и панического бегства"⁴⁹.

Была и еще одна причина противоречий среди офицеров. В докладе политотдела 3-й красной армии в августе 1919 г. подмечено: "Среди офицерства за последнее время стал намечаться большой раскол. Молодое офицерство, большей частью выпуска военного времени, стало в оппозицию старому кадровому офицерству. Раскол этот, с одной стороны, вызван тем, что в то время как молодое офицерство, находясь все время на фронте, несет всю тяжесть войны при далеко недостаточном материальном обеспечении, старое офицерство со звездочками и погонами на плечах окопалось в тылу. С другой стороны, молодые офицеры в массе настроены против Колчака, так как они не сочувствуют идее реставрации. Многие из них были бы склонны сдаваться в плен, но если до сих пор этого не было, то только потому, что боялись это сделать, веря слепо тем глупым слухам о зверствах большевиков, которые распускал высший командный состав".

Большое воздействие на офицерский корпус колчаковских армий оказал размноженный в листовках приказ № 92 по войскам Восточного фронта Председателя РВСР Л.Д. Троцкого "О запрещении применения репрессий по отношению к солдатам и офицерам - перебежчикам, сдавшимся, или захваченным в плен".

Колчаковское командование, в свою очередь, стремилось повлиять на политическое самоопределение бывших офицеров, находившихся в частях Красной армии. 23 мая 1919 г. А.В. Колчак подписал листовку "От Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего к офицерам и солдатам Красной Армии", и изданную миллионным тиражом. В листовке говорилось, что "все, добровольно пришедшие офицеры и солдаты, будут восстановлены в своих правах и не будут подвергнуты никаким взысканиям, а наоборот, им будет оказана всякая помощь".

Практика гражданской войны на Урале и в Сибири показали офицерству, что советское командование, особенно после решений 8-го съезда РКП(б) и поражения так называемой "военной оппозиции", стало проводить лояльную политику как в отношении своих военспецов, так и в отношении офицеров-перебежчиков из белых армий. Противоборствующая сторона этим похвалиться не могла. Начальник штаба армии Верховного

правителя генерал-майор Д.А. Лебедев был вынужден отдать специальный приказ: "...по собственному почину и под влиянием прокламаций офицеры, находящиеся на территории советской власти, переходят на нашу сторону... В одних местах их принимают на службу, в других расстреливают на месте... Для установления единого взгляда при решении этого вопроса предлагаю перебежавших офицеров отправлять (по расследовании обстоятельств перехода и снятия показаний перебежавших) в штабы округов..."

Если в 1918 г. - первой половине 1919 г. идейно-политическая борьба за офицерство шла с переменным успехом, а в ряде эпизодов гражданской войны, например, при Пермском сражении, чаша весов склонялась на сторону Колчака, то с лета 1919 г. белогвардейская пропаганда не давала ощутимых результатов среди военспецов Восточного фронта⁵⁰.

Началом перелома в этом отношении можно назвать окончание I-й мировой войны. С этого момента все больше было ясно, что большевики защищают хотя бы и красную, но Россию, а их противники находятся в зависимости от иностранных правительств. Безусловно, играло роль и изменение военного положения на фронте.

Воздействие на патриотические слои офицерства оказала, например, такая листовка РВС Восточного фронта - "К офицерам Колчака". В ней говорилось, что "проливая свою кровь в борьбе с нами, вы защищаете не "единую и неделимую Россию", а проценты по займам французских и английских банкиров"⁵¹.

Оказавшись перед дилеммой: большевистская диктатура или колчаковская, большая часть офицерства сделала свой выбор в пользу первой выбрав из двух зол, как они считали, меньшее. Верное, на наш взгляд, объяснение происходившему в это время среди военной интеллигенции процессу дал репрессированный впоследствии военный историк А. Анишев: "Это не было разложением офицерства. Это было разложением той среды, откуда офицерство вышло. Городская мелкая буржуазия колебнулась от Колчака, как только она увидела, что борьба с большевиками это вовсе не есть борьба за ее требования"⁵².

2 июня 1920 г. Совнарком принимает декрет о бывших офицерах, еще оставшихся в лагере белогвардейцев. Советское правительство в этом документе умело использовало рост патриотических настроений бывших офицеров в связи с попытками Польши отторгнуть земли Украины и Белоруссии.

Декрет обещал, что "все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий"⁵³.

В ответ на обращение Особого совещания при Троцком, подписанное в числе других и А.А. Брусиловым, и декрет от 2 июня 1920 г., группа бывших колчаковских офицеров Приуральского военного округа обратилась 8 июня 1920 г. к военному комиссару с заявлением о том, что для них не будет более "почетной службы, чем служба родине и трудящимся", которым они готовы отдать себя всецело на служение "не только в тылу, но и на фронте"⁵⁴.

Мало известна дальнейшая судьба офицеров оказавшихся после разгрома Колчака в Маньчжурии и Китае. Раскол продолжался и там. Трагичны судьбы и красных военных специалистов. Но это уже отдельная тема.

- ¹ Б у р а в ч е н к о в А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. -Киев, 1988. -С.7.
- ² С п и р и н Л.М. В.И. Ленин и создание советских военных кадров // Военно-исторический журнал. -1965. -№ 4. -С.11.
- ³ К а в т а р а д з е А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. -М.: 1988. -С.26-27.
- ⁴ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.). // Отечественная история. -1994. - № 6. -С.51.
- ⁵ Арестант пятой камеры. -М., 1990. -С.283-284.
- ⁶ Ч и р у х и н Н.А. Идеино-политическая программа белоказачьего движения на Южном Урале в годы гражданской войны // Казачество на государственной службе. Мат. науч. конф. -Екатеринбург, 1993. -С.96.
- ⁷ Белая Россия. Альбом № 1. -С.-Пб.-М., 1991. -С.11.
- ⁸ К а в т а р а д з е А.Г. Указ. соч. -С.31.
- ⁹ С е м е н о в Г.А. О себе: воспоминания, мысли и выводы. -Харбин, 1938. -С.44.
- ¹⁰ К а в т а р а д з е А.Г. Указ. соч. -С.37.
- ¹¹ Декреты Советской власти. -Т.1. -М., 1957. -С.63-65.
- ¹² Б о л д ы р е в В.Г. Директория, Колчак, интервенты. -Новониколаевск, 1925. -С.7-12.
- ¹³ Декреты Советской власти. -Т.1. -С.71-72.
- ¹⁴ К а в т а р а д з е А.Г. Указ. соч. -С.38-49.
- ¹⁵ П е р х у р о в А. Исповедь приговоренного. -Рыбинск, 1990. -С.5-6.
- ¹⁶ К а в т а р а д з е А.Г. Указ. соч. -С.177.
- ¹⁷ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С.53.
- ¹⁸ Н а з а р о в М.В. Миссия русской эмиграции. -Ставрополь, 1992. -С.39-40.
- ¹⁹ С л а щ е в-К р ы м с к и й Я.А. Белый Крым. 1920 г. -М., 1990. -С.40.
- ²⁰ Э й х е Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. -М.: 1960. -С.291.
- ²¹ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С.52.
- ²² ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области) Ф.221. Оп.2. Д.104. Л.12.
- ²³ Там же. Д.221а, Л.206.
- ²⁴ Там же. Ф.41. Оп.1. Д.118. Л.18 об.
- ²⁵ Там же. Д.119. Л.38.
- ²⁶ Там же. Д.124. Л.8.
- ²⁷ Там же. Ф.221. Оп.2. Д.221а. Л.75.
- ²⁸ Там же. Л.287.
- ²⁹ Там же. Л.164.
- ³⁰ Там же. Л.256.
- ³¹ АУФСКОО (Архив управления ФСК по Омской области). Д.50 279.
- ³² Казачий круг (Екатеринбург). -1994. -№1. (19.11.1994).
- ³³ П е т р о в П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. (1918-1922 гг.). -Рига, 1930. -С.27, 30.
- ³⁴ С а х а р о в К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). -Мюнхен, 1923. -С.11-12.
- ³⁵ Щ е п и х и н С.А. Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. -Прага, 1930. -С.187.
- ³⁶ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С.55, 57.
- ³⁷ А к у л и н и н И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920 гг. -Шанхай, 1937. -С.102-103.
- ³⁸ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С.57.

⁸⁹ ЦДООСО. Ф.221. Оп.2. Д.221а. Л.228.

⁴⁰ С т е г а н ц е в М.В. Создание и развитие Советских Вооруженных Сил в документах Государственного архивного фонда СССР. Стенограмма науч.-практ. конф. -М., 1988. -С.28.

⁴¹ АУФСКОО. Д.50 295.

⁴² ЦДНИОО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Ф.7924. Оп. 1. Д.153. Л.51.

⁴³ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С.57-58.

⁴⁴ П е т р у ш и н А. Тайна атамана Сибирских казаков // Наше время (Тюмень). - 1992. -17 апр.

⁴⁵ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С.59.

⁴⁶ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.5960, Оп.1. Д8а. Л.61.

⁴⁷ С а х а р о в К.В. Указ. соч. -С.153.

⁴⁸ С о с к и н В.Л., Красильников С.А. Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917-1920 гг.) // Интеллигенция и революция, XX век. - М., 1985. -С. 223.

⁴⁹ Дневник белогвардейца. - Новосибирск, 1991. -С. 295.

⁵⁰ В о й н о в В.М. Указ. соч. -С. 59-60.

⁵¹ К а т к о в Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918-1920 гг. -Л., 1977. -С. 85.

⁵² А н и ш е в А. Очерки истории гражданской войны. 1917-1920. -Л., 1925. -С. 239.

⁵³ Декреты Советской власти. -Т. 9. -М., 1978. -С. 7-8.

⁵⁴ К а в т а р а д з е А.Г. Указ. соч. -С. 169.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ: ЛЮДИ, ИДЕИ, РЕАЛЬНОСТЬ

Нынешний интерес к истории белого движения обусловлен не только современной политической конъюнктурой, но и искренним желанием разобраться в прошлом нашей Родины, попытаться хотя бы понять противников большевиков, долгое время считавшихся в советской историографии “врагами трудового народа”, “реставраторами”, “палачами”, “золотопогонниками” и т.д. и т.п.

Сегодня, пожалуй, в России нет людей, кто бы не считал гражданскую войну великой национальной трагедией нашей страны. Но великое и трагическое видится на расстоянии. В свое время, когда внутренняя война была в разгаре, ее участники имели совершенно иное мнение. Большевики считали ее справедливой и священной борьбой угнетенных против угнетателей. Монархисты и кадеты говорили о “великой смуте”, а себя видели в роли Мининых и Пожарских во главе нижегородского народного ополчения. Таков рефрен лекций, прочитанных П.Б. Струве в Ростове в 1919 г. Крайне правые кричали о “торжествующем хаме” и “жидо-масонском заговоре”. Эсеры и меньшевики, по крайней мере, до конца 1918 г., осуждали политику Советской власти и видели социальный разлом не между имущими и неимущими классами, а внутри рабочего класса и крестьянства. Аналогичными были и оценки белой армии. Народной называлась армия Комуча в 1918 г. Каппелевские соединения и части называли себя “армией рабочих и крестьян” или “национальной армией Русского народа” и т.д.

Конечно, и раньше для историков не было секретом, что в белогвардейских воинских формированиях различных контрреволюционных режимов воевали рабочие, крестьяне, казаки, мещане, но при этом всегда подчеркивалось, что рабочие Перми, Ижевска и Воткинска были “рабочей аристократией”, крестьяне и казаки - кулаками или обманутыми середняками. А об офицерах и говорить было нечего. Участие рабочих в колчаковской армии, возникновение этого классового парадокса отмечали большевистские, эмигрантские, иностранные историки, продолжают изучать современные ученые¹. Но только в наши дни, когда открылись различные “спецхраны” и “спецфонды” архивов и библиотек, можно определить, кто же и по какой причине воевал в белых войсках, проследить судьбы отдельных солдат и офицеров².

Ижевские, воткинские и пермские рабочие были высококвалифицированными мастерами на заводах, производящих оружие. Именно Ижевский и Воткинский заводы начали производство 3-х-линейных винтовок и пулеметов для русской армии. Заводское население этих районов

Урала занималось кустарными промыслами и производило на продажу красивые самовары, столовые приборы, кружева, тарантасы, обувь, охотничьи ружья и т.д. Вместе с тем, уральские рабочие сохранили в этих местах земельные наделы и были, по сути дела, еще и крестьянами. Многие мастеровые имели свои дома, скот, огороды, сады, покосы. Они даже нанимали батраков, занимались подрядами и торговлей. Пропаганда большевиков здесь не имела, в отличие от усилий эсеров, особого успеха. В 1917 г. Временное правительство под флагом “разгрузки” Петрограда переселило на Урал несколько тысяч рабочих с семьями, что сразу же усилило напряженность между “пришлыми” и местными. В свою очередь из Ижевска и Воткинска во Владивосток для работы на местном судоремзаводе и в железнодорожных мастерских были переселены около 1,5 тыс. рабочих с семьями. Они обеспечивали работу морского и железнодорожного транспорта, который занимался перевозкой грузов из США во Владивосток во время I мировой войны³.

Если говорить о крестьянстве Урала, Сибири и Дальнего Востока, то оно не знало такой фигуры, как помещик. Почти две трети крестьян и казаков Сибири и Дальнего Востока были середняками или зажиточными людьми. Здесь широко развивалась кооперация. И по сей день ходят легенды, как маслодельческие кооперативы Сибири кормили сливочным маслом в начале XX века Китай, США и Канаду. Следует учитывать и такую простую вещь, что и понятия “середняк” и “кулак” в Сибири и на Дальнем Востоке были совершенно другими, чем в центре России. Конечно, и здесь существовали кабальная аренда земли, испольтчина и издольщина, батрачество. Однако значительные массивы еще свободных земель, которые необходимо было поднимать для земледелия, иное соотношение социальных слоев в деревне заглушали в определенной степени аграрные противоречия.

После Октябрьской революции проведение большевистской политики национализаций сплошь и рядом сопровождалось грубым насилием и произволом со стороны ревкомов, продотрядов, комиссаров и т.д. Это вызвало возмущение и сопротивление не только зажиточных слоев, но и неимущих рабочих и крестьян. Один из большевиков вспоминал, что большинство рабочих на уральских заводах было настроено враждебно коммунистам и шло за эсерами и меньшевиками. “Мы знали по опыту в Уфе, что там большинство рабочих, в особенности железнодорожники, нас не поддержали”, - писал А. Кучкин⁴.

Мятеж чехословацкого корпуса, восстановление атамана А.И. Дутова ослабили большевистские силы в Ижевске и Воткинске. Летом 1918 г. против большевиков поднялись многие местности Урала и Сибири. В августе 1918 г. началось восстание в Ижевске и Воткинске. И через десятки лет уцелевшие ижевцы и воткинцы, рассеянные по всему миру, в т.ч. в США и Австралии, отмечают эти дни.

Будущий писатель, а в те дни - преподаватель Пермского университета Всеволод Никанорович Иванов вспоминал, как уклонявшиеся от большевистской мобилизации офицеры, бродили по дымным от пожаров лесам, и с какой радостью они восприняли весть об ижевско-воткинском восстании⁵.

Поначалу ижевские и воткинские рабочие восстали под красными эсеровскими знаменами и под лозунгами Всероссийского Учредительного собрания. Многие из них сохранили иллюзии о восстановлении справедливости и при Колчаке. Некоторые даже заявляли, что являются такими же “большевиками, как в библии”⁶.

Из восставших рабочих были сформированы Ижевская и Воткинская бригады, которые позже влились в Волжский корпус под командованием В.О. Каппеля. Ижевскую бригаду возглавил опытный и смелый офицер В.М. Молчанов. Он начинал свою службу в саперных частях на Кавказе и на Дальнем Востоке. На германском фронте был тяжело ранен, попал в плен, но бежал. В.М. Молчанов уклонился от большевистской мобилизации, но на Дон к генералу Л.Г. Корнилову не ушел, поскольку считал последнего предателем, т.к. он, будучи командующим Петроградским военным округом, приложил руку к аресту Николая II. Борьбу с большевиками В.М. Молчанов начал во главе крестьянского отряда в Елабуге. Он укрепил дисциплину в Ижевской бригаде, начал обучение молодых бойцов, выступил с предложением произвести в офицеры 100 старшеклассников-гимназистов и т.д. Ижевцы и воткинцы отличались не только смелостью и упорством в боях, но и особым либеральным стилем в личных взаимоотношениях. Их командиры первое время были выборными, а сами части - разновозрастными. В строю можно было встретить 64-летнего рабочего и его 16-летнего сына. Спустя время бойцы старших возрастов были отсланы в тыловые части. Позже Ижевская и Воткинская бригады были развернуты в дивизии, правда, немногочисленные.

Вс. Н. Иванов, мобилизованный в белую армию и ставший работником пропагандистского органа колчаковского правительства - Русского Бюро печати (РБП) - вспоминал, как один из ижевцев рассказывал ему: "Да, мы подняли восстание. А почему? Да потому, что мы сами на заводе в Ижевске призывали к свободе. У нас и в старое-то время полиция по струнке ходила, безобразия не делала. Так почему нам было сносить своеволие после революции? Жили мы на заводе тихо, мирно, у каждого свое хозяйство - коровы, куры, земля. А тут наехали питерчики, ни кола, ни двора; отвалял кое-как свое на заводе, да и за поученье. И то не так, и это не эдак! Ну, вот и пошло дело"⁷.

Чтобы подчеркнуть свое рабочее происхождение, ижевцы и воткинцы стали носить матерчатые (не галунные) синие погоны с белыми лычками, просветами и зигзагами, и буквами "И" и "В", а также особые эмблемы на рукаве. Чтобы уберечь офицеров, в ряде случаев перед боем они снимали погоны. В.О. Каппель и В.М. Молчанов применяли в качестве тактического приема т.н. "психические атаки". И далеко не всегда дело кончалось так, как в кинофильме "Чапаев". Часто красные части не выдерживали приближения молча наступавших каппелевцев и бросали позиции раньше непосредственного соприкосновения. Силу белых атак ощутили на себе бойцы Чапаева, Азина, Путны и других советских военачальников⁸. А.В. Колчак необычайно гордился своими "пролетарскими" частями. За бои на Тоболе Ижевская и Воткинская дивизии были награждены Георгиевскими знаменами. Коммунистов и комиссаров ижевцы и воткинцы в плен не брали. Соответственным образом поступала и противная сторона.

В фондах Харбинской эмиграции, хранящихся в госархиве Хабаровского края, находятся анкеты солдат и офицеров белой армии. Вот ряд примеров. Мастеровые И.Д. Парашутин и П.Д. Прокофьев работали на Ижевском оружейном заводе, а в 1918 г. добровольцами вступили в части восставших. Рабочие из Воткинска Ф.В. Жужгов, Г.В. Исаев, А.В. Разживин сначала воевали на германском фронте, а затем пошли добровольцами в белую армию. А.В. Рожков до войны работал на Лысьвенском

Генерал В.М. Молчанов и командиры частей Ижевско-Воткинской бригады.

Сидят слева направо: Полковники Черкес, А. Ефимов, генерал В.М. Молчанов, полковники Савчук и А.В. Зуев.

Стоят слева направо: капитан (фамилия неизвестна), полковник барон фон Вах, подполковник Дробинин, капитан Смолин.

заводе Пермской губернии. В 1918 г. он вступил добровольцем в Волжский корпус Каппеля, затем служил санитаром, а после отступления на Дальний Восток был в бронедивизионе полковника Ростовцева. И.Е. Ламаев до революции был кузнецом в Перми, а в 1918 г. вступил добровольцем в Омский стрелковый полк⁹. Все они оказались в харбинской эмиграции.

В мае 1919 г. при взятии колчаковской армией Ижевска и Воткинска добровольцы из этих городов были распущены по домам, что привело к потере лучших дивизий в белой армии. Лишь в сентябре при новом отступлении ветераны вернулись и привели с собой молодежь, среди которой были 16-17-летние башкиры, плохо знавшие русский язык. Татары и башкиры составили целые части, в большинстве своем кавалерийские. В их состав входили не православные священники, а полковые и дивизионные муллы. Ижевская дивизия была не просто восстановлена, а увеличена до 4-х полкового состава. Но число добровольцев в 1919 г. в целом резко упало. Многие большевистские дивизии пополнялись за счет перебежчиков из колчаковских войск. Немногочисленные же добровольцы просто растворялись в мобилизованной крестьянской массе. Большинство белых армий состояло из крестьян и казаков, поскольку эти сословия были основной массой населения России. Однако и среди них были добровольцы, не желающие мириться с большевистской продвольственной диктатурой, а затем и продразверсткой. Сибирская и дальневосточная деревня фактически ничего не получила по Декрету о земле, тем более, что в этих регионах не было помещиков, а удельные и кабинетские земли были национализированы еще при Временном правительстве. Сохранялся значительный фонд свободных земель. А вот т.н. "социализация" земли, т.е. ее уравнивательные переделы, государственная хлебная монополия и продразверстка ударили по большинству крестьянства. Казачество потеряло еще и свои привилегии, за которые цепко и не всегда оправданно держалось. В ряде мест Сибири и Дальнего Востока уже в 1918 г. местные Советы попытались провести "расказачивание", переделы казачьих земель в пользу "иностранцев" и новых переселенцев из центральных губерний России.

Крестьянин Вятской губернии Н.Р. Колдомов имел землю и недвижимость, но из-за большевистской политики вступил в белую армию добровольцем и "прошел от Вятки до Тихого Океана"¹⁰. Крестьянин В.Е. Отлесник, не владевший никаким имуществом, воевал добровольцем в 16-м Ишимском полку 4-й Сибирской дивизии Колчака¹¹. Забайкальские казаки В.Е. Васильева и Ф.И. Тынжикова воевали добровольцами в конных полках атамана Семенова. Обе не оставили в России никакой собственности¹². А вот крестьянин из Енисейской губернии А.А. Думский был мобилизован Колчаком. Крестьяне Пермской губернии С.С. и М.С. Устиновы, П.Е. Черемных, С.М. Шерстнев; из Оренбургской и Екатеринбургской губерний - В.И. Николаев, Х. Хабибулин, И.Ф. Алабужев были взяты "в подводы" и дошли до океана¹³.

Основную тяжесть гражданской войны вынесли на себе простые люди. Армии различных режимов на территории России формировались в годы гражданской войны за счет низших социальных слоев как наиболее многочисленных. Приток в вооруженные силы основного кадрового состава был вызван не добровольчеством, а мобилизацией. Что касается добровольцев, то они участвовали в борьбе с Советской властью вполне сознательно и стремились не только возратить свою собственность и

власть, но и прежние духовные идеалы и образ жизни. Зачастую мотивом добровольчества была месть за погибшую или потерянную в водовороте войны семью, оскорбленное достоинство и т.д. Гражданская война втягивала в свою орбиту женщин и даже детей.

Дворянка А.Ф. Павлова в возрасте 17 лет пошла работать сестрой милосердия в госпитали Кронштадта и Петрограда, но в 1919 г., т.е. через год службы у красных, бежала в Сибирь и стала сестрой милосердия в III Сибирском корпусе. Получила на поле боя три ранения и вместе с белой армией совершила ледовый переход от Урала до Дальнего Востока¹⁴. Аналогичную судьбу имели сестры милосердия дворянки Н.В. Смолянинова, М.А. Рождественская, М.И. Чернецова¹⁵.

17-летний Н.В. Былецкий сразу же после захвата Хабаровска одним из самых жестоких и одиозных атаманов И.П. Калмыковым вступил добровольцем в его отряд и служил у Калмыкова до 1920 года. После меркуловского переворота в Приморье пошел служить в полицию Спасска. При большевиках Н.В. Былецкий сидел в тюрьме и только случай помог бежать в Харбин¹⁶.

Учащийся Владивостокского коммерческого училища 16-летний Михаил Костюков в 1921 г. пошел добровольцем на бронепоезд "Волжанин" белоповстанческой армии генерала В.М. Молчанова. 13-летний Гена Писарев, родившийся в Забайкалье в семье священника, в 1918 г. вступил добровольцем в 5-й Забайкальский казачий полк, через два года покинул Россию и уехал в Харбин¹⁷.

Костяком и опорой белого движения было офицерство, сознательно участвовавшее в гражданской войне. Особенностью белых армий в Сибири до 1920 г. был недостаток офицеров. За годы гражданской войны их численность не превышала 23-25 тыс. чел. Из них 6 тыс. получили офицерские звания в 1918-1922 гг. Генералов старой службы насчитывалось около 50, в то время как у Деникина было до 45 тыс. офицеров и 500 генералов. Среди них было более 1 тыс. старших офицеров-генштабистов, но в Сибирь они не ехали, а ждали лучших времен¹⁸.

Значительное количество офицеров по своим политическим взглядам были монархистами. В.О. Каппель (так же, как и В.М. Молчанов, Г.А. Вержбицкий) встал поначалу под знамена Комуча "лишь бы воевать с большевиками"¹⁹. В.М. Молчанов гнал из своих частей агитаторов Комуча, а его деятелей, за небольшим исключением, называл "негодьями". В период гражданской войны, когда социальные силы в России резко поляризовались, левоцентристам в лице эсеров, меньшевиков и даже левых кадетов, не нашлось места. А офицерский состав армий Комуча, а затем и Директории помог этим режимам "провалиться" к военной диктатуре А.В. Колчака. Кроме того, следует учитывать и то, что Россия не имела длительных демократических традиций и пребывала в многовековых оковах автократии, которые не могли разрушить ни Государственная Дума, ни Временное правительство. Американский историк К. Смит из Алабамского университета, выражая мнение многих историков и политологов Запада, подчеркивал, что опыт русских политических партий и представительных учреждений был слишком нов. Россия не имела длительных парламентских традиций, которые рождают большие группы умеренных политических лидеров, работающих в духе ответственности и компромиссов... Их отсутствие и революционная обстановка привели к поляризации сил, результатом которой стали правый и левый экстремизм²⁰.

В гражданскую войну выдвинулись неизвестные ранее, но способные офицеры В.О. Каппель, С.Н. Войцеховский, А.Н. Пепеляев, В.М. Молчанов, Н.П. Сахаров и др. Вместе с тем, в белых армиях Сибири и Дальнего Востока служили генералы, адмиралы и старшие офицеры довоенной формации: А.В. Колчак, К.В. Сахаров, В.Г. Болдырев, Д.В. Филатьев, М.К. Дитерихс, М.В. Ханжин, А.И. Андогский и др. В.Г. Болдырев, Д.В. Филатьев, А.И. Андогский были профессорами Академии Генштаба.

Среди генералов и офицеров были сторонники Учредительного собрания и либеральной демократии. Самым известным представителем этой группы военных был генерал В.Г. Болдырев, постоянно колебавшийся между левыми кадетами и правыми эсерами, за что и получил прозвище “лилового” или “розового” генерала. Он был одним из лидеров Директории и после колчаковского переворота был вынужден покинуть Сибирь и уехать в Японию²¹.

В белогвардейских войсках процветали интриги, существовали бессистемные награждения и производства, вызванные личной преданностью офицеров и их службой атаманам и генералам.

Генерал Д.В. Филатьев, помощник главкома по хозяйству, ехидно писал о некоторых молодых выскочках-генералах типа начальника штаба А.В. Колчака генерала Д.А. Лебедева: “Не знаю, каков был его настоящий чин, но по-сибирски он назывался генерал-майор”²².

Большую роль в белом движении сыграла интеллигенция, в целом не принявшая Октябрьской революции. Видные кадеты В.Н. Пепеляев, Л.А. Кроль, В.А. Виноградов, Н.В. Устрялов были идейными вдохновителями колчаковского переворота, участвовали в работе правительства и пропагандистских органов белого режима. Настроения интеллигенции отразил Вс.Н. Иванов. Главным и, наверное, самым трагическим вопросом, которым задавался Вс.Н. Иванов, был вопрос, почему народ “в недостойном большевизме показал кузькину мать народоправству” и вытеснил журналиста с друзьями за границу. В нововнике этого автор считал российскую интеллигенцию, которая не захотела ликвидировать разрыв между культурой и русским мужиком. Вс.Н. Иванов называет Россию “страной татарского социализма”, где, говоря словами Ф.М. Достоевского, все может произойти без всякого сопротивления. Обвиняя К. Маркса за квазинаучные построения, которые вспыхнули ярким светом социальной ненависти, Вс.Н. Иванов предъявляет обвинения и российской интеллигенции (Салтыкову-Щедрину, Писареву) за то, что она представила буржуазию не царством творческой работы, а “темным царством”. Автор задает вопрос, откуда это всеобщее презрение к люду “лабазников”, откуда это слишком нервное благородство и подчеркивание своих традиций, - не из прогоревшего ли дворянства, неумолимо умирающего и боящегося нового твердого и жестокого конкурента? Высоко отзываясь о купцах и предпринимателях, Вс.Н. Иванов сетует на то, что в целом русская буржуазия не способна к организации, не способна ответить на издевательства²³. Он же писал о вялой, нерешительной, не активной российской интеллигенции. Совесть, по его мнению, была только в одном Колчаке. Но он стал жертвой интриг, и ему не дали даже повесить воров и спекулянтов. Летом 1919 г. на собрании беженцев в Омске адмирал жаловался на отсутствие у широких кругов русского общества желания делать свое дело - дело борьбы за свое право на мир²⁴.

Видные представители интеллигенции А.К. Клафтон, Н.В. Устрялов, профессор Д.В. Болдырев, сам автор работали на ниве пропаганды.

Но все участники событий жаловались на примитивизм и неубедительность колчаковских идеологов и пропагандистов. Коммунистическая же пропаганда объявлялась “кознями большевиков”. Генерал К.В. Сахаров утверждал, что разложение белой армии было вызвано “коварной работой большевиков”, а их усиливающаяся пропаганда ввергла массы в полное волнение и брожение. С горечью он признавал, что белая армия “была крепка только офицерами и добровольцами”²⁵. Бывший член Восточного отдела ЦК кадетской партии Л.А. Кроль вспоминал: “Образцы противобольшевистских прокламаций... были детски наивны: в основе своей они имели то, что Ленин и Троцкий засели в Кремле; лозунгом их было в разных вариантах то, что позднее вылилось в стереотипное “бей жидов, спасай Россию”. Большевики это прекрасно использовали, они выпускают свои прокламации, воспроизводящие прокламации противника и указывающие: “...вот-что они пишут; вот-кто идет освобождать вас!”²⁶.

Вс.Н. Иванов писал, что плакаты Русского Бюро печати заклеивались сверху плакатами другого пропагандистского ведомства-Осведверха, которым руководил полковник Г. Клерже. Агитационные материалы РБП возвращались нераспакованными, поскольку сельские и местные казачьи власти боялись документов, возмущающих население, и действовали так “из осторожности”. Плакаты РБП, выпущенные в период кризиса режима, не мобилизовывали, а усиливали панику в Омске. Коррупция захватила и печатное дело: разворовывались бумага, краска и т.д.²⁷.

Косность и реставрационный характер политики колчаковской власти привели к тому, что “Совет 4-х” на Парижской мирной конференции предъявил ноту правительству А.В. Колчака, в которой говорилось о необходимости проведения целого ряда демократических преобразований, как условия оказания помощи союзникам белой Сибири. Среди этих требований были созыв Учредительного собрания (после захвата Москвы), выборы органов местного самоуправления, отказ от восстановления монархии и помещичьего землевладения (в центре страны), признание независимости Польши и Финляндии, а также признание правительств национальных окраин России, соблюдение прав человека и т.д. С тяжелым сердцем Колчак был вынужден принять эти требования, которые в случае победы он и не собирался выполнять²⁸. К этому времени идея монархии среди белых генералов значительно потускнела. Тем не менее, ни один лидер белого движения в России не стал связывать себе руки преждевременным заявлением о форме будущего государственного устройства России, хотя и не поднял знамя монархии. Исключение составил монархист и мистик генерал М.К. Дитерихс, воцарившийся всего на 3 месяца в Приморье в 1922 г. и объявивший о восстановлении династии Романовых.

Бывший член Омской судебной палаты С.П. Руднев отмечал отсутствие у белых символа веры, который мог бы вдохновить не узкую массу, а широкие слои народа. Он обвинял династию за бездействие в деле спасения русской державы²⁹. В.М. Молчанов считал, что главной причиной поражения белого движения было отсутствие в армейской среде достаточно опытных государственных деятелей. Ими не были ни Колчак, ни Деникин. Армия не смогла справиться с гражданскими делами, поскольку еще во времена царизма военные не имели права участвовать в политике³⁰. Вместе с тем, В.М. Молчанов противоречил сам себе, поскольку заявлял о том, что армия должна быть вне политики и должна служить только России.

Лозунгом белого движения оставался лозунг т.н. “непредрешения”. Мол, сначала надо взять Москву, созвать какой-либо орган представительной власти, который затем и должен выбрать форму будущего государственного устройства России.

Орган командования каппелевских частей газета “Русская армия” в программной статье “За что мы боремся и живем” уже в Забайкалье после отступления из Сибири писала, что белая армия выступает за владение землей теми, кто ее обрабатывает, но на правах частной собственности (колчаковское правительство в 1919 г. пыталось начать реализацию столыпинской аграрной программы, разумеется, с послереволюционными поправками). Рабочий должен иметь здоровый и хорошо оплачиваемый труд. При этом закон должен бережно защищать его от эксплуатации капиталиста (! - Ю.Ц.). Армейская газета выступала за свободу совести, мысли и веры. Однако при этом было заявлено, что каппелевские войска “рабочих и крестьян” борются за то, чтобы “русская земля действительно принадлежала русскому народу”³¹. Анализ многочисленной белой прессы показывает, что до самого конца она исповедывала идеи антисемитизма, не делая, фактически, разницы с антибольшевизмом.

Печальнее всего было то, что в благие намерения белых никто, а особенно они сами, не верил. Основанием для подозрения, что “непредрешение” закончится военной диктатурой, был дикий необузданный и неизбирательный террор. Вс. Н.Иванов писал, что омская власть никаким уважением не пользовалась. Например, в Новониколаевске (Новосибирске) колчаковцы высекли даже местных кооператоров, которые одевали и кормили армию³². Сам А.В. Колчак не мог справиться с самоуправством своих больших и малых начальников, чехословацких и польских отрядов, никого и ничего не признающих. “Такова среда, в которой приходится работать”, - жаловался А.В. Колчак в разговоре по прямому проводу со своим премьером В.Н. Пепеляевым³³.

Белое движение расшатывали террор и сепаратизм казачьих атаманов, особенно Г.М. Семенова в Забайкалье³⁴. Атаман ориентировался на Японию, выступал за автономию Дальнего Востока и превращение региона в теократическое панбуддистское государство с очень тесными экономическими и политическими связями со страной Восходящего солнца. “Семеновщина” стала “выдающимся” явлением даже в колчаковском стане. Семеновцы грабили беженцев, направлявшихся через Забайкалье в Харбин. На ст. Даурия для этой цели был устроен застенок. Всем были известны имена таких палачей, как Сипайло и барон Унгерн. То, что увидел в штабе Семенова Вс.Н.Иванов, он охарактеризовал как “кровавый блеф”, “извращение идей о Родине, нации и борьбе за них”. Чита стала собранием скандалов, символом тыла, разваливавшего колчаковский режим. В ней гуляла лихая полупьяная военщина. Вс.Н.Иванов стал свидетелем рассказа офицера из студентов о том, как семеновцы убили полковника, написавшего что-то критическое об атамане³⁵.

Г.М. Семенов упорно не желал подчиняться А.В. Колчаку. И в этой “самостийности” его поддерживало японское командование. Семеновцы захватили эшелоны с оружием, идущие в Сибирь из Владивостока для Колчака. Американцы были вынуждены сопровождать свои поезда, разоружать семеновцев. Зачастую эти стычки сопровождались артиллерийским огнем с бронепоездов. Обе стороны захватывали пленных, а некоторых из них убивали. Командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал В. Гревс называл атаманов Семенова и Колмыкова отъ-

Атаман Г.М. Семенов, 1918 год.

Атаманы И.М. Калмыков и Г.М. Семенов
с офицерами штаба Калмыкова в 1920 году.

явленными негодьями, грабителями и убийцами³⁶. Это явление получило в истории гражданской войны название “атаманщины”. В декабре 1918 г. А.В. Колчак в письме А.И. Деникину о принятии на себя функций Верховного правителя и о согласовании действий между Сибирской и Добровольческой армиями писал еще и о тяжелом положении Дальнего Востока, фактически оккупированного японцами. Колчак прямо называл формирования Семенова, Колмыкова и Гамова бандами, которые поддерживаются японцами. Последние открыто вмешивались и препятствовали приведению в повиновение Семенова. Сам Семенов, по мнению А.В. Колчака, являлся просто напосто агентом японской политики, и его деятельность граничила с предательством³⁷. Семенова называли “иудой”, “современным Емельяном Пугачевым”, “лихим есаулом в генерал-лейтенантских погонах” и т.д. А между тем это звание ему присвоил А.В. Колчак, попытавшийся хоть таким способом подчинить себе атамана и получить от него помощь, когда колчаковский режим стал трещать по всем швам.

Осенью 1919 г. эсеры и меньшевики, американцы и японцы выдвинули идею буферного государства в Сибири. С предложением создать отдельную республику в Сибири выступил советник президента США полковник Хауз. В ноябре дипломаты США и Японии обсуждали вопрос о создании буферного государства под руководством А.В. Колчака, но с участием эсеров, меньшевиков и земцев. Речь шла о спасении белого режима. Идею буферного государства, ориентирующегося на США, но без Колчака, активно проповедывали эсеры, меньшевики, сибирские кооператоры и земцы. В декабре 1919 г. эсеро-меньшевистское восстание в Иркутске, в котором участвовали часть колчаковских войск и рабочие дружины, привело к созданию т.н. Политцентра. Последний поставил своей целью образование буферного государства, борьбу с колчаковщиной и японской интервенцией, развитие широких связей с США. Однако быстрое развитие событий привело к падению Политцентра и установлению в январе 1920 г. в Иркутске Советской власти. В тылу белого режима возник красный анклав, который контролировал железную дорогу и, самое главное, кругобайкальские тоннели. Трагические для колчаковцев последствия не замедлили случиться.

Как всегда бывает, спустя годы появились рецепты спасения белой власти в Сибири. Самым распространенным и расхожим мнением мемуаристов стала мысль о том, что, мол, Колчака погубила “колчаковщина” (разнузданный террор и произвол), с которой адмирал не смог справиться. В 1921 г. Л.А. Кроль в своих мемуарах заявил, что белое движение могла бы спасти демократизация. Но при этом он отмечал разброд в делах Восточного отдела ЦК кадетской партии, отсутствие интеллектуальных сил и т.д. Один из основателей т.н. сменовеховства Н.В. Устрялов³⁸ в рецензии на книгу Л.А. Кроля подчеркивал, что идеология белой диктатуры во имя Великой России и грядущей национальной демократии была лебединой песней кадетской партии. Демократию, по мнению Н.В. Устрялова, в период гражданской войны не приняли бы массы, ибо народ был в революционном угаре. И Москва, и Омск развалились бы сразу, созови они парламент. Единственным путем спасения для обеих сторон была диктатура³⁹.

Генерал Д.В. Филатьев писал: “Если бы в свое время адмирал Колчак “знал” и “умел”, то теперь и речи не могло бы быть о каком-то новом буферном государстве. Таковое уже находилось во владении адмирала, и

вопрос сводился лишь к тому, чтобы закрепить за собою прочное обладание территорией этого государства. Надо было иметь особое искусство, чтобы растерять все". А ведь Сибирь была богатым краем. Население было настроено антибольшевистски. Колчак имел золотой запас, и ему могли помочь союзники. Д.В. Филатьев считал, что, если бы Верховным правителем был А.И. Деникин, а его заместителем в Сибири генерал В.Г. Болдырев, то тогда и не стоял бы вопрос о Колчаке-переворотчике, и Семёнов бы не восстал⁴⁰.

О кошмаре отступления белой армии написано много. Чтобы получить поезд, необходимо было дать взятку железнодорожному начальству всех рангов. Платить был вынужден даже английский генерал Нокс, не говоря уже о колчаковских чиновниках. Отступавшие захватывали паровозы, бросая санитарные поезда на произвол судьбы. Войска, прикрывавшие отход штабов, теряли связь с командованием и действовали по своему усмотрению. На пути отступления белых вставали партизаны, и пробиваться приходилось с боями. При любых попытках крестьян утаить продовольствие, фураж или оказать сопротивление, деревни сжигались дотла. Все это превращало крестьян в бешеных врагов белой армии, - отмечал В.М. Молчанов⁴¹.

Усилилась борьба в высших эшелонах власти. 8 декабря 1919 г. на ст. Тайга премьер правительства В.Н. Пепеляев и его младший брат А.Н. Пепеляев, этот, по выражению Вс.Н.Иванова, "наполеонистый Фигаро", арестовали главкома К.В. Сахарова и пытались заставить Колчака созвать Земский собор с участием эсеров, земцев и кооператоров. В результате всей этой возни главкомом стал В.О. Каппель, а Пепеляевы в последний момент сняли свои требования. Борьба за власть, коррупция и террор не могли не разлагать войска. Эмигрант И.П. Бочкарев, до I мировой войны служивший ревизором Амурской контрольной палаты в Хабаровске (и имевший 5 домов), воевал на германском фронте, а затем добровольно вступил в колчаковскую армию. В анкете 1932 г., т.е. через 10 лет после начала эмиграции, он с горечью написал: "Интриги Высшего командования подорвали общую русскую цель"⁴².

Даже при отступлении многие офицеры и генералы не забывали про собственные развлечения. То, что видел генерал В.М. Молчанов в штабе Каппеля, поразило его. Полковник Л.Л. Ловцевич пытался бороться с разбухшими штатами. Генералы на остановках катались в санях с сестрами милосердия. Некоторые вагоны занимались 1-2 офицерами и т.д.⁴³. Кончилось все это весьма трагически. Чехи отобрали паровоз и у Каппеля. Пришлось двигаться тайгой вместе с войсками. Позже генерал В.О. Каппель провалился с лошадью под лед, простудился и умер. Перед смертью он наотрез отказался ехать с чехословацким эшелонем в тыл. Главкомом стал С.Н. Войцеховский.

В.М. Молчанов в своих воспоминаниях описывает самые трагические эпизоды отступления. Он был назначен командиром арьергарда, прикрывавшего отход всей войсковой группы, двигавшейся южнее железной дороги. Перед Красноярском отступавшие вступили в гиблое место-тайгу, перемежавшуюся болотами. Пришлось бросить артиллерию. Шли по грязи, перемешанной со снегом со скоростью пол-версты в час. Лошади вязли. В.М. Молчанов приказал сойти с саней всем, кроме детей, больших

и раненых, а затем сжечь оставшийся обоз. Было сожжено 5 тыс. саней, в которых сгорели замерзшие и умершие от тифа люди. Одновременно приходилось отбиваться от красных, которые сами стали жертвой этой дороги. Отход прикрывали Ижевская дивизия и Оренбургские казаки⁴⁴. Избы в деревнях были забиты ранеными и умирающими от тифа. Белые двигались на истощенных лошадях, полуслепые от недоедания и недосыпания. Но и красные, постоянно атаковавшие белых, также падали от истощения. "Сцены, которые я наблюдал, были неопишуемы", - вспоминал В.М. Молчанов⁴⁵.

Перед Красноярском вышли на хорошую дорогу, но город уже был захвачен восставшими. Пришлось обойти его. Это же случилось под Иркутском, где чехи и французский генерал М. Жанен выторговали себе право проезда на восток путем выдачи Политцентру адмирала Колчака и золотого запаса. Вс.Н.Иванов писал, что Колчака предали 9 иностранных флагов, которые его "охраняли". Уже в Верхнеудинске (ныне - Улан-Удэ) генерал М.К. Дитерихс сказал М. Жанену, что за ним охотятся каппелевцы. И Жанен немедленно удрал в Харбин⁴⁶.

По мнению В.М. Молчанова, с чехословаками справиться было бы легко, тем более, что ненависть к ним выросла безмерно. Однако у них было много бронепоездов, а белые были почти лишены артиллерии⁴⁷. А.В. Колчак был расстрелян иркутскими большевиками, а С.Н. Войцеховский обошел город и двинулся через Байкал. Огибать озеро белые побоялись, ибо 60 кругобайкальских тоннелей охранялись неизвестно кем. Переход через Байкал также был тяжелым. Чтобы не провалиться под лед, копыта лошадей были обернуты соломой, для переправы через трещины были подготовлены деревянные мостки. И тем не менее лед озера был усеян трупами людей и лошадей, брошенным обозом. Каппелевцы пересекли Байкал и встретились с передовыми частями атамана Семенова, которому Колчак незадолго до своей гибели передал всю полноту власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке⁴⁸.

Каппелевцы были отведены на отдых в Читу. Были организованы торжественные встречи и банкеты. Погибшие были отпеты в церквах, раненые размещены по госпиталям, где за ними ухаживали местные дамы, в т.ч. и Маша, "жена" атамана Семенова, вскоре уехавшая в Париж с подаренными ей бриллиантами.

В феврале-марте 1920 г. полным ходом шла подготовка к созданию под эгидой большевиков буферного государства. Огромные надежды на буферную республику питали семеновцы и каппелевцы. Если Семенов мечтал о создании своего прояпонского государства, то каппелевские генералы стремились не просто отгородиться от Советской России, но создать свой антибольшевистский и антияпонский буфер, чтобы с него начать восстановление "единой и неделимой". В конце марта после секретного совещания каппелевских генералов во Владивосток выехали три эмиссара С.Н. Войцеховского во главе с полковником Петровым. С помощью генерала В.Г. Болдырева они вошли в контакт с некоторыми руководителями Временного Приморского правительства, в состав которого входили и коммунисты. Переговоры с каппелевцами вел большевик С.Г. Лазо, который в это время был начальником Военного совета революционных войск земского правительства Приморья. Каппелевцы стремились к объ-

единению своих и приморских войск, но требовали амнистии, были готовы снять погоны и даже “сдать” приморцам атамана Семенова. Атаман стал слишком одиозной фигурой. Но как только японская разведка выяснила, что С.Н. Войцеховский ведет собственную политику, о переговорах было доложено Семенову. С этого времени разногласия между семеновцами и каппелевцами переросли в откровенную вражду. Были пресечены и уникальные в истории гражданской войны большевистско-белогвардейские переговоры. Во время японского выступления 4-5 апреля 1920 г. в Приморье японская разведка утопила каппелевских эмиссаров в одной из бухт под Владивостоком. Погиб с соратниками и С.Г. Лазо⁴⁹.

Надежды белых на антисоветский буфер не сбылись. Созданная 6 апреля 1920 г. Дальневосточная республика находилась под почти полным влиянием большевиков. Наступал последний период гражданской войны на Дальнем Востоке.

Подведем некоторые итоги. В белой армии воевали представители всех сословий России. Подавляющее большинство солдат и офицеров представляло низшие трудовые сословия. Подавляющее большинство было мобилизовано. Однако логика войны привела к тому, что российская диаспора в Китае в начале 20-х годов увеличилась почти до 500 тыс. человек⁵⁰. Анкеты эмигрантов показывают что одни “не были согласны с Советской властью”, “не хотели подчиняться большевистскому насилию”, другие “спасали жизнь от красных”, третьи “отступили с армией”, четвертые “последовали за мужьями”. Видимо среди них были и те, кто знал, что пощады за содеянное им не будет. Трагедией большинства эмигрантов было то, что они были втянуты в водоворот гражданской войны помимо своего желания. Жизнь не подчиняется вульгарным социологическим схемам. Большинство добровольцев не имели движимого и тем более недвижимого имущества. А.В. Колчак, С.Н. Войцеховский, А.Н. Пепеляев, В.М. Молчанов, Ю.К. Старк остались верны присяге и по своему любили родину.

Программа белого движения отличалась нежизненностью и абстрактностью. Реальность же “превозмогла” все ожидания. Грабеж и террор привели к тому, что маятник социальных симпатий стремительно качнулся от белых. Тесная связь белого движения с интервентами, участие последних в грабежах и терроре оскорбляли патриотические чувства россиян, дискредитировали лидеров антибольшевистской борьбы. Политические традиции России и обстановка гражданской войны не позволили ни красному, ни белому лагерю встать на путь демократии. Развал белого движения завершили междуусобицы.

Американский историк Р. Голдхэрст подчеркивал, что неприятным открытием для США было то, что крестьяне, солдаты и рабочие стали видеть в советском правительстве свое последнее спасение. А те русские, которые желали гражданских прав и свобод, земельной реформы, растратили свои возможности взаимной враждой и неспособностью установить свободу в стране, где был слишком узкий выбор между анархией и тоталитаризмом⁵¹.

Тщательный и непредвзятый взгляд на историю белого движения говорит о том, что его лидеры и участники расчистили путь большевикам. Парадоксально, но ряд главных выводов эмигрантской литературы о при-

чинах поражения белых совпадает с оценками В.И. Ленина и советской историографии.

Путь к демократии в условиях России через кровь и обнищание, копирование иностранных порядков, попытки получить помощь извне ведет в пропасть гражданской войны и возрождению крайне левого политического режима. Таков урок истории.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.39-С.40, 143, 189; Т.40-С.17. Сахаров К.В. Белая Сибирь. - Мюнхен, 1923; Филимонов Б. Белоповстанцы. - Шанхай, 1932; Чулкин А.К. истории ижевского восстания. // Пролетарская революция. - 1929.-№ 6; Мاستеров А. Русские рабочие и марксизм. // По страницам самиздата. - М., 1990; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. - Ижевск, 1992., и др.

² В конце 80-х годов были рассекречены фонды харбинской эмиграции, хранящиеся в Госархиве Хабаровского края (ГАХК). Важной составной частью этих фондов являются документы созданной в 1924 г. в Харбине благотворительной эмигрантской организации - Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ). По согласованию с китайскими властями ХКПРБ организовал широкое анкетирование российских эмигрантов в Маньчжурии. Анкетные карточки и справки Комитета служили основанием для выдачи вида на жительство или китайских паспортов для российских беженцев. Выборка анкет эмигрантов за 1932 г. (1576 наблюдений) позволила провести их статанализ и сделать определенные выводы. Выборки анкет за другие годы по различным причинам не являются достоверными с точки зрения математической статистики. Вместе с тем следует учитывать естественную убыль эмигрантов, а также то обстоятельство, что часть солдат и офицеров осталась в России, а часть выехала из Китая в США и Австралию и натурализовалась там.

Анализ сословного состава белой армии, оказавшейся к 1922 г. в эмиграции, показывает, что среди анкетированных беженцев более 40% раньше служили в белогвардейских воинских формированиях Колчака, Семенова и Калмыкова. Из всех военнослужащих бывших белых армий 32% назвали себя добровольцами. Среди анкетированных бывших солдат и офицеров рабочие составили почти 7% (6,4% - в харбинской эмиграции и 10% по России в целом на 1914 г.). Крестьяне - 45%, что почти совпадало с их долей в эмиграции (75% по России); казаки составили более 19%, что на 2% выше их доли в эмиграции (2,5% по России в целом); кадровые офицеры и унтер-офицеры, начинавшие службу до 1914 г., в белой армии составляли почти 10%, что в 2 раза выше их доли среди эмигрантов; дворяне - почти 2% (3,6% в эмиграции и 1,5% по России). Остальные цифры падают (около 17% в белой армии) на мещан, купцов, почетных граждан, лиц духовного звания.

Если данные, отражающие участие рабочих и крестьян в гражданской войне на стороне белых, можно объяснить их определенным положением на Урале и в Сибири, то наличие значительного количества казаков (почти в 8 раз больше, чем в целом по стране!) объясняется потерей привилегий казачеством и консервативными традициями в их среде. Кроме того, казаки и кадровые военные были наиболее подготовленными в военном отношении людьми. Отлив в Сибирь купцов, мещан, лиц духовного звания и пр. и дает 17% в белой армии (против 12% в целом по России). Это же можно сказать о дворянах, высших офицерах и чиновниках.

В целом доля рабочих, крестьян и казаков в белой армии составила по анкетным данным почти 73%, что было, тем не менее, ниже их доли в составе населения страны (87,5%). Только 18% среди изучаемой совокупности отметили, что оставили то или иное имущество в России. Почти четверть белых солдат и офицеров прошла через германский фронт. 36,2% анкетированных эмигрантов ушли за рубеж с семьями в полном или неполном соста-

ве. (См. ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.91. Л.1-197; Д.92, Л.1-250; Д.93. Л.1-227; Д.94, Л.1-250; Д.95, Л.1-282; Д.97, Л.1-289; Д.98, Л.1-356; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. (XVI - начало XX вв.). - М., 1973. -С.103-148; Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. -М., 1987.-С.134, 154, 215, 255, 265, 298, 431. Среди данных указаны не все сословия, а только соответствующие анкетным.

³ Вперед (Харбин). - 1920.-9 сент.; 1921.-17 марта.

⁴ См.: К у ч к и н А. Указ соч. -С.158.

⁵ См.: И в а н о в Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. -М., 1991.-С.20-25.

⁶ См.: М о l t c h a n o f f V.M. The Last White General. The University of California, 1972. P.70.

Воспоминания генерала В.М. Молчанова являются интервью, взятым у бывшего командира Ижевской бригады одним из организаторов Центра по сбору документов российской эмиграции при Калифорнийском университете Борисом Раймондом. Сам Б. Раймонд является сыном русского эмигранта Романова, который командовал конвоем генерала В.О. Каппеля. После смерти Каппеля Романов привез тело последнего главома колчаковской армии в Читу; затем В.О. Каппель был перезахоронен в Харбине. Генерал В.М. Молчанов (1886-1975 гг.) последним покинул российское Приморье в октябре 1922 г., а в 1923 г. он эмигрировал в США. Данное интервью дано Б. Раймонду в 1970 г. на русском языке, но затем оно было переложено с магнитофонной записи на английский текст, который был еще раз проверен В.М. Молчановым. Викторин Михайлович скончался в Сан-Франциско в возрасте 89 лет.

⁷ См.: ГАХК. Ф.1103 р. Оп.1. Д.64. Л.70.

⁸ В ходе т.н. "психической" атаки запрещалось останавливаться и оказывать помощь раненым. Выбывшие бойцы немедленно заменялись бойцами из резервного батальона, шедшего сзади. За этим батальоном двигались сестры милосердия и санитары. Несмотря на значительные потери наступающих, у противника создавалось впечатление неуязвимости белых. И лишь вблизи от красных частей каппелевцы бросались в штыковую атаку.

⁹ См.: ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.18. Л.168-170; Д.95. Л.76, 138, 210; Д.97. Л.5, 22.

¹⁰ См.: Там же. Д.93. Л.103.

¹¹ См.: Там же. Д.95. Л.50.

¹² См.: Там же. Д.91. Л.33; Д.69. Л.194.

¹³ См.: Там же. Д.18. Л.3; РГВА (Российский государственный военный архив). Ф.221. Оп.1. Д.72. Л.53, 54, 60, 69.

¹⁴ См.: ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.95. Л.217, 219.

¹⁵ См.: Там же. Д.69. Л.131, 149, 251.

¹⁶ См.: Там же. Д.61. Л.78.

¹⁷ См.: Там же. Д.17. Л.51; Д.93. Л.51.

¹⁸ См.: Э й х е Г.Х. Опрокинутый тыл. - М., 1966.-С.93.

¹⁹ См.: В о й н о в В.М. Офицерский корпус белых армий на Востоке страны (1918-1920 гг.) // Отечественная история. - 1994. - № 4. -С.54.

²⁰ Smith C. Vladivostok under Red and White rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East. 1920-1922 Seattle and London, 1975. P.167-168.

²¹ В 1920 г. В.Г. Болдырев вернулся в Россию и после антиколчаковского восстания во Владивостоке служил в штабе войск Временного правительства Приморской земской управы, где ему приходилось подчиняться и большевикам. Он отказался сотрудничать с интервентами после японского выступления 4-5 апреля 1920 г., а позже возглавил военное и морское ведомство Приморского правительства. После меркуловского белого переворота в мае 1921 г. В.Г. Болдырев становится членом Народного собрания белого режима. После восстановления советской власти на Дальнем Востоке находился в заключении, но в 1923 г. был амнистирован и работал в плановых органах Сибири. В.Г. Болдырев написал интересные мемуары "Директория. Колчак. Интервенты", опубликованные в 1925 г. в Новониколаевске. В начале 30-х годов Василий Георгиевич был репрессирован.

- ²² См.: Ф и л а т ь е в Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири 1918-1922. Впечатления очевидца. - Париж, 1985.-С.93.
- ²³ См.: И в а н о в Вс.Н. Огни в тумане... -С.7-9, 26-33, 229-233.
- ²⁴ См.: Там же. -С.166-177; ГАХК. Ф.1103р. Оп.1. Д.64. Л.37.
- ²⁵ См.: С а х а р о в К.В. Указ. соч. -С.12, 109.
- ²⁶ К р о л ь Л.А. За три года. -Владивосток, 1921.-С.167.
- ²⁷ См.: И в а н о в Вс. В гражданской войне (Из записок Омского журналиста). - Харбин, 1921; ГАХК. Ф.1103р. Оп.1. Д.64. Л.64, 39-41.
- ²⁸ См.: И о ф ф е Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -М., 1983; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. -М., 1993.-С.364, 369-370.
- ²⁹ См.: Р у д н е в С.П. При вечерних огнях. Воспоминания. - Харбин, 1928. - С.410, 415.
- ³⁰ См.: M o l t c h a n o f f V.M. Op. cit. P.130.
- ³¹ См.: Русская армия. - 1920.-3 нояб.
- ³² См.: ГАХК. Ф.1103р. Оп.1. Д.64. Л.47.
- ³³ См.: Последние дни колчаковщины. Сб. документов. -М., 1926.-С.132.
- ³⁴ Сын богатого забайкальского казака и бурятки Григорий Михайлович Семенов проявил себя смелым офицером на германском фронте. В апреле 1917 г. есаул Г.М. Семенов выступил с инициативой применения силы против демонстраций в Петрограде. Был командирован в Забайкалье для формирования новой казачьей дивизии. С началом гражданской войны сформировал Особый Маньчжурский отряд, который вел активную борьбу с большевиками. Был избран походным атаманом Забайкальского казачьего войска, но поначалу действовать ему пришлось из Маньчжурии и только чехословацкий мятеж обеспечил успех Семенова. Особое внимание отряду Семенова уделили японцы. Они послали Семенову инструкторов, снабдили его оружием и снаряжением.
- ³⁵ См.: И в а н о в Вс.Н. Огни в тумане... - С.64-68.
- ³⁶ См.: Г р е в с В. Американская авантюра: в описании командующего военными силами на российском Дальнем Востоке. // "Им не убить идеала..." - Хабаровск, 1990.- С.101, 111, 119. Впоследствии, когда Семенов посетил США, либеральная печать потребовала суда над ним за пытки, убийства и грабежи американского имущества. Он был арестован, но выпущен под залог.
- ³⁷ См.: Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуты. Том пятый. // Вопросы истории. - 1994. - № 8. -С.95-96.
- ³⁸ В 1921 г. в Праге вышел сборник статей "Смена вех", давший название всему идейному направлению в эмиграции. Сменовеховцы в Европе и Китае (Николай Васильевич Устрялов жил в Харбине) призывали эмигрантов сотрудничать с Советской властью, поскольку она защитила единство России. Кроме того, они надеялись, что с развитием НЭПа начнется эволюционная трансформация большевистского режима в демократическое общество с рыночной экономикой и политическими свободами. В начале 30-х годов Н.В. Устрялов вернулся в СССР, но позже, как и многие другие эмигранты, был репрессирован.
- ³⁹ См.: У с т р я л о в Н.В. Из прошлого. // Русская жизнь (Харбин). - 1922. - Вып.3.- С.56-57.
- ⁴⁰ См.: Ф и л а т ь е в Д.В. Указ. соч. - С.6, 13, 33.
- ⁴¹ См.: M o l t c h a n o f f V.M. Op. cit. P.90
- ⁴² См.: ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.61. А.166.
- ⁴³ См.: M o l t c h a n o f f V.M. Op. cit. P.91.
- ⁴⁴ См.: Там же. P.93-94.
- ⁴⁵ См.: Там же. P.95.
- ⁴⁶ См.: И в а н о в Вс.Н. Огни в тумане... -С.17.
- ⁴⁷ См.: M o l t c h a n o f f V.M. Op. cit. P.96-97.
- ⁴⁸ Первым, кто встретил каппелевцев на восточном берегу Байкала, был пьяный семеновский офицер. Этим он и запомнился В.М. Молчанову. Через два года генерал

увидит его в рядах белоповстанцев под Хабаровском и отошлет в тыл по причине пьянства.

⁴⁹ См.: П а р ф е н о в П.С. (Алтайский). Борьба за Дальний Восток. 1920-1922. - Л., 1928.

⁵⁰ См.: С е р г е е в О.И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая). // Исторический опыт освоения восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. - Владивосток, 1993. - Кн. 2. - С.202.

⁵¹ См.: G o l d h u r s t R. The Midnight War: The American Intervention in Russia, 1918-1920. New York, 1978. P.242.

ИСПЫТАНИЯ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ: СУДЬБА ГЕНЕРАЛА ЕВГЕНИЯ МИЛЛЕРА

Жизнь генерала Евгения-Людвиг Карловича Миллера, командующего Северным фронтом в годы гражданской войны, характеризовалась постепенным, но успешным продвижением по ступеням военной карьеры в дореволюционный период, крутыми изломами последующей судьбы и увенчана трагическим концом.

Евгений Миллер родился 25 сентября 1867 года в Динабурге (Двинске) в дворянской немецкой семье лютеранского вероисповедания. Его предки многие годы служили России. Избрав военную карьеру, он в 1884 году окончил Николаевский кадетский корпус, а в 1886 году - Николаевское кавалерийское училище. За отличные успехи его имя было увековечено на мраморной доске училища, а сам он, произведенный в корнеты, направлен в лейб-гвардии гусарский Его Величества полк.

В 1889 году поступил в Академию Генерального штаба и в 1892 году окончил ее курс по первому разряду. После кратковременной службы в Финляндском военном округе был переведен в Генеральный штаб. Вскоре он женился на дочери генерал-адъютанта Н. Шипова Наталье Николаевне, фрейлине императрицы, в браке с которой выросли две дочери и сын.

С 1898 года Е.К. Миллер являлся военным агентом России в Брюсселе, а затем в Гааге и Риме. В 34 года произведен в чин полковника, а в 1909 году - в генерал-майоры. В это время он занимал должность оберквартирмейстера Главного управления Генерального штаба и руководил, в частности, всеми военными агентами России за границей.

В 1910-1912 годах являлся начальником Николаевского кавалерийского училища. Читая в Центральном государственном военно-историческом архиве лаконичные строки послужного списка генерала, я натолкнулся на аттестацию его в связи с переводом на должность начальника штаба Московского военного округа. В приказе начальника Главного управления военно-учебных заведений генерала от инфантерии Забелина от 24 октября 1912 года подчеркивалось: "В лице уважаемого Евгения Карловича вверенное мне ведомство теряет и редкого по высоким качествам человека, и выдающегося начальника военно-учебного заведения. За время начальствования генерал Миллер всегда проявлял высокий такт, твердую волю и полное умение руководить учебным и строевым делом вверенного ему училища, а также и хозяйственною его частью". Выражая сожаление по поводу расставания генерал Забелин вместе с тем высказывал уверенность, что "новая ответственная и высокая должность даст случай развиться еще плодотворнее и шире его таланту на пользу дорогой нам всем Русской Армии".

20 июля 1914 года царь Николай II опубликовал манифест о войне. Неделью спустя генерал Миллер выехал на театр боевых действий с Австро-Венгрией, будучи назначенный начальником штаба 5-й армии при генерале Плеве. В сражениях Великой войны Е.К. Миллер неоднократно в сложнейших ситуациях демонстрировал свои незаурядные полководческие способности. В 1915 году ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. 28 декабря 1916 года он вступил в командование 26-м армейским корпусом и в этой должности встретил Февральскую революцию.

Революционное брожение в армии вызывало неудовольствие и решительное противодействие Е.К. Миллера. 7 апреля в ходе стычки с солдатами он был ранен, арестован и под конвоем отправлен в Петроград. Военный министр А.И. Гучков отчислил генерала в резерв чинов Петроградского военного округа, а осенью он был направлен представителем Ставки при Итальянском Главном командовании. В Италии его и настигла новость о падении Временного правительства. Власть большевиков генерал Миллер признать отказывался.

Весной - летом 1918 года борьба в России, все обостряясь, приобрела ярко выраженные контуры гражданской войны. Антибольшевистские силы во многом связывали надежды на успех с поддержкой держав Антанты. В мае российский посол в Риме М.Н. Гирс обратился к Е.К. Миллеру с просьбой "представить ему соображения о силе десанта, потребного для продвижения на Москву из Архангельска"¹.

3 июня и 3 июля Верховный военный совет Антанты принял принципиальные решения об интервенции на Севере и в Сибири. 2 августа произошёл антибольшевистский переворот в Архангельске, поддержанный высадкой десанта Антанты с кораблей союзной эскадры. Была провозглашена Северная область, в состав которой предполагалось включить 5-6 губерний².

Генерал Миллер в это время был вызван в Париж российским послом В.А. Милюковым для руководства переформированием русских войск, находившихся во Франции и Македонии. Он представил докладную записку о путях решения этой задачи, но непосредственно к ее решению так и не приступил. В октябре 1918 года во французское министерство иностранных дел пришла телеграмма от посла в России Ж. Нуланса, находившегося в Архангельске, с просьбой направить туда генерала Миллера.

2 ноября российскому послу в Италии Гирсу поступила телеграмма от председателя Временного правительства Северной области Н.В. Чайковского: "Прошу передать генералу Миллеру: "Предлагаю Вам должность военного генерал-губернатора Северной области и командующего формируемыми русскими частями, для чего прошу немедленно прибыть в Архангельск. Вашим помощником полагаю назначить генерала Марушевского. О согласии телеграфируйте"³.

5 ноября эта телеграмма была доведена до сведения генерала Миллера, который обратился с просьбой к послу Маклакову: "Не имея никаких служебных занятий, я считаю своим долгом в кратчайший срок выехать в Архангельск, так как двукратный вызов меня, не имеющего чести знать ни г. Нуланса, ни г. Чайковского, заставляет меня предполагать, что в Архангельске большая нужда в людях... Закрытие Архангельского порта может последовать через три недели, поэтому ни одного лишнего дня я терять не имею права"⁴. Получив согласие, он после оформления необходимых документов и беседы с начальником британского генерального штаба

Г. Вильсоном (Русский Север при разделе сфер влияния в России между Францией и Великобританией был отнесен к “зоне влияния” последней) 25 декабря выехал из Лондона и 13 января 1919 года прибыл в Архангельск.

Как вспоминал впоследствии генерал В.В. Марушевский: “Он (Миллер - **В.Г.**) появился на архангельских улицах в генеральском пальто старого образца, в погонах, - короче, с привычным нам всем обликом настоящего генерала и начальника”⁵. 15 января он был назначен генерал-губернатором с предоставлением прав командующего отдельной армией в отношении русских войск Северной области.

В связи с отъездом председателя Северного правительства народного социалиста Н.В. Чайковского на совещание представителей антибольшевистских сил в Париж в январе 1919 года в Архангельске активно дискутировался вопрос о том, кто станет его временным преемником. Обсуждалась и кандидатура генерала Миллера. Но, как заметил В.В. Марушевский, “в генеральском чине боялись создать фигуру, слишком неприемлемую для демократического Архангельска”. Поэтому заместителем главы правительства, исполняющим обязанности председателя во время его отсутствия стал кадет П.Ю. Зубов, ближайший сподвижник Чайковского и соросник его “среднего” курса в политике.

Вместе с тем Е.К. Миллер, будучи членом правительства, управляющим отделом иностранных дел, генерал-губернатором (в ведении которого находились контрразведка, право внесудебных арестов и высылки, цензура и др.) с правами командующего отдельной армией, в подчинении которого находился командующий русскими войсками области генерал Марушевский, сконцентрировал в своих руках большую власть. Это вызвало обеспокоенность в лево-центристских общественно-политических кругах. “Генерал для демократии всегда подозрителен”, - выразил их общее мнение член правительства, народный социалист В.И. Игнатъев. Он утверждал впоследствии, что Миллер был чужд всему демократическому, являлся противником всяких нововведений, “бюрократом старой школы”, “реакционером чистой марки”. В то же время он называл его уравновешенным, немелочным, очень порядочным, честным и неглупым человеком и отмечал его способность “проводить свои решения в жизнь очень лояльно, незаметно, тихой сапой”⁶.

Напротив, генерал Миллер пользовался большой популярностью в офицерской среде и правых политических кругах, которые настаивали на установлении в области его военной диктатуры. О необходимости ее постоянно твердили газеты “Русский Север” и “Отечество”. Но Е.К. Миллер не форсировал события, полагая, что время для установления ее еще не пришло. Вместе с тем он предпринимал энергичные меры для наведения порядка на фронте и в тылу. Объединенными усилиями союзной и белогвардейской контрразведки удалось предотвратить готовившееся вооруженное восстание в Архангельске и на Мурмане, было разгромлено большевистское подполье.

В это же время - весной 1919 года удалось стабилизировать ситуацию на фронте, остановить наступление большевиков, начавшееся в январе, и была предпринята попытка провести ряд наступательных операций. В конце марта в районе Усть-Кожвы на Печоре произошло соединение небольшой северной военной экспедиции с передовыми частями сибирских войск. Казалось, что в результате начавшегося весеннего наступ-

ления войск Колчака будет создан единый фронт против большевиков. Британский представитель при ставке адмирала А.В. Колчака генерал Нокс энергично добивался от Верховного правителя нанесения главного удара на своем северном фланге для соединения с архангельской группировкой. Правда, французы, действуя через главнокомандующего войсками Антанты в Сибири генерала Жанена, добивались наступления войск Колчака на юге для соединения с армией генерала А.И. Деникина в своей зоне влияния.

Генерал Миллер энергично пытался использовать военные и политические методы для скорейшего соединения с Колчаком. Северная область, соединившись с Сибирью, укрепила бы свое положение и, войдя под покровительство Верховного правителя, ослабила бы зависимость от интервентов. Последние же надеялись, благодаря этому соединению, обеспечить безопасность своих войск на Севере и ускорить их эвакуацию.

В конце марта генерал Миллер высказался за признание А.В. Колчака Верховным правителем и подчинение ему. Дело в том, что в конце ноября 1918 года после получения в Архангельске известий о перевороте в Омске, разгоне Директории и приходе к власти А.В. Колчака в Северном правительстве разгорелась острая дискуссия об отношении к происшедшему. Глава правительства Н.В. Чайковский осудил переворот и отказался признать “диктаторскую власть”. Но единого решения тогда все-таки выработано не было. В дальнейшем сам Чайковский постепенно отказался от своей прежней роли обличителя, а затем превратился и в защитника Колчака перед лицом глав союзных правительств.

В апреле 1919 года между Архангельском (Е.К. Миллер), Парижем (Н.В. Чайковский) и Омском (А.В. Колчак) шел активный обмен мнениями об условиях подчинения Севера правительству Колчака. 30 апреля правительство Северной области, учитывая рекомендации Чайковского и Парижского Политического совещания, постановило признать Омское правительство как Временное Всероссийское Национальное правительство и адмирала А.В. Колчака как Верховного главу государства (временно). Телеграфируя об этом в Омск, Временное правительство Северной области оговаривалось, что сохраняет за собой “требуемую обстоятельствами самостоятельность в области практических действий впредь до непосредственного нашего соединения”. Было издано специальное воззвание к населению области⁷.

Перспективы антибольшевистской борьбы на Севере в решающей степени определялись состоянием белой армии. Численность ее достигала весной 1919 года 15 тыс. человек (в январе было 6-7 тыс.) и постепенно приближалась к исчерпанию мобилизационной способности области, оцениваемой в 25 тыс. человек. Происходило формирование полков и соединений фронтовых районов. На заседании правительства 30 мая Е.К. Миллеру была выражена глубокая благодарность за “воссоздание русской армии, управление генерал-губернаторством и отделом иностранных дел”, и он был произведен в генералы от кавалерии⁸.

Лето 1919 года началось обнадеживающе для антибольшевистских сил на Севере России. 27 мая и 10 июня в Архангельске состоялись торжественные встречи двух бригад британских добровольцев численностью более 8 тыс. человек. Сюда прибыли также американский крейсер “Де Мойнс” и английские военные суда для укрепления северо-двинской речной флотилии. Вносились последние коррективы в планы летней кампа-

нии. Главной целью являлось овладение Котласом и соединение с войсками Колчака.

10 июня указом А.В. Колчака войска и флот Северной области были слиты в одно целое с сибирскими вооруженными силами, а генерал Е.К. Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северном фронте. Правда, была пока еще сохранена и должность командующего русскими вооруженными силами области, которую попрежнему занимал генерал В.В. Марушевский, но сам 2 июня отбыл с особой миссией в Финляндию для налаживания сотрудничества и организации совместных действий с ее руководством, а также с командующим северо-западной белогвардейской армией генералом Н.Н. Юденичем.

20 июня белогвардейские и английские части при поддержке военной флотилии и авиации нанесли удар по советским войскам на Северной Двине. Эта атака, являвшаяся прологом главного наступления на Котлас, увенчалась успехом. Был взят ряд населенных пунктов, большое количество пленных. Но переход в общее наступление был сорван восстаниями в белогвардейских частях в июле 1919 года. На Двине вспыхнул мятеж в 1-м батальоне Дайеровского полка, сформированного при личном участии британского главнокомандующего генерала У.Э. Айронсайда из пленных красноармейцев и заключенных губернской тюрьмы. После его подавления и пресечения аналогичных попыток в ряде воинских частей на этом участке фронта произошло еще более крупное восстание в 5-м стрелковом полку. Командование его было арестовано и передано красным. Было прервано сухопутное сообщение с Мурманом. Произошло восстание двух рот в 6-м стрелковом полку на Вологодской железной дороге. Все это заставило отказаться от дальнейших наступательных планов и предпринять меры для укрепления фронта.

В июле в Архангельск вернулся из Финляндии генерал В.В. Марушевский. В докладе правительству он настаивал на немедленном направлении миссии в Финляндию для заключения военного договора с ней, "заранее соглашаясь на все условия, которые она предложит". А главным из этих условий было признание финской независимости. Е.К. Миллер и правительство в целом поддержали позицию В.В. Марушевского. За подписью Миллера было направлено особое послание А.В. Колчаку. Верховный правитель и его кабинет выразили заинтересованность в военных операциях Финляндии против большевиков, но руководствуясь великодержавными амбициями, отвергли условия Финляндии и предложения генералов Миллера, Марушевского и Юденича как неприемлемые⁹.

Таким образом, при наличии общей заинтересованности в совместной борьбе с большевиками между руководителями белого движения и Финляндии существовали неразрешимые противоречия, которые сделали невозможным участие войск последней в борьбе против Советской России, что во многом предопределило исход сражений на Севере и Северо-Западе страны.

На заседании правительства Северной области 12 июля был обсужден вопрос об упразднении правительства в его теперешнем виде и передаче всей власти главнокомандующему генералу Миллеру. Все выступавшие на заседании - П.Ю. Зубов, В.И. Игнатьев, С.Н. Городецкий высказались за это и правительство постановило: 1) признать Всероссийским правительство в Омске; 2) при наличии Всероссийской Верховной

Командование интервентов и белогвардейцев на Русском Севере в ожидании прибытия бригады британских добровольцев. На переднем плане: второй слева генерал У.Э. Айронсайд, третий слева генерал Е.К. Миллер.
Архангельск, 27 мая 1919 года.

власти дальнейшее самостоятельное существование правительства Северной области не отвечает целям воссоздания единого русского государства и укрепления Верховной власти; 3) для более успешного достижения этих целей и объединения общей правительственной деятельности в Северной области представляется неотложно необходимым сосредоточить всю полноту власти по управлению областью в руках высшего военного командования. Правительство решило войти с ходатайством к Верховному правителю России А.В. Колчаку о разрешении ему сложить свои полномочия в пользу главнокомандующего Северным фронтом генерала Миллера, который должен был организовать военное и гражданское управление областью. Впредь до получения согласия из Омска управляющие отделами правительства должны были выполнять свои служебные обязанности¹⁰.

Этим решением был сделан важный шаг по пути к военной диктатуре. Но сам генерал Миллер не афишировал приверженность этой идее, учитывая сложность внутренней ситуации в области, усугубляемую предстоящей эвакуацией союзников, и отдавал окончательное решение на усмотрение Верховного правителя.

В конце июля главнокомандующий войсками интервентов генерал У.Э. Айронсайд уведомил русские власти об эвакуации союзных войск до зимы. 2 августа правительство Северной области отменило свое решение от 12 июля о передаче всей полноты власти в руки главнокомандующего. А в августе прошло земско-городское совещание, призванное ответить на главный вопрос: способна ли область самостоятельно продолжать борьбу с большевиками после ухода союзников. Обращаясь к делегатам, генерал Миллер охарактеризовал военно-политическое положение области. Он считал возможным и необходимым продолжать сражаться, хотя главные надежды связывал с разгромом большевиков на других фронтах. Соответствующие телеграммы были им направлены Колчаку и Юденичу.

Земско-городское совещание приняло обращение к населению области и грамоту к воинам Северной Армии о продолжении борьбы с большевиками. Делегаты утвердили также воззвание к союзным народам и правительствам с просьбой оставить войска на Севере. В Великобританию была направлена делегация совещания, поездка которой, впрочем, оказалась безрезультатной.

6 августа генерал В.В. Марушевский издал свой последний приказ по войскам области как командующий. Со странным и затянувшимся двоевластием в белогвардейских вооруженных силах на Севере было наконец покончено, и военная власть полностью оказалась в руках главнокомандующего Северным фронтом Е.К. Миллера. 10 августа началось наступление войск интервентов и белогвардейцев на Северной Двине под командованием британского генерала Садлера-Джексона. Было захвачено в плен до 2 тыс. человек. Войска противника были обескровлены. Но наступление имело не далекоидущие, а скромные цели - облегчить предстоящую эвакуацию союзников и лишить возможности противника вести активные действия.

11 августа в Архангельск прибыл опытный британский военачальник генерал Г. Роулинсон, которому было поручено верховное руководство эвакуацией союзных войск. Состоялся ряд совещаний с союзным и русским командным составом. На них обсуждались различные варианты: полная эвакуация области с перевозкой боеспособных русских частей на

другие фронты; передислокация русских войск на Мурман; сохранение архангельского фронта. За первый или второй вариант высказывались британские генералы и командиры русских фронтовых частей, считавшие невозможным удержание огромного фронта после ухода союзников. Но генерал Миллер, ссылаясь на приказ Верховного правителя и выражая надежду на успех боевых действий на других фронтах, принял окончательное решение продолжать защиту всей Северной области.

Это решение впоследствии вызвало острую дискуссию в эмиграции и обвинения в адрес Е.К. Миллера. Но сам он считал сделанный выбор правильным и спустя несколько лет, находясь в эмиграции, писал: "Выход из строя Северной области в это время был бы равносильен измене белому делу, он нанес бы непоправимый моральный удар. После неудачи адмирала Колчака выход из строя Северной области без боя поднял бы престиж непобедимости Красной армии и советской власти; он укрепил бы навсегда легенду о том, что в Северной области сражались с большевиками не русские, а иностранцы; он вредно отразился бы и на ведении операций Добровольческой и Северо-Западной армий, развязав руки большевикам на всем обширном Северном фронте. Бог помог: Северная область не запятнала себя дезертирством, изменой святому делу борьбы за освобождение России; она нашла в себе силы молчанием ответить на соблазнительные, шкурные зазывания английского командования. Слабые духом под разными предлогами уехали, а оставшиеся сомкнули ряды и в энергичном наступлении нашли выход своим сомнениям"¹¹.

Последние недели прибывания союзных солдат на Севере были использованы генералом Миллером для проведения комплекса чрезвычайных мер, которые должны были позволить пережить критический момент эвакуации и обеспечить самостоятельное существование края. Была объявлена мобилизация в армию лиц с 18 до 45 лет, а в национальное ополчение - с 17 до 50 лет, проведена разгрузка Архангельска и окрестностей от опасных и неблагонадежных элементов, широко применялись превентивные аресты и высылка в отдаленные районы лиц, считавшихся подозрительными и др.

Укреплению власти генерала Миллера способствовало утвержденное Верховным правителем постановление совета министров от 26 августа 1919 года о введении Временного положения об управлении Северным краем. В соответствии с ним Е.К. Миллеру были даны права главного начальника края с подчинением непосредственно Верховной власти. Он назначал помощника по гражданской части и при необходимости совет из особоуполномоченных. Ему подчинялись все должностные лица края¹².

27 сентября последние корабли с войсками интервентов покинули Архангельск. Но ожидаемых волнений и беспорядков не произошло. Напротив, в сентябре - начале ноября войска генерала Миллера существенно расширили территорию области, воспользовавшись тем, что советское командование вынуждено было перебросить с Севера часть своих войск, когда армии генералов Деникина и Юденича создали прямую угрозу Москве и Петрограду. На Вологодской железной дороге удалось захватить наконец важный стратегический пункт - станцию Плесецкая, на северо-востоке - выйти в районы Предуралья.

Но к концу осени ситуация на фронтах гражданской войны резко изменилась: была полностью разгромлена большевиками армия Юденича, поспешно отступали на юг войска Деникина, терпели поражение за

поражением части Колчака. Войскам генерала Миллера не удалось развить успех наступления на Северном фронте. Напротив, красные вернули в конце 1919 года большую часть Коми края, ликвидировали угрозу Котласу. После неудачи декабрьского наступления Е.К. Миллер и его штаб полностью отказались от наступательных замыслов и основное внимание уделили организации обороны, а также идеологической работе в войсках с целью противодействия пропаганде большевиков о бессмысленности дальнейшего сопротивления изолированной Северной области.

Евгений Карлович Миллер мучительно размышлял над перспективами борьбы и судьбой Северной области, ища выход из сложного создавшегося положения. При любом раскладе решающую роль должно было сыграть развитие событий на главных фронтах гражданской войны, ибо Северный фронт играл все-таки второстепенную роль. При этом для Северной области первостепенное значение имело всестороннее сотрудничество со странами Антанты и скорейшее заключение военного союза с Финляндией.

В конце января 1920 года на переговоры в Финляндию выехал специальный уполномоченный Северного правительства генерал Е.Ю. Бем. В инструкции, подготовленной для него генералом Миллером, подчеркивалась идея образования в 1920 году «единого антибольшевистского фронта от Черного моря до крайнего Севера». Левый фланг этого фронта должны были составить Северная область и Финляндия, успех действий которых зависел от взаимного доверия, а также моральной и материальной помощи Антанты.

Миллер охарактеризовал Бему цели, к достижению которых тот должен был стремиться на переговорах: благоприятное для Северной области решение карельского вопроса; разрешение принимать добровольцев на Север и пропуск туда частей армии Юденича, «в крайности безоружных под видом отправляющихся домой»; свободный проезд через Финляндию и Северную область и обратно; обеспечение активной военной поддержки правого фланга Северного фронта со стороны Финляндии и Карелии; заключение договора о способах совместных активных действий против большевиков; учреждение взаимных представительств и заявление финнов о солидарности с Северной областью; установление всех видов связи.

В качестве «компенсации» Финляндии генерал Миллер предлагал следующее: продолжение борьбы белогвардейцев на Мурманском фронте; предоставление работы в Северной области финским подданным; предложение концессий на постройку железных дорог, соединяющих финскую сеть с Мурманской магистралью (для выхода к морю, а в дальнейшем для связи с Сибирью); согласие на самое широкое самоуправление Карелии «при полном сочувствии ее дружбе с Финляндией», допуск в бухту Печенги для транзита товаров и др.¹³.

Но пока руководство Северной области размышляло над мерой уступок белофиннам для налаживания антисоветского военно-политического сотрудничества, последние перешли границу и 9 февраля 1920 года захватили Печенгу. Дальнейшие переговоры генерала Бема были прерваны в связи с падением Северного фронта.

Укрепление власти генерала Миллера и фактически установление его военной диктатуры в области вызывало немало сомнений и споров в правительственном лагере. Первыми высказали сомнение в целесообраз-

ности введения в действие Временного положения об управлении Северным краем и соответственно должности Главного начальника края комиссии по обороне и внутреннему управлению, избранные земско-городским совещанием. В конце концов члены реорганизованного в августе правительства эсеры П.П. Скоморохов и Е.В. Едовин в знак протеста покинули его.

6 октября после обсуждения сложившейся ситуации на заседании правительства было принято решение сообщить Российскому правительству в Омске о невозможности введения в действие Положения о Начальнике Северного края в том виде, как это было сообщено в радиотелеграмме из Омска. Большинство членов правительства во главе с его заместителем председателя П.Ю. Зубовым считало, что власть в области по-прежнему должна покоиться на коллегиальном принципе, часть же считала возможным ввести положение при условии предоставления генералу Миллеру прав Верховного правителя (уполномоченного).

В то время как П.Ю. Зубов утверждал, что осуществление предписаний из Омска невозможно в настоящей сложной ситуации после эвакуации союзников, ибо будет воспринято населением "как реакционный акт военного командования", сам Е.К. Миллер ставил перед правительством в Омске вопрос о расширении своих полномочий и прекращении тем самым вмешательства земско-городского совещания и его комиссий в свою деятельность, окончания "игры в предпарламент". Он указывал, что это облегчит управление краем и ведение войны и будет приветствоваться армией и некоторой частью населения.

В телеграммах из Омска была выражена поддержка предложений Миллера, подтверждена необходимость немедленного введения в действие положения об управлении Северным краем с расширением функций его Главного начальника. Деятельность земско-городского совещания как постоянного учреждения была признана нецелесообразной, ввиду сосредоточения всей законодательной работы в Омске. Н.В. Чайковский, по-прежнему находившийся в Париже, но сохранявший пост председателя Северного правительства, был уведомлен об упразднении правительства и ему было предложено войти в состав Всероссийского правительства в качестве министра без портфеля, председателя комиссии по выборам в Учредительное Собрание¹⁴.

Но поражения сибирских войск, переросшие в катастрофу, и практически полный разрыв связей с Всероссийским правительством привели к тому, что правительство Северной области сохранилось, и вместе с тем превратилось по существу в совещательный орган при главнокомандующем. Вместе с тем, даже лидеры умеренных социалистов, в первую очередь эсеров, были настроены оборончески и весьма примирительно к режиму: "Для нас совершенно ясно, что говорить об искреннем соглашении с генералом Миллером не приходится. У нас военная диктатура и военный диктатор... Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать область и будем помогать ему там, где можем. Во всяком случае, всякую оппозицию против него будем сдерживать"¹⁵.

Но положение изолированной области с каждым днем ухудшалось. Острая дискуссия развернулась на 5-й сессии Архангельского губернского земского собрания в начале февраля 1920 года, заявившего в итоге о необходимости создания ответственного перед ним правительства. Прибывший на заседание земства генерал Миллер охарактеризовал приня-

тое решение как акт незаконный и революционный, ведущий к развалу управления областью, и именуя себя сторонником эволюционного пути к новому образу правления, призвал к спокойному преобразованию власти без потрясений и насильственных действий. В итоге последовавшего обсуждения земское собрание заявило, что не имеет намерений к насильственному перевороту, а выступает за создание сильной демократической власти, авторитетной в глазах населения. Было принято решение начать переговоры с главнокомандующим о создании нового правительства¹⁶.

Итак, проявив политическую гибкость, Е.К. Миллер, казалось бы, преодолел правительственный кризис. 14 февраля на заседании губернского земского собрания был объявлен состав нового правительства, председателем которого по-прежнему считался отсутствующий Н.В. Чайковский. Его заместителем и фактическим главой кабинета стал генерал Миллер. В состав нового правительства, именуемого "правительством национального спасения" вошли представители различных политических сил. Но просуществовать ему суждено было лишь несколько дней. Под влиянием большевистской пропаганды начались солдатские восстания и Северный фронт рухнул.

19 февраля 1920 года ледокол "Козьма Минин", на борту которого находились генерал Е.К. Миллер со штабом, члены правительства, военные и гражданские лица, покинул Архангельск и сопровождаемый пулеметным и ружейным огнем взял курс на Мурманск. Уже в Белом море корабль отбил нападение преследующего его красного ледокола "Канада". После перехвата радиограммы о восстании в Мурманске "Козьма Минин" взял курс на Норвегию и в конце февраля прибыл в порт Тромсе.

Перевернулась еще одна страница истории и биографии нашего героя. Е.К. Миллер в телеграмме С.Д. Сазонову в Париж 25 февраля указывал, что с ним отбыло из Архангельска примерно 800 пассажиров. В письме тому же адресату 3 марта он сообщал, что с ним в Норвегии находится около 320 сухопутных и морских офицеров, около 50 солдат, 66 военных и гражданских чиновников, 7 врачей, примерно 160 женщин и детей. По другим данным число беженцев на "Козьме Минине" превышало 1000 чел. С Мурманского и Архангельского фронтов сухопутным путем прорвалось в Финляндию 377 офицеров и 493 солдата (с гражданскими беженцами общее число составило 1001 чел.). Это все, что осталось от 55-тысячной армии¹⁷.

26 февраля генералом Миллером была учреждена комиссия из представителей военного, морского и гражданского ведомств для разрешения вопросов беженцев. 30 марта он принял на себя власть правительства, а 11 июня учредил Временный комитет по делам беженцев Северной области в Норвегии и Финляндии. Его председателем был назначен бывший член правительства С.Н. Городецкий, а членами - бывший прокурор В.Ф. Бидо и капитан контрразведки В.Б. фон Гейне. В норвежских газетах этой поры можно найти целый ряд интервью с генералом Миллером, повествующим о проблемах русских беженцев.

Летом 1920 года Е.К. Миллер отбыл в Париж, чтобы занять здесь должность Главноуполномоченного генерала П.Н. Врангеля. По пути он забрал из Швейцарии свою семью, которая проживала тут в годы войны. В 1920-22 годах он занимает в Париже вышеназванный пост, а затем становится начальником штаба генерала Врангеля.

В 1924 году в Париже генералом Миллером было основано “Общество северян”, организация по типу землячества, объединявшая участников гражданской войны в Северной области. Ее отделения возникли в ряде европейских стран. Члены организации активно занимались антисоветской деятельностью. Но одной из главных задач общества являлась подготовка “Очерка истории Северной области” - истории антибольшевистского движения на Русском Севере. Е.К. Миллер являлся председателем редакционной коллегии этого издания, а его членами были бывшие члены правительства С.Н. Городецкий и П.Ю. Зубов. Подготовить и выпустить в свет планируемое издание не удалось, но при помощи “Общества северян” в эмигрантских журналах и альманахах был опубликован ряд материалов, посвященных истории белого Севера. Среди них были и размышления самого Миллера “Борьба за Россию на Севере 1918-1920 гг.”, опубликованные в четвертом номере альманаха “Белое дело” за 1928 год. Генерал рассматривал здесь историю Северной области как историю неиспользованных возможностей.

В 1924 году П.Н. Врангелем было объявлено о преобразовании армии в Русский Обще-Воинский союз. Е.К. Миллер стал заведовать финансовой частью РОВС, переданной Врангелем великому князю Николаю Николаевичу, и находился в непосредственном распоряжении последнего. После смерти Врангеля РОВС возглавил генерал Кутепов, а после его похищения агентами НКВД в 1930 году, генерал Миллер, являвшийся заместителем Кутепова, стал председателем этой организации.

Ситуация в руководимой Е.К. Миллером разветвленной организации, насчитывающей 13 отделов и подотделов, объединяющей бывших военнослужащих, разбросанных по всему миру, была в 30-е годы весьма сложной. В РОВС были как сторонники активной военно-политической и террористической антисоветской деятельности (“активисты” - сподвижники генерала Кутепова), так и лица, считавшие необходимым воздерживаться от политического экстремизма. Генерал Миллер относил себя к числу последних, заявляя, что он - противник бессмысленных авантюр. Своей главной задачей он считал сохранение армии, поддержание ее традиций и дисциплины, оказание помощи ветеранам и подрастающему в эмиграции молодому поколению.

Это вызывало критику Е.К. Миллера со стороны оппонентов, обвинения его и сподвижников в бездеятельности, стремлении быть вне политики. Генерал Миллер, в свою очередь, отвергал эти обвинения, а одного из своих наиболее активных критиков - генерала Туркула, объявившего о создании независимого от РОВС Русского национального союза участников войны, освободил от должности командира Дроздовского стрелкового полка и исключил из состава РОВС.

22 сентября 1937 года за три дня до своего 70-летия генерал Миллер таинственно исчез из Парижа. Это событие всколыхнуло эмиграцию, вызвало разнообразие версий в зарубежной печати. Но большинство авторов сходилось в том, что Е.К. Миллер похищен сотрудниками НКВД и следы ведут в Москву. Они оказались правы. В последние годы стали известны документы, позволившие воссоздать картину похищения и заключительный период жизни генерала.

Как стало очевидно сегодня, операция НКВД по похищению генерала Миллера преследовала двоякую цель: устранить руководителя наиболее известной и опасной антисоветской организации и поставить на

Генерал Е.К. Миллер в штаб-квартире РОВС
в 1930-е годы.

его место своего агента - Николая Васильевича Скоблина, командира Корниловского полка и дивизии в годы гражданской войны, в 27 лет произведенного бароном Врангелем в генералы, ставшего в 1937 году одним из видных деятелей РОВСа, а тем самым получить и хороший источник информации о деятельности зарубежных спецслужб, сотрудничавших с этой организацией.

Скоблин пригласил Миллера на встречу с двумя немецкими офицерами. Во время этого свидания в Париже с "немцами", оказавшимися в действительности советскими разведчиками, председатель РОВСа был схвачен и на автомобиле советского посольства доставлен в Гавр на пароход "Мария Ульянова", который, не закончив разгрузки, срочно покинул порт и взял курс на Ленинград.

Высокопоставленные французские политики и военные считали возможным, что генерал Миллер находится на борту советского парохода и даже обсуждали план перехвата судна французскими миноносцами, но в конце концов не решились пойти на это в нейтральных водах. Из Ленинграда генерал был немедленно доставлен в Москву во внутреннюю тюрьму Главного управления государственной безопасности на Лубянке, где и содержался более 600 дней вплоть до своей казни под именем Петра Васильевича Иванова.

В хранящейся в архиве Федеральной службы безопасности и выцветшей от времени папке под названием "Материалы на Миллера Е." - 29 листов большого размера, исписанных мелким почерком с обеих сторон, - показания генерала, данные следователю, четыре письма наркому внутренних дел Н.И. Ежову, митрополиту московскому Сергию, а также своей жене и генералу П.А. Кусонскому, предназначенные для отправки в Париж, и некоторые другие материалы. Они поистине уникальны и позволяют глазами их автора взглянуть на процессы, происходившие в русской эмиграции и оценить деятельность возглавляемого им РОВСа, а также различных политических деятелей эмиграции¹⁸. Эти документы убеждают в главном: Е.К. Миллер сохранил чувство собственного достоинства, гражданской ответственности, способность объяснить свои взгляды и действия.

Генерала волновали два главных вопроса: судьба его близких, и прежде всего престарелой и больной жены, томящихся в неизвестности о нем, а также деньги и документы ряда благотворительных эмигрантских организаций, оказавшихся при нем при аресте. Но просьбы передать весточку своим близким, а вышеупомянутые средства и документы своему помощнику в Париже генералу Кусонскому не были удовлетворены.

Интересны размышления Евгения Карловича в связи с вопросом следователя о том, как он рисует себе выход из создавшегося положения. Он предложил, чтобы ему и генералу Кутепову (Миллера уверяли, что он жив, хотя в действительности он умер от сердечного приступа на судне, следовавшем в Новороссийск, куда его хотели доставить после похищения - **В.Г.**) была дана возможность ознакомиться с советской действительностью. Если "существующее положение отвечает "воле народа", то наш долг сообщить об этом эмиграции, - считал Миллер, - дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию, население которой получило наконец такое правительство и такое государственное устройство, которое его удовлетворяет и соответствует улучшению его благосостояния... Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет, а вопрос о необходимости борьбы и самоуничто-

жения русских людей отпадает для большинства эмиграции тотчас же, в самое ближайшее время". Разумеется, что возможность такого "освидетельствования" предоставлена московскому узнику не была.

После первых активных допросов, а затем длительного перерыва до 21 декабря 1937 года, когда генерала посетил нарком внутренних дел Н.И. Ежов, интерес к нему был утрачен. Советские власти не знали, как поступить со своим пленником, нахождение которого в СССР они отрицали. Добавим к этому, что замысел внедрения на место председателя РОВС Н.В. Скоблина провалился. Миллер оставил записку начальнику канцелярии РОВС генералу Кусонскому о том, что он отправился на встречу, организованную по инициативе Скоблина вместе с ним. После исчезновения Миллера последовало объяснение сотрудников РОВС со Скоблиным и, лишь благодаря случайности, тому удалось скрыться. В ноябре 1937 года он появился в Москве.

Ожидая решения своей участи, Е.К. Миллер пытался писать воспоминания о своей юности и дореволюционной деятельности, знакомился с произведениями вождя своих противников В.И. Ленина. Развязка наступила 11 мая 1939 года. Военная Коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила Е.К. Миллера к смертной казни на основании закона от 1 декабря 1934 года. Миллер фигурировал в приговоре под именем Петра Васильевича Иванова.

Последним документом в деле Е.К. Миллера является "Акт", гласящий: "Приговор в отношении поименованного сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верх. Суда СССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии: Комендант НКВД Блохин. Начальник Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД Миронов".

Так завершился жизненный путь генерала Евгения Карловича Миллера.

¹ Белый Север. - Архангельск, 1993. - Вып. 1. - С.20.

² Подробнее о сложнейших перепетиях этого периода см.: Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918-1920. - М., 1993.

³ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.5805. Оп.1. Д.492. Л.1.

⁴ Архив внешней политики России. Посольство в Париже. Оп.524. Д.3523. Д.95-97.

⁵ М а р у ш е в с к и й В.В. Белые в Архангельске. - Л., 1930. - С.139.

⁶ И г н а т ь е в В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М., 1922. С.35, 37-40; ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.509. Л.4-5.

⁷ ГАРФ. Ф.16. Оп.1. Д.88. Л.7-9; Вестник Временного правительства Северной области (Архангельск). - 1919. - 4 мая, 19 июня.

⁸ ГАРФ. Ф.16. Оп.1. Д.4. Л.10, 86.

⁹ М а р у ш е в с к и й В.В. Указ. соч. - С.228, 244-246; ГАРФ. Ф.5867. Оп.1. Д.16. Л.58-59.

¹⁰ ГАРФ. Ф.16. Оп.1. Д.13. Л.1-3; Ф.176. Оп.3. Д.17. Л.21, 25.

¹¹ Белый Север. - Вып. - 1-С.24-25.

¹² ГАРФ. Ф.180. Оп.1. Д.34. Л.16-16об; Ф.16. Оп.1. Д.88. Л.32-33.

¹³ ГАРФ. Ф.17. Оп.1. Д.77. Л.129-130об.

- ¹⁴ ГАРФ. Ф.16. Оп.1. Д.88. Л.37; Д.12. Л.54; Ф.176. Оп.3. Д.17. Л.27-28; Ф.180. Оп.1. Д.34. Л.7; Ф.5867. Оп.1. Д.21. Л.37.
- ¹⁵ С о к о л о в Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. - Берлин. 1923. -Т.9.-С.42.
- ¹⁶ Возрождение Севера (Архангельск). - 1920. - 12 февр.; За Россию. - 1920. - 15 февр.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф.5867. Оп.1. Д.62. Л.15; Д.63. Л.28; Ф.5805. Оп.1. Д.419. Л.1; Д.513. Л.1-4.
- ¹⁸ См.: Г о л д и н В.И. "Листая старую тетрадь расстрелянного генерала" // Гандвик ТВ. - 1995. - № 13; Наумов В., Краюшкин А. Заключение под номером 110 // Московские новости. - 1994. - № 63.
-

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ: КАК ЭТО БЫЛО

В конце ноября 1994 года в Московском кремле проходило Всероссийское экономическое совещание. Около шестисот представителей правительства, отраслей и регионов обсуждали основные направления финансово-бюджетной политики, прогноз экономической ситуации на ближайшее время, программу перспективных реформ отечественной экономики и многие другие проблемы. Выступали президент и премьер-министр, председатели палат Федерального собрания, предприниматели и банкиры. Они говорили умные речи, не всегда, правда, соответствовавшие действительности. А один из видных российских экономистов, характеризуя проект бюджета, вообще сказал, что писали его видимо сказочники.

И в этот момент вдруг подумалось: а ведь такое уже было. Анализ ситуации и умные речи, видные политики и экономисты, представители деловых кругов и общественности. Был и Верховный правитель. Только происходило это вдали от Первопрестольной, в сибирской глубинке, провинциальном Омске. Да и время было иное. Шла гражданская война.

Омск стал столицей Белой России не сразу, лишь в начале октября 1918 года. А чуть раньше важные события состоялись в Уфе. В сентябре в течение двух недель здесь работало государственное совещание с участием различных антибольшевистских политических сил. Итогом их деятельности стало создание временной всероссийской власти в лице Директории. Почти параллельно сто тридцать делегатов другого собрания - Всероссийского торгово-промышленного съезда - приступили к решению экономических и финансовых дел. Их усилиями был образован Всероссийский совет съездов торговли и промышленности, который возглавил известный уфимский промышленник А.А. Гаврилов¹.

Переехав вслед за правительством в Омск, совет съездов слился с аналогичным сибирским советом и обратился к Директории с докладом. В нем предприниматели, дав краткий анализ ситуации в экономике, указали, что "всякая попытка правительства взять на себя регулирование экономической жизни без знания и налаженного государственного аппарата обречена на неудачи, воспитывающие население в неподчинении власти"². Для исправления положения совет выступил за скорейшее создание и укрепление в центре и на местах авторитетной и сильной общей власти, восстановление налогового аппарата, городского и земского хозяйства, нормальной деятельности торговли и промышленности, устранение произвольных реквизиций, урегулирование рабочего вопроса и повышение производительности труда. Выдвинутые предложения были справедливы

и требовали особого внимания со стороны властей. Экономическая разруха, обусловленная первой мировой войной, революцией и большевизмом, продолжала нарастать. Цифры, свидетельствовавшие об этом, были налицо. На заводах Урала выплавка металла в начале 1918 г. составила половину, а осенью - лишь четверть от объемов производства 1914 г. Добыча золота в Акмолинской области за год (с лета 1917 г.) сократилась в 12,7 раза, в Енисейской губернии - в 1,7 раза. Выплавка меди в Акмолинской области упала в 3,2 раза. Аналогичные показатели характеризовали добычу угля в Семипалатинской области. Многие предприятия либо вообще закрылись, либо работали на десятую часть своей мощности³. Производительность труда на Транссибирской железнодорожной магистрали летом 1918 г. составила лишь 25 процентов от уровня 1913 г.⁴ Тяжелое положение сложилось в финансовой области. После того, как большевики вывезли на запад более одного миллиарда рублей, 167 пудов золота и около 500 пудов серебра, наличность кредитных учреждений Урала и Сибири составила на 1 июля 1918 г. мизерную сумму в 213,2 млн. рублей⁵. Директория просто обязана была предпринять решительные шаги в деле экономического возрождения. Однако драгоценное время шло, а власть топталась на месте и была занята решением внутривластных противоречий и разногласий.

Только в начале ноября с созданием "делового" совета министров у заинтересованных лиц появилась надежда, что ситуация в экономике начнет меняться и будет выработана четкая правительственная программа конкретных действий. Вовсе не случайно многие промышленники поддержали последовавший вскоре государственный переворот и установление единоличной власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Совет съездов откликнулся на это событие созывом экстренного совещания своих представителей и финансовых деятелей, которые выяснили главные недочеты финансовой и экономической системы и наметили меры по их исправлению. По результатам работы совещания Верховному правителю, министрам финансов, торговли и промышленности была представлена обширная докладная записка. В ней перечислялись срочные меры для поднятия экономики и финансов. Наряду с мерами длительного характера, эффект от которых будет очень медленным, предлагались паллиативы. Хотя они часто и могли идти в разрез с требованиями рациональности, но, по мнению участников совещания, в данный момент были полезны, а иногда и просто необходимы. Так, в области финансов предусматривались: краткосрочный внутренний торгово-промышленный заем; восстановление правильной деятельности банков всех уровней; урегулирование переводных и чековых операций; введение принудительного чекового обращения; отмена запрета на обращение выпущенных временными правительствами суррогатов денег. В качестве крайней, исключительной меры предлагалось продолжить печатание кредитных билетов. Заканчивая докладную записку, совет съездов указал на то, что проведение финансово-экономических реформ потребует единства и координации действий отдельных министерств. Для обсуждения принимаемых мер необходимо образовать центральный экономический орган, решения которого будут неукоснительно проводиться в жизнь и перед которым министерства и их органы будут ответственны за самостоятельные выступления, идущие в разрез с принятой общей программой⁶.

Справедливость выводов совещания торговопромышленников была настолько очевидной, что уже на третий день после своего избрания

Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак.
1 мая 1919 года.

Верховным правителем А.В. Колчак поручил управляющему делами совета министров Г.Г. Тельбергу оформить учреждение Чрезвычайного государственного экономического совещания. Вместе с поручением Тельберг получил и практически готовый проект указа, разработанный видным судопромышленником и финансистом, бывшим государственным контролером царского правительства Штюрмера С.Г. Феодосьевым. Последний, по свидетельству участника событий Г.К. Гинса, пользовался большим доверием адмирала, хотя и отказался от работы в правительстве⁷. Представленный проект предполагал преобладание в совещании представителей от торгово-промышленного класса. Совет министров с такой расстановкой не согласился и, учитывая широкое развитие в Сибири кооперативных учреждений, внес коррективы в пользу их представителей. Последовал указ Верховного правителя, в котором главной целью совещания провозглашалась разработка экстренных мероприятий в области финансов, снабжения армии, восстановления производительных сил и товарообмена в стране. В состав нового органа вошли министры: военный, финансов, торговли и промышленности, продовольствия, снабжения, путей сообщения; пять представителей Всероссийского совета съездов торговли и промышленности; по три представителя от правлений частных и кооперативных банков и совета кооперативных съездов. Работу совещания предстояло возглавить председателю, лично назначенному А.В. Колчаком. По усмотрению председателя к обсуждению конкретных вопросов могли быть допущены специально приглашенные для этого лица. Все участники совещания должны были проживать обязательно в столичном Омске, так как проведение заседаний, особенно на первых порах, планировалось сделать ежедневным и только в вечернее время. Совещание могло делать Верховному правителю представления о необходимости проведения тех или иных мероприятий в народном хозяйстве. Оно обязано было рассматривать все подготовленные различными ведомствами законопроекты экономического свойства и давать по ним авторитетный отзыв⁸.

23 ноября 1918 года в торжественной обстановке государственное экономическое совещание открыло свои работы. Кворум был почти полным. Отсутствовал лишь один из представителей совета съездов. Председательствовал сам А.В. Колчак. Открывая заседание, он заявил, что придает собранию «исключительно важный характер» и считает, что «совещание должно разрешить практически ряд тех вопросов, от которых зависит наша жизнь или смерть». В конце своей речи адмирал попросил участников заниматься порученным делом, «совершенно отбрасывая все вопросы политического свойства, которые не должны иметь никакого соприкосновения к трудам и деятельности настоящего совещания»⁹. Своим представителем и председателем совещания Верховный правитель назначил С.Г. Феодосьева. Однако еще на шести последующих заседаниях адмирал сам руководил работой совещания. Столь повышенный интерес был вызван всесторонним обсуждением вопроса снабжения армии. С развернутыми докладами о подведомственных отраслях выступили военный министр, генерал-майор В.И. Сурин, министр продовольствия Н.С. Зефирин, министр финансов И.А. Михайлов, министр снабжения И.И. Серебренников, министр путей сообщения Л.А. Устругов. В целом доклады носили деловой характер, были насыщены различными сведениями, фактами и конкретными предложениями. Но даже на этом фоне выгодно отличалось выступление Л.А. Устругова, продемонстрировавшего доскональ-

ное знание предмета. Не обошлось и без ляпсусов. Министр И.А. Михайлов, попавший на столь ответственный пост довольно случайно, например заявил, что, несмотря на тяжелейшее положение с денежной наличностью, он с легкостью разрешит нарастающий кризис уже в декабре путем активного печатания денег и получением знаков из США, где еще Временным правительством А.Ф. Керенского был размещен соответствующий заказ. Заметим, что весь период правления А.В. Колчака на востоке России ощущался денежный голод, а “американки” поступили лишь осенью 1919 г., но так и не были введены в обращение.

От имени предпринимателей в прениях не раз выступал председатель съезда советов А.А. Гаврилов, который в дальнейшем вообще стал играть довольно видную роль в работе совещания. Он заявил, что торгово-промышленный класс готов взять на себя заготовку и доставку всего необходимого для армии при условии своевременной оплаты заказанных материалов. Кроме того, “срочное снабжение армии в полной мере зависит от правильного функционирования фабрик, а для этого надо устранить возможность вмешательства в жизнь фабрик со стороны некоторых властей, чему были неоднократно примеры”¹⁰. Хотя виновники прямо не назывались, намек имел адресата. На выступление сразу отреагировал военный министр, отметивший, что уже приняты соответствующие меры, благодаря которым “все недоразумения, могущие произойти в этой области, удастся устранить”¹¹. На практике ни в тот момент, ни много позднее военному ведомству так и не удалось навести порядок. Реквизиции, превращавшиеся подчас в подлинный грабёж не только населения, но и предприятий, продолжались, нанося непоправимый вред на местах, да и всему Белому делу в целом. Не помогли никакие решения и приказы из Омска.

Между тем на совещании все же удалось договориться. При совете съездов было образовано специальное бюро по снабжению армии (председатель Н.Н. Машинский), оперативно взявшееся за порученное дело. Уже к середине декабря, то есть по прошествии двух недель от описываемых событий, бюро заготовило и через интендантство отправило на фронт более 100 тысяч пар пимов, около 50 тысяч полушубков, десятки тысяч других предметов снабжения. Многие предприниматели снижали закупочные цены, вносили добровольные пожертвования: Бийский фабрикант Бородин бесплатно отпустил 10 тысяч аршин полотна, предприниматели Шадринска собрали и передали на снаряжение армии один миллион, а торгово-промышленники Тюмени - 500 тысяч рублей¹².

В конце ноября на очередном заседании совещание утвердило программу ближайших работ. В ней предусматривалось: 1. снятие с внутренней торговли и промышленности всех ограничений, вызванных первой мировой войной, предоставление свободы действий частным банкам; 2. обсуждение проблемы государственного бюджета, для повышения доходности которого планировалось повышение железнодорожных тарифов, восстановление акцизов, усиление прямых налогов, повышение таможенной пошлины. Во имя сокращения расходов казны предусматривалось упорядочить железнодорожное хозяйство и деятельность промышленных предприятий, упразднить ненужные учреждения и штаты, ограничить выдачу из казны ссуд на поддержание деятельности частного сектора экономики; 3. руководство работой государственного банка и его подразделений; 4. широкое использование внутренних и внешних кредитов для покрытия неизбежного дефицита в государственном бюджете и удовлетво-

рения неотложных потребностей хозяйственной жизни; 5. проведение внешней торговли и новой таможенной политики; 6. принятие мер к поднятию производительных сил в целом и, в частности, в сельском хозяйстве, лесной и горной промышленности; 7. выработка рабочего законодательства; 8. организация ведомств, руководящих отдельными отраслями экономики¹³.

В обсуждении программы вновь участвовал Верховный правитель, подчеркнувший, что "ему от экономического совещания нужны директивы, которыми он мог бы руководствоваться для направления работ различных ведомств по определенному пути"¹⁴. Вроде бы интерес был проявлен вполне определенно. Однако именно с 29 ноября, дня, когда принималась программа, адмирал перестал бывать в совещании и участвовать в его работе, ограничившись информацией, получаемой из уст С.Г. Феодосьева. Сказался, видимо, взгляд на экономику глазами военного человека. Пока обсуждались вопросы существования армии, необходимость личного присутствия была несомненна. Но как только обсуждение перешло в рамки гражданских проблем, у власти нашлись другие дела. Тем более на фронте вроде бы все обстояло более или менее благополучно. Не в этом ли пренебрежении крылись причины последующих неудач как в боевых, так и во внутренних делах Белого лагеря?

Для достижения максимальных результатов в реализации намеченных планов совещание вернулось к обсуждению проблем блоками. Два, часто три, трех-четырёхчасовых заседания посвящались всестороннему рассмотрению, с приглашением заинтересованных лиц, конкретного вопроса. Первой для решения совещанию была предложена задача снятия с внутренней торговли всяких ограничений, установленных с начала мировой войны. Особая значимость проблемы была очевидна. Промышленность стояла. Сырьё и топливо практически отсутствовали. Механическое оборудование разрушалось. Мелкая спекуляция разрослась до колоссальных размеров. К этому присоединилась и чрезвычайная развращённость широких масс населения в хозяйственном смысле. Одним печатанием денежных знаков немыслимо было продвинуть промышленность и торговлю, а с ними и всю экономику, вперед по пути возрождения. В то же время существовала вполне реальная опасность резкого скачка цен на предметы первой необходимости в случае провозглашения свободы торговли. Поэтому министр продовольствия Н.С. Зефирин, выступивший с основным докладом, попытался найти компромисс и внес предложение по сохранению регулирующих функций соответствующих министерств в вопросах определения цен и передвижения грузов. Ему возразил представитель совета кооперативных съездов профессор П.П. Маслов (впоследствии видный советский экономист), заметивший, что правительство в настоящий момент не в состоянии нормально регулировать торговлю и промышленность. С последним, хотя и с оговорками, в принципе согласились многие другие участники заседаний. В итоге совещание высказалось в пользу установления свободы торговли. Правительство выпустило необходимый указ. Однако в дальнейшем объявленная свобода торговли фактически привела лишь к отказу от регулирования цен¹⁵.

Другой важной проблемой, обсуждавшейся членами совещания в декабре 1918 г. - феврале 1919 г., стал вопрос положения и функционирования промышленности вообще и уральской промышленности в частности. Не секрет, что заводы и фабрики, оказавшиеся в руках правительства А.В. Колчака, в массе своей были расположены именно на Урале.

В непродолжительное правление большевиков они подверглись практически повальной национализации. К концу мая 1918 г. в крае в ведение государства перешло уже 25 горных округов с 90 заводами (или 85 процентов имевшихся)¹⁶. Но с самого начала было ясно, что, беря предприятия в свои руки, советская власть обрекала промышленность на падение объемов производства и на простой. В новых политических и экономических условиях буржуазные специалисты поддерживать работу предприятий были не в состоянии, да и не хотели. У рабочих же не было пока ни умения, ни опыта. Резко возросли и без того колоссальные расходы на содержание рабочих без оправдания их размеров трудом. Так, по свидетельству большевистских хозяйственных органов за январь-август 1918 г. заводы и фабрики Урала получили более 526 миллионов рублей субсидий. В то же время по заводским книгам (то есть непосредственно на нужды производства) было проведено лишь 234 миллиона рублей. Остальные почти 300 миллионов (огромная сумма по тому времени!) составили непроизводственные, сплошь и рядом бесконтрольные траты на содержание советов, рабочих комитетов, профсоюзов и т.д.¹⁷. За чей счет списать эти расходы казны? Вопрос был не из легких. Именно вокруг него и разгорелись споры на заседаниях совещания, на которых присутствовала представительная делегация с Урала в составе председателя бюро горнопромышленников В.И. Европеуса, главы Уральского промышленного комитета А.Е. Гутта, инженера, ставшего вскоре главным начальником Уральского края С.С. Постникова и других. Определенным итогом обсуждения стало высказывание министра торговли и промышленности Н.Н. Щукина, отметившего, что «никоим образом не подлежит взысканию (с предприятий - **Н.Д.**) та сумма денег, выданная большевиками, которая пошла на непроизводительные расходы»¹⁸. Эта позиция совещания, хотя она и требовала еще своей доработки, позволила конструктивно провести обсуждение таких важных вопросов как денационализация и финансирование предприятий.

Препятствий для денационализации заводов и фабрик было много. Отсутствовала законодательная база. За пределами досягаемости осталось большинство владельцев и членов правлений крупных предприятий. Существовали трудности чисто технического характера. После длительного обсуждения совещание безоговорочно постановило «признать необходимым немедленную передачу предприятий, подвергшихся т.н. национализации, в руки владельцев этих предприятий или их доверенных, фактически управлявших делом до национализации»¹⁹. Однако подходить к решению дел на практике следовало гибко, рассматривая каждый конкретный случай в отдельности. Там, где денационализация могла стать помехой скорейшему налаживанию производства, в интересах армии и государства могло быть сохранено центральное управление. Именно по такому пути пошла экономическое совещание, а за ним и совет министров в феврале 1919 г., когда отказались от возвращения прежним хозяевам стратегически важных в вопросе топливоснабжения железных дорог Черемховских угольных копей, а также некоторых других предприятий²⁰.

Финансирование предприятий совещание предлагало организовать на основе использования частных кредитов или в крайнем случае кредита государственного банка и ссуд государственного казначейства. Причем ссуды и кредиты могли получить лишь те производства, которые готовы были увеличить свою производительность в самый короткий срок. Для

организации процесса рассмотрения заявок и выдачи ссуд предлагалось создать при министерстве финансов особую комиссию. Вскоре предложения совещания поддержал и реализовал совет министров, но проблема финансирования промышленности так и не была решена до конца.

Проблема финансов вообще оставалась сильной головной болью адмирала, правительства, экономического совещания на протяжении всего времени белого правления в восточных районах страны. К ее обсуждению в совещании возвращались неоднократно. Однажды министр путей сообщения Л.А. Устругов в сердцах заявил, что “жизнь идет не по средствам”, и это, как ничто иное, точно характеризовало ситуацию. Даже А.В. Колчак, долго не показывавшийся на заседаниях, в конце января вновь руководил проведением очередного собрания, перенеся его на дневное время и в свои апартаменты. Обсуждался вопрос о положении дел в государственном банке. Все с нетерпением ждали выступления С.Г. Феодосьева, считавшегося неплохим финансистом в его бытность в Петрограде. Адмирал надеялся на веское слово предпринимателей относительно возможных способов сокращения инфляции и оздоровления денежного оборота.

В начале своего выступления С.Г. Феодосьев подчеркнул, что вопрос денежного обращения не раз поднимался уже в совещании и всякий раз речь заходила о притоке денег из-под печатного станка. “Экономическое совещание, конечно, давало себе отчет в том, что постоянно жить при помощи печатного станка нельзя, но, с другой стороны, сознавало, что невозможно начать излечение экономического организма государства, привыкшего к громадным выпускам бумажных денег, с прекращения их выпуска. Такая мера способна окончательно убить экономическую жизнь страны. Напротив того, немедленное снабжение государственного банка достаточным для его операций количеством денежных знаков, даст возможность постепенно наладить правильный товарообмен и призвать к работе почти бездействующий торгово-промышленный аппарат. Между тем никаких в указанном отношении улучшений незаметно. Напротив того, приходится наблюдать все признаки дальнейшего ухудшения, причем печальные последствия недостатка в кассах казенных и банковских учреждений денежных знаков дают себя знать решительно во всех отраслях государственной жизни: и в военной, и в экономической, и в финансовой, и в политической”²¹.

Далее выступавший обрушился на министра финансов И.А. Михайлова. Были упреки в неумении вести дело, в невыполнении взятых ранее обязательств, в умышленном провоцировании населения на антиправительственные выступления. Но по существу все сводилось к одному: печатание денег поставлено плохо. Некоторые из выступавших позднее поддержали выводы С.Г. Феодосьева. Очевидец событий Г.К. Гинс вспоминал: “Министр финансов молчал. Адмирал сидел с потухшим взором. Кажется, он углубился в какие-то безнадежные размышления.

Наконец, министр финансов Михайлов попросил слова. Сначала он предложил одному из своих сотрудников дать справку о последних выпусках денег. Выяснилось, что печатание успешно развивается, и что выпуск мелких купюр уже превышает выпуск крупных. Дальше, другой сотрудник министра выяснил, что утоление денежного голода невыносимо так же, как невыносимо утоление жажды соленую водою. Наконец, сам Михайлов в ироническом тоне стал рассказывать, как он с утра едет в экспедицию, лично осматривает машины, поощряет к работе, приклады-

вает свою руку к машинам и, если чем-либо пачкает руки, то только... типографскою краскою.

Адмирал не дал больше никому говорить. Он довольно резко обрвал заседание и сказал, что, может быть, еще созовет совещание по этому вопросу.

Сражение с министром финансов оказалось проигранным.

На другой день по городу говорили (а в Омске все быстро разносилось), как адмирал делился своими впечатлениями и возмущался, что ему ничего больше не могли сказать, кроме того, что надо пустить в ход станок, как будто он сам этого не знал. И адмирал, говорят, присоединил к этому крепкое слово по адресу торговопромышленников и биржевых комитетов, от которых пользы - как от козла молока²².

Председатель совета съездов торговли и промышленности А.А. Гаврилов на этот выпад Верховного правителя отреагировал быстро. Адмиралу было направлено письмо, в котором доказывалась несправедливость таких обвинений и приводились конкретные примеры самопожертвования и верноподданических чувств торгово-промышленного класса по отношению к власти. "Письмо произвело на адмирала тяжелое впечатление. Холодом повеяло с обеих сторон"²³. В экономическом совещании данного состава А.В. Колчак больше не появлялся. Дни С.Г. Феодосьева на посту председателя были сочтены. К тому же наметился раскол в совете съездов торговли и промышленности.

Между тем, проблема выработки основ экономической политики правительства становилась все актуальнее. Еще осенью 1918 г. министерства получили задание по подготовке программ своей будущей деятельности. К весне в правительство такие проекты были представлены. Их необходимо было обобщить и составить общий план действий в области социально-экономической жизни страны. Экономическое совещание готовилось взять на себя выполнение столь ответственной миссии. Однако по постановлению совета министров от 18 февраля 1919 г. был образован специальный, чисто правительственный, комитет по выработке экономической политики (вскоре переименованный в комитет экономической политики). Возглавил его министр земледелия Н.И. Петров, представитель безоговорочно проколчаковской группировки в правительстве²⁴. Экономическое совещание отодвинулось как бы на второй план. Возникла необходимость в разграничении функций двух органов. К середине апреля эта работа была завершена. Комитет стал основным правительственным органом, объединяющим деятельность всех ведомств по вопросам народного хозяйства и согласующим отдельные мероприятия в этой области. Совещание приняло вид консультативного органа, выражающего общественное мнение по хозяйственно-экономической проблематике²⁵. Состав совещания, рассчитанный для оказания экстренного содействия правительству в решении сиюминутных хозяйственных задач, перестал соответствовать возникшей ситуации. Все отчетливее ощущалась потребность привлечь к участию в заседаниях земскую и городскую общественность, деятелей науки, учебных заведений, представителей казачества и др.

Эта постановка вопроса отвечала настроению самого адмирала, который все чаще подчеркивал, что новая Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности. В феврале, выступая на торжественном заседании екатеринбургской думы, А.В. Колчак говорил:

Министр финансов Российского правительства
адмирала А.В. Колчака И.А. Михайлов.

“Мне приходится встречаться с представителями земств, городов и обществ, и я с глубоким удовлетворением должен установить отсутствие разногласия взглядов моих и правительства, которое я возглавляю, с пожеланиями, что я слышал до сих пор от местных людей. Я должен отметить глубокое значение этого факта, ибо безвозвратно прошло то время, когда власть могла противопоставить себя общественности, как силе ей чуждой и даже враждебной”²⁶.

Заявление А.В. Колчака, поддержанное вскоре новыми победами на пермском и уфимском направлениях, его поездка на фронт и личное обращение к населению прифронтовой полосы вызвали широкий резонанс. 22 марта Верховный правитель принял делегацию блока общественных организаций. Выступивший от имени блока А.А. Балакшин, известный сибирский кооператор, маслодел, в будущем член экономического совещания, в частности заявил, что теперь вполне очевидно - все успехи армии и возрождения государства обусловлены состоянием транспорта, снабжения, продовольствия и внутреннего порядка. Между тем, эти отрасли, как и многие другие, по-прежнему нуждаются в улучшении. При продвижении армии дальше на запад проблема вырастет в масштабах и потребует еще более ответственного решения. Выход может быть найден в широком и постоянном общении власти и общества, улучшении правительственной работы, привлечении общественной мысли и энергии к государственному строительству²⁷. Адмирал обещал подумать о формах возможного сотрудничества. Через несколько дней новым председателем государственного экономического совещания был назначен министр без портфеля, профессор Омского политехнического института Г.К. Гинс²⁸. На него возлагалась работа по переводу совещания из условий “чрезвычайщины” к планомерной деятельности по рассмотрению вопросов финансово-экономического характера. Состав совещания предстояло пополнить представителями общественных организаций, причем центр тяжести перенести на посланцев населения с мест.

Интересно замечание о Г.К. Гинсе видного уральского общественного деятеля, члена ЦК партии кадетов, инженера Л.А. Кроля, впервые увидевшего министра на председательском месте экстренного съезда промышленников Урала, проходившего в Екатеринбурге 10-13 мая. Лев Афанасьевич вспоминал: “Впечатление, произведенное им на меня было таково, что подтверждало слухи о нем, как о человеке, играющем первостепенную роль, но предпочитающем оставаться в тени и предоставлять другим проявлять якобы свою инициативу, а фактически - его. На съезде он проявил большое умение сглаживать углы и большую выдержку - качества, столь необходимые для такой роли”²⁹. Заметим от себя, и для председателя экономического совещания тоже.

Под флагом внесения необходимых изменений в состав и направление деятельности проходили заседания самого экономического совещания. Впервые вопрос был поставлен в середине февраля, когда в повестку дня очередного собрания сибирские кооператоры предложили обсуждение выработанного ими соответствующего проекта. В дальнейшем совещание неоднократно возвращалось к поднятой теме. В конце концов по прошествии месяца на стол Верховного правителя лег окончательный вариант, который и был утвержден 2 мая 1919 г.

Новое положение сохраняло факт создания совещания при Верховном правителе. Совещание по-прежнему являлось органом, освещающим

Министр без портфеля Российского правительства адмирала А.В. Колчака и председатель Государственного экономического совещания Г.К. Гинс.

вопросы экономической политики. Ему давалось право делать правительству представления о необходимых мероприятиях в области финансов, промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, труда и т.п., обсуждать вопросы снабжения армии, рассматривать роспись государственных доходов и расходов (т.е. госбюджет), обсуждать законопроекты общего значения, затрагивающие экономическую проблематику. Каждый разработанный соответствующим ведомством законопроект одновременно с представлением его в совет министров должен был вноситься на обсуждение в экономическое совещание. Однако совет министров был вправе не согласиться с мнением совещания и поступать по-своему.

Главное, что отличало новое положение - это учреждение состава совещания с широким общественным представительством. Кроме особо назначенного председателя, начальника штаба Верховного главнокомандующего и десяти основных министров предусматривалось участие пяти посланцев совета съездов торговли и промышленности (причем трое из них должны были представлять местные организации), пяти делегатов от совета всесибирских кооперативных съездов, четырех - от казачьих самоуправлений, по два - от: профсоюзов, общества сибирских инженеров, сельскохозяйственного общества, совета частных банков. Членство в совещании также получали посланцы Московского народного банка, центрального военно-промышленного комитета, деятели науки и учебных заведений, земских и городских организаций. Большинство членов совещания предстояло избрать внутри организаций. Сложнее обстояло дело с посланниками земств и городов. На первом этапе они должны были представить списки своих кандидатов. В дальнейшем Верховному правителю предстояло выбрать и назначить членов совещания по своему усмотрению, но числом не более двадцати³⁰.

Получив положение о совещании, многие земские и городские управы тяжело восприняли допущенную несправедливость. Некоторые вообще хотели объявить бойкот. Однако вопрос стоял жестко: либо поддержка правительства А.В. Колчака, либо рано или поздно восстановление власти советов. Третьего было не дано. Л.А. Кроль, участвовавший в чрезвычайной сессии Пермского губернского земства и избранный на ней кандидатом в члены совещания, вспоминал: "Горько жаловались крестьяне на порядки Омска, еще большие ужасы рассказывали они про советскую власть. Причем говорили, что своя "беднота" еще хуже, чем комиссары по назначению. Были и безразличные: все равно кто порет"³¹. В конце концов земства сдались. В Омск стали поступать списки кандидатов и членов нового состава экономического совещания. Одновременно с выдвижением своих представителей земские собрания формулировали пожелания в адрес правительства и совещания. Например, упомянутое уже Пермское губернское земское собрание выступило за немедленное принятие правительством мер к созыву в кратчайший срок народного представительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права на территории, освобожденной от большевиков, для законотворческой работы и контроля за деятельностью органов исполнительной власти. Собрание потребовало восстановления доверия к местному самоуправлению и пресечения всякого произвола в отношении местных выборных учреждений, проведения ясной земельной политики, внесения успокоения в крестьянскую и рабочую среду³².

Между тем, совещание первого созыва продолжало рассмотрение экономических проблем. Не дожидаясь результата выборов Г.К. Гинс на

правах председателя расширил состав совещания за счет числа особо приглашенных. В апреле-мае стало в порядке вещей участие в заседаниях доцента Омского политехнического института М.В. Абросимова, Омского городского головы Н.И. Лепко, представителей Омского сельскохозяйственного общества Л.Ф. Радченко и В.А. Федоровского, председателя Акмолинской областной земской управы В.Е. Парунина, председателя Томской губернской земской управы Б.Ф. Тарасова и др. Отдадим должное дару предвидения Г.К. Гинса: почти все из числа приглашенных вошли впоследствии в состав совещания на правах действительных членов.

В середине апреля на повестку дня очередного заседания был поставлен проект министерства финансов о проведении первого этапа денежной реформы - выводе из обращения "керенок" достоинством в 20 и 40 рублей. Сама жизнь настоятельно требовала проведения этой меры. Сибирь была наводнена "керенками" из Советской России, где их производство было доведено до феноменального рубежа в 10 млрд. рублей в месяц. Всего же за семнадцать месяцев, проведенных у власти, большевики напечатали до 90 миллиардов, из них 80 миллиардов "керенок" небольшого достоинства. Доверие к бумажным деньгам быстро падало, это способствовало развитию меновой торговли. Кроме того, низкое качество выпускавшихся купюр влекло массовое изготовление трудно отличимых подделок. Всем этим явлениям надо было положить конец.

С другой стороны, серьезные опасения вызывала возможность оказаться непонятыми населением, особенно прифронтовых областей, где в хождении находились исключительно "керенки", произведенные советской властью. Реформа могла посадить местных жителей на голодный паек и создать почву для антиправительственной агитации и пропаганды. Непростое положение складывалось и на Дальнем Востоке. "Сибирских" денег здесь не хватало, что делало замену "керенок" весьма проблематичной. Краевой рынок был ориентирован на внешнюю торговлю, а доверие к колчаковским денежным знакам почти отсутствовало. Правда, как утверждал недавно прибывший из Лондона бывший товарищ министра торговли в правительстве кн. Львова опытный и весьма образованный И.К. Окулич, именно реформа по замене "керенок" восстановит положение российского рубля на мировой арене и окажет хорошее влияние на политическое состояние страны³³.

Можно было только гадать, как поведет себя в условиях проведения реформы население. Земцы и кооператоры в массе своей молчали. Лишь представители торговопромышленников, А.А. Гаврилов, кн. А.А. Кропоткин и П.П. Набоков, с конкретными фактами в руках доказывали несвоевременность мероприятия. Однако, министр финансов И.А. Михайлов гарантировал, что к моменту начала обмена в его распоряжении будет достаточное количество денежных знаков. К тому же, по утверждению Г.К. Гинса, министр финансов отметил, что "сибирские" деньги подделывать труднее, "так как на них имеются условные знаки" (если бы это соответствовало действительности! На самом деле все обстояло прямо наоборот). Решающим в споре стало утверждение И.А. Михайлова о том, что в пользу проведения обмена высказались командующие армиями, соответствующее распоряжение подписал Верховный правитель. Наконец, голос подали кооператоры. Член правления "Закупсбыта" В.Г. Шишканов и А.А. Балакшин поддержали реформу. В результате голосования все члены экономического совещания, кроме воздержавшихся представителей съез-

да советов торговли и промышленности, выступили в пользу обмена. Над всеми давили недавние фронтовые победы, порождавшие надежду на благоприятное будущее. Реформа задумывалась как раз с перспективами всероссийского масштаба.

На первых порах изъятие “керенок” было с пониманием воспринято различными слоями населения и проходило достаточно успешно. К 1 июля 1919 г. по сведениям министерства финансов в кассу госбанка от частных лиц поступило уже около 960 миллионов рублей изымаемых купюр³⁴. Причем, часто взносы делались с последующим зачислением на текущие счета и, несмотря на свободную выдачу вкладов, оставались невостребованными³⁵. Изъятие “керенок” постепенно очищало рынок от значительной (по размерам) части денежных суррогатов, давало возможность в некоторой степени подавить спекуляцию, выбивало из рук большевиков важное орудие разложения экономики Белого лагеря. Это было лишь первое из череды необходимых мероприятий. В хождении оставалось еще около 125 родов различных денежных знаков³⁶.

К августу общая политика в области денежного обращения подверглась дальнейшей конкретизации. Будущее реформы рисовалось в унификации денежных знаков по всей свободной от советской власти России и замене их кредитными билетами нового образца. На первых порах предполагалось воспользоваться купюрами, заказанными Временным правительством А.Ф. Керенского в Соединенных Штатах Америки.

Но изменение военно-политической обстановки, последовавшее летом-осенью 1919 г.; и прежде всего падение Урала, помешало практической реализации запланированного. Г.К. Гинс вспоминал: “Со всех концов стали раздаваться вопли. На фронте жаловались на то, что солдат утратил “интерес” к победам, потому что захват “керенок”, в качестве военной добычи, перестал давать ему барыш. Внутри страны жаловались промышленники, потому что крестьяне перестали возить товар на ярмарки, не зная, долговечны ли те деньги, которыми им будут платить. Жаловались держатели “керенок”, потому что в кассах не хватало сибирских для обмена на “керенки”, и лица, вносившие казенные платежи или сбережения “керенками”, чтобы сбывать их, получали обратно опять “керенки”. На Дальнем Востоке началось стремительное падение рубля...”

Реформа действительно оказалась губельною, но все-же надо помнить, что губельность ее окончательно определило только ухудшение военных дел. Легкомысленность реформы проистекала все-таки прежде всего из легкомысленной, как оказалось, оценки военных шансов. Этого гражданская власть не могла знать (а когда захотела узнать, то ее жестко одернули, но об этом немного позже - **Н.Д.**).

Закон о “керенках” перейдет в историю. Он будет учить будущие поколения, как надо быть осторожными в денежных делах во время революций и гражданских войн. У нас таких примеров не было³⁷.

Работа совещания первого созыва неумолимо близилась к концу. Во многих организациях в разгаре шли выборы нового состава. Секретарь совещания С.А. Знаменский уже готовил к изданию книгу об истории и первом периоде деятельности экономического органа. Кстати говоря, не обнаруженную нами в библиотеках и архивах до сих пор. Остается не ясно, была ли она вообще издана?

Верховный правитель вновь, как и в начале заседаний, предложил совещанию вернуться к проблеме снабжения армии. Вопрос был доложен

военным министром, подчеркнувшим, что своевременной доставке необходимого снаряжения и продовольствия мешают транспортные трудности. Поэтому не случайно, последние два заседания совещания первого созыва были посвящены обсуждению положения дел на железнодорожном и водном транспорте. С основными докладами выступили товарищи министра путей сообщения А.М. Ларионов и Г.М. Степаненко, их дополнил министр Л.А. Устругов. В очередной раз они продемонстрировали глубокое знание предмета. Но если прежде в выступлениях сквозил элемент обреченности, чаще говорили о продолжающемся развале подвижного состава и в целом всего транспортного хозяйства, то теперь ситуация явно менялась к лучшему. Л.А. Устругов подчеркнул, что предварительные контакты с союзниками по вопросу получения помощи в деле восстановления транспорта увенчались успехом. В марте 1919 г. был образован специальный междусоюзный железнодорожный комитет, в декларации которого отмечалось, что «союзные державы, воодушевленные искренним желанием помочь русскому народу... решили воссоздать и восстановить успешную деятельность транспорта на Китайско-Восточной и Сибирских железных дорогах»³⁸. И хотя выделение денежного аванса в размере 20 миллионов долларов задерживалось, техническая помощь уже стала поступать. С двадцатых чисел апреля, в течение месяца во Владивосток по морю поступило большое количество запасных частей и металлов. Прибыли части для сборки 60 американских паровозов типа «Декапод», что составляло примерно 10 процентов от общего количества запланированных поставок³⁹. Технический совет междусоюзного комитета начал обследование железных дорог на предмет оказания помощи в их эксплуатации. По словам министра, членов технического совета поразило «обилие у нас низшего технического персонала и его большие оклады. А интеллигентный труд оплачивается очень низко. Это ненормально». В то же время рабочие трудятся хорошо. Например, «в массе рабочих Томской железной дороги замечаются прямо самоотверженность и безусловно честное отношение к работе, тем более, что в связи с последними событиями приходится работать в особенно тяжелых условиях»⁴⁰. Л.А. Устругов имел ввиду период, когда в течение семи майских дней работа железнодорожников шла почти впустую, ибо все сделанное днем, ночью разрушалось красными партизанами.

Несмотря на сохранившиеся трудности, деятельность министерства путей сообщения, технического совета и местной железнодорожной администрации стала приносить реальную отдачу. Коммерческая скорость пробега составов на Омской железной дороге составила 15-18 верст в час (при норме мирного времени в 18 верст в час), на Забайкальской - 15-19 (при норме - 22), на Томской - 13-15 верст в час (при норме - 22 версты в час). Простой паровоза в капитальном ремонте, доходивший в середине 1918 г. до 245 дней, в конце мая 1919 г. составил 69 дней (при норме мирного времени 60 дней)⁴¹. Но главным показателем улучшения дел стала возросшая к лету 1919 г. почти на 35 процентов ежедневная пропускная способность всей Транссибирской магистрали⁴².

Однако по-прежнему на железных дорогах процветало взяточничество. Корни его происходили от общей деморализации, невиданного обнищания персонала, всеобщей уравнительности окладов по классам, отсутствия или недостатков системы вознаграждения. Сказывалась также неуверенность в завтрашнем дне, вызывавшая стремление у начальников

участков и контролеров путем пусть даже незаконных действий создать прочный материальный фундамент (если это было вообще возможно) для себя и своей семьи. В одиночку техническое ведомство естественно не могло справиться с этим известным бичом всей русской жизни.

Выступивший одним из последних представитель междусоюзного комитета майор Ф. де Ромер в целом высоко оценил деятельность министерства путей сообщения и заявил, что его страна - Великобритания - "приложит все усилия, знания и опыт к воссозданию единой, мощной России через восстановление правильной деятельности железных дорог и улучшение всего хозяйственно-экономического уклада страны"⁴³. На этом весьма обнадеживающем заявлении, в пятнадцать минут первого уже следующего дня, 29 мая, государственное экономическое совещание первого созыва завершило свои работы. Согласно последовавшему четырем днями ранее указу А.В. Колчака новому составу предстояло собраться для продолжения деятельности в середине июня.

Еще с марта 1919 г. в печати и общественных организациях все громче и настойчивее стали говорить о необходимости создания при Верховном правителе законодательного органа. Особенно усердствовали екатеринбургские "Отечественные ведомости", которые предлагали ликвидировать всеобъемлющий характер деятельности совета министров, сохранив за ним лишь исполнительно-административные функции, а вопросы подготовки новых законов передать специальному органу, составленному по аналогии с прежним Государственным советом из представителей общественности по назначению и министров по должности. Вскоре на стол Верховного правителя лег проект организации законосовещательного органа, разработанный видным омским политиком и публицистом В.А. Жардецким. Рассмотрение проекта с просьбой дать свое заключение адмирал поручил управляющему делами совета министров Г.Г. Тельбергу и Г.К. Гинсу. Последний, считая необходимым привлечь к законодательной работе выборных лиц, в то же время прекрасно понимал, что организовать выборы практически невозможно. Поэтому достичь создания нового государственного органа он предложил постепенно: сначала преобразовать экономическое совещание, затем созвать совещание по вопросам будущего Учредительного собрания, одновременно учредив совет по делам местного управления с широким представительством городов и земств при министерстве внутренних дел. В конечном итоге все учреждения должны были слиться в единый законосовещательный орган с тремя отделами: экономическим, законодательным и административным. Верховный правитель одобрил высказанные предположения. А реформа экономического совещания, становясь первым шагом по пути реализации всего проекта, приобретала таким образом особый вес и звучание.

15 июня 1919 г. в точно назначенный срок совещание возобновило свою деятельность. В этот день состоялось частное собрание, образовавшее первые три комиссии по: организации открытия, выработке наказа, проверке личных полномочий членов экономического совещания. Торжественное открытие совещания было назначено на 19 июня. Оставшиеся до этого события дни члены совещания употребили на согласование позиций и выработку общей канвы речей представителей пяти наметившихся групп: торговпромышленников, кооператоров, земцев, казаков и представителей науки и учебных заведений. Совет министров утвердил текст торжественного обещания. Оно гласило: "Мы, нижепоименованные, обе-

щаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственного экономического совещания по крайнему нашему разумению и силам, памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся”⁴⁴.

Официальное открытие второй сессии проходило в Омском зале судебных установлений. На нем присутствовали все основные министры, избранные члены совещания, особо приглашенные лица. Из Архангельска прибыл представитель Северо-Западного правительства князь И.А. Куракин. Первыми фигурами были представлены дипломатические миссии Великобритании, Франции, США, Чехословакии, Японии и Китая. Интересно, что одним из французских представителей был майор Зиновий Пешков - старший брат Я.М. Свердлова и крестный сын А.М. Горького, взявший при крещении фамилию последнего. К этому времени 35-летний французский офицер уже враждебно относился к революционному движению в России, в котором ранее принимал участие, и успел повоевать с Красной армией рядом с генералом М. Жаненом, командовавшим союзными войсками в Сибири. Председательствовал на заседании сам Верховный правитель.

После отслуженного молебна слово взял А.В. Колчак. Он вкратце напомнил историю и итоги работы первой сессии совещания. Однако, с ростом государственных органов управлять экономикой стало сложнее. Поэтому деятельность и состав совещания должны быть расширены и укреплены. “Для меня всегда было совершенно ясным, - продолжил выступавший, - что привлечение общественных деятелей совершенно неизбежно и, если я останавливался до сих пор от широкого разрешения этого вопроса, то только по мотивам не принципиального, но чисто практического характера. При настоящем положении вещей я постараюсь привлечь к работе совещания представителей от всех тех групп общественности и населения, которые могли бы помочь в области государственной экономики”. В качестве задач первоочередной важности адмирал назвал давно известные и поставленные проблемы снабжения армии и разработки бюджета. Однако, третья задача выдвигалась впервые, и само ее провозглашение говорило о серьезном пересмотре позиций не только в хозяйственной сфере, но и во всей внутренней политике белого лагеря. А.В. Колчак говорил: “Труд рабочего становится все более производительным, несмотря на самые тяжелые условия, в которых он протекает. И главная задача заключается в установлении справедливых норм оплаты этого труда. Одновременно и служащие правительственных учреждений и казенных предприятий должны быть обеспечены так, как этого требует их положение. И я хотел бы, чтобы этот вопрос остановил бы на себе ваше внимание”. Среди других проблем экономики оратор выделил земельный вопрос, в разрешении которого совещание также должно сказать свое веское слово.

В заключение Верховный правитель выразил уверенность в будущей плодотворной совместной работе и указал, что “в ближайшее время предполагается привлечь общественных деятелей для разрешения и других важных государственных вопросов, связанных с выборами в Национальное собрание, подготовкой к разрешению национальных вопросов, возникающих в России, и, наконец, вопросов областного управления”⁴⁵. Таким образом, впервые был обнародован план создания законосовещательного органа путем развития трех структур, из которых реально функционировавшим было лишь экономическое совещание.

Вслед за адмиралом выступили Г.К. Гинс, премьер правительства П.В. Вологодский, представители групп членов совещания. Ораторы понимали: «Компетенция Государственного экономического совещания ограничена, но она обнимает все, что в настоящий момент является самым важным - всю хозяйственную жизнь», поэтому были убеждены, говоря словами представителя земцев В.Е. Парунина, «что все деятели правительства, и деятели земств и городов, и работники на ниве экономической объединятся в работе Государственного экономического совещания, примут необходимое участие в строительстве новой Великой свободной России, с одной мыслью и одним желанием - блага, счастья и величия нашей Родины»⁴⁶.

Итак, совещание возобновило свою деятельность, а члены его продолжали получать назначения и прибывать в Омск в течение всего июля. Для их обустройства в городе было устроено два «общежития», в комнатах которых вдоль стен располагалось восемь кроватей, а посередине стояли узкие столы. И это был отнюдь не худший вариант расселения. По словам бывшего министра труда Самарского Комуча, а впоследствии видного советского дипломата И.М. Майского, посетившего город в конце 1918 г., численность жителей Омска в короткий срок выросла в несколько раз, превысила полумиллионный показатель и продолжала увеличиваться. «Уплотнение достигло невероятной степени: жили по шесть-семь человек в одной комнате, в шалашах и землянках»⁴⁷. Однако, многие члены совещания посчитали такое положение прямым оскорблением патристических чувств общестственности, ее готовности сотрудничать с властями. Одни предпочитали появляться на заседаниях время от времени, другие были редкими гостями, третьи отсутствовали вообще. Проблема кворума нарастала. Если на торжественном открытии присутствовало сорок членов совещания, практически все из назначенных к тому дню, то в дальнейшем из 74 членов на первых пятнадцати пленумах не появилось 24 человека. В этот срок, согласно доклада комиссии личного состава, не пропустили ни одного заседания лишь десять членов. В конце концов, 15 сентября состоялось специальное закрытое заседание, на котором вопрос посещаемости был обсужден применительно к каждому конкретному случаю. Участники заседания пошли на крайние меры: ликвидировали членские полномочия восьми человек, включая бывшего председателя С.Г. Феодосьева; потребовали объяснений о причинах неявки с семи других членов; постановили в дальнейшем давать отпуска только в исключительных случаях; предоставили комиссии личного состава право еженедельно требовать от членов совещания отчета о причинах непосещения ими собраний⁴⁸. Однако, принятые меры не возымели ожидаемого эффекта. В октябре число присутствовавших на заседаниях членов не превысило тридцати семи, а после переезда в Иркутск, на последних пленумах колебалось в пределах двадцати семи - тридцати двух⁴⁹.

Несмотря на проблемы с кворумом, постепенно работа совещания стала приобретать стройность, отсутствовавшую ранее. Все выносимые на пленумы вопросы должны были пройти предварительную проработку и обсуждение в специальных постоянных и временных комиссиях. Первоначально наказом экономического совещания предусматривалось создание лишь четырех комиссий (бюджетной, финансовой, транспортной, по снабжению и продовольствию армии). Однако, уже в первый месяц работ возникла необходимость в учреждении торгово-промышленной, земельной,

санитарной, рабочей и ряда других комиссий. В короткий срок их число выросло до шестнадцати. По составу самой крупной являлась бюджетная комиссия, насчитывавшая 17 человек. Возглавлял ее бывший член Уфимской Директории В.А. Виноградов. Другие комиссии, в основном, насчитывали в своих рядах восемь-девять членов. Если произвести несложные подсчеты, то станет очевидно, что наличного состава совещания, даже при стопроцентной явке, не хватало для участия во всех комиссиях. Действительно, многие члены совещания вынуждены были буквально разрываться между различными заседаниями и обязательной подготовительной работой, одновременно совмещая сразу несколько должностей. Это снижало эффективность и проработанность решаемых дел.

Другим негативным моментом являлась постоянная спешка, имевшая место при рассмотрении присылаемых ведомствами проектов. Нередко, чтобы успеть представить мнение экономического совещания к заседанию совета министров, работу над документами приходилось проделывать в течение трех-четырех дней, причем как в комиссиях, так и в общем собрании. Естественно, что такая торопливость существенно понижала качество экспертной оценки законопроектов.

Тем не менее, деятельность комиссий сыграла огромную роль в работе как экономического совещания, так и правительства. Эти органы были освобождены от необходимости заниматься рутинной и часто безрезультатной работой. Все проекты проходили предварительное изучение сведущими людьми. Многие из них неоднократно возвращались на доработку. В комиссиях шел поиск конкретных путей улучшения хозяйственной ситуации в стране и борьбы со злоупотреблениями и нарушениями нормальной жизни населения. Так, в июле для организации медико-санитарного дела, оказания помощи больным и раненым воинам открылась санитарная комиссия. Осенью для борьбы с развившейся спекуляцией по требованию многих биржевых комитетов была образована специальная комиссия, занявшаяся выработкой проектов постановлений, направленных на устранение негативных явлений в экономике⁵⁰. В комиссиях были проработаны и внесены на пленарные заседания совещания крупные законопроекты финансового характера, об учреждениях призрения, по рабочему вопросу, об открытии новых учебных и научно-исследовательских институтов и др. Некоторые из представленных документов имели несомненную будущность, вне зависимости от их утверждения и реализации в данный момент. Среди них законопроект "О расширении бюджетных прав земств", вполне разработанный в семнадцати заседаниях финансовой комиссии, законопроект "О переходе имущества безвозмездным способом" и некоторые другие.

Несмотря на сложившуюся практику персональных назначений лично Верховным правителем, в экономическое совещание прошло довольно много оппозиционно настроенных к властям членов. Среди них были: А. Букейханов - кадет, член 1-й Государственной думы, председатель правительства Алаш-орды, первый депутат Степного края в Учредительное собрание; А.Н. Алексеевский - эсер, бывший городской голова Благовещенска и председатель временного Амурского правительства, председатель Амурской областной земской управы; В.А. Виноградов - кадет, член 3-й и 4-й Государственных дум, товарищ министра путей сообщения Временного правительства, член Уфимской Директории; Н.А. Вармунд - старый земец, председатель Пермской уездной земской управы, гласный

Пермского губернского земского собрания; Н.П. Огановский - перешедший в 1917 г. от энесов к эсерам, заведующий экономическим бюро Всероссийского центрального союза потребительских обществ; В.С. Панкратов - эсер, старый шлиссельбуржец; А.В. Сазонов - бывший народоволец, председатель совета всесибирских кооперативных съездов; и другие. Хотя представляли они различные политические и общественные силы, в целом оппозиция в экономическом совещании оказалась в численном большинстве. Сначала это дало возможность избрать товарищем председателем В.А. Виноградова, секретарем - А.Н. Алексеевского, а в дальнейшем ставить перед правительством и адмиралом не только (и даже не столько) экономические, но и политические вопросы.

В середине июля оппозиция заявила о себе в полный голос. К этому времени совещание заслушало ряд докладов о положении дел в различных отраслях хозяйства. С заглавным, "Об основных положениях экономической политики правительства", выступил министр земледелия, председатель комитета экономической политики Н.И. Петров. Докладчик заявил, что возглавляемый им комитет будущее России видит в капиталистическом строе, однако, более регулируемом общественной и государственной властью, чем прежде. Поэтому сейчас необходимо наметить общие начала программы, определить собственные задачи ведомств, заложить основы законодательной базы. Полностью выполнена лишь первая часть работы. На ее анализе Н.И. Петров и остановился подробнее. В прениях многие говорили, что доклад настолько схематичен, туманен и пуст, что "нечего собственно и обсуждать"⁵¹.

Вторым выступал министр труда Л.И. Шумиловский. Впервые совещание слушало и вникало в проблемы рабочего вопроса. Докладчик подчеркнул, что в обществе сложилось негативное отношение к рабочим как врагам государственности и демократии, и носителям большевизма. С этой враждебностью приходится считаться. Однако, рабочий вопрос надо решать, несмотря ни на что, хотя бы "по голому государственному расчету". Для этого необходимо поднять производительность труда. Огромное значение в этом плане сыграл и продолжает играть переход на сдельную систему оплаты труда на большинстве производств. Сначала были попытки сорвать нововведение, но вскоре рабочие сами увидели, "что система сдельных расценок не так уж невыгодна, а при иных условиях может быть выгоднее других систем, особенно, если внести в нее некоторые коррективы".

Другим условием решения рабочей проблемы является материальное благополучие трудящихся. Цены на продукты неудержимо растут. Соответственно растет и прожиточный минимум. Заработная плата не всегда успевает за ним. В результате рабочие, особенно среднего и низшего звена, живут на полуголодном и голодном минимуме. Вопрос надо решать не только в согласительных комиссиях, но и путем создания государственных критериев роста заработной платы.

Наконец, всеми силами надо способствовать поднятию психологической самостоятельности рабочих. Законодательными актами здесь не поможешь. Необходимо вызвать здоровые инстинкты рабочих. Особое место при этом должно занять возрожденное профсоюзное движение. Им "с социализмом мы не покончим, и я лично, - подчеркнул Л.И. Шумиловский, - кончать с ним не намерен. Я знаю, что социализм неразрывно связан с существующим общественным укладом, и как бы мы не стара-

Министр земледелия Российского правительства адмирала А.В. Колчака и председатель комитета экономической политики Н.И. Петров.

лись искусственными средствами вытравить его, мы не сможем этого сделать. Социализм будет, и он, может быть, будет использоваться в рамках профессиональной работы, но это нисколько не пугает и не должно пугать государство и общественные круги. Нужно постараться только сделать так, чтобы этот социализм был социализмом цивилизованным и чтобы социалисты не представляли ту банду, торжественное прохождение которой через Россию мы только что наблюдали". Надо дать рабочему классу спокойную уверенность, по крайней мере, в ближайшем будущем, и кое-что в этом направлении уже сделано⁵².

Доклад министра встретил сочувствие. Член совещания Л.А. Кроль предложил дать развернутую публикацию его в печати. Он заявил, что "недавно на земском собрании (Пермской губернии - **Н.Д.**) обсуждалась политика правительства вообще и, если в других областях управления указывалось на многие дефекты, то ни одного голоса не раздалось против политики министерства труда". Заметим, что значительное большинство в этом собрании составляли крестьяне и представители рабочих с окрестных заводов. Л.А. Кроль предложил одобрить деятельность министерства. Разгорелся небольшой спор на предмет: может ли совещание вообще одобрять или осуждать мероприятия правительственных органов, но в конце концов была принята положительная резолюция⁵³.

Наступила середина июля. И как снег на голову обрушилось сообщение о сдаче Екатеринбурга. Подробности эвакуации были ужасны. Еще за два дня до ее объявления вышел приказ коменданта местного гарнизона, грозивший военно-полевым судом за слухи о предстоящих событиях. Было заявлено, что никакой опасности не существует. Эвакуация протекала стремительно и неожиданно, царил невиданный беспорядок. Крупные запасы военного и заводского имущества остались невывезенными. Среди них была литография Судакова, в которой печаталось до 70 процентов "сибирских" денег. С рядовыми жителями при эвакуации вообще не церемонились, отбирая лошадей, подводы, припасы.

Члены экономического совещания были в шоке. Как же так, ведь совсем недавно, 10 июля, они спокойно и по-деловому обсуждали вопрос о строительстве на озере Таватуй, вблизи Екатеринбурга, порохового завода морского министерства. Срочно было решено: провести два экстренных закрытых заседания общего собрания совещания, заслушать и обсудить на них доклад генерал-майора А.И. Андогского (бывшего начальника академии Генерального штаба) о положении дел на фронте. Председатель совещания Г.К. Гинс и раньше планировал рассмотрение этого вопроса (без относительно ситуации под Екатеринбургом), но подходил к нему осторожно, предполагая поставить на частное заседание группы членов. Но Г.К. Гинс был в отъезде, а его товарищ В.А. Виноградов рассудил иначе.

Доклад состоялся. Был окрашен в печальные тона: армия раздета, разута, в плохом настроении. Последовали многочисленные вопросы. Среди них - А.Н. Алексеевского - по поводу возможности отступления за Tobol. Генерал отвечал умело, обходя закрытые для обсуждения темы. Тем не менее, противники экономического совещания и "конституционных идей" быстро доложили Верховному правителю, что А.И. Андогский не имел права выступать без разрешения свыше, а члены совещания обсуждать общее политическое положение в стране. А.В. Колчак был возмущен, кричал, стуча кулаком: "разогнать!", а при последовавшей вскоре с возвратившимся Г.К. Гинсом встрече заявил: "Мне не нужны больше ваши

Министр труда Российского правительства
адмирала А.В. Колчака Л.И. Шумиловский.

доклады о Государственном Экономическом Совещании: этот совдеп я решил распустить”⁵⁴. С огромным трудом адмирала удалось успокоить и добиться его согласия принять делегацию от совещания для беседы по политическим вопросам.

Вскоре такая встреча состоялась. Члены совещания представили Верховному правителю докладную записку. В ней говорилось: “По истечении года освободительной войны, после бесчисленных подвигов и жертв со стороны нашей армии, в которую население освобожденной России послало своих сынов, раскрепощенный Урал снова отдан врагам Отечества и государство вернулось к границам первых дней изгнания большевиков. Не исключена возможность дальнейшего отступления армии. За неуспехами военными следует рост внутреннего брожения, питаемый неустройством народной жизни. Неокрепшему государству снова грозит мрак разложения.

В такое время мы, члены Государственного Экономического Совещания (а подписали документ 19 человек - представителей оппозиции - **Н.Д.**), как граждане, призванные волею Верховного правителя и избранные от различных групп населения для участия в деле созидания государства, почитаем долгом совести сказать, какие меры, по нашему убеждению могут помочь Отечеству противостоять разложению”. Далее в записке шла жесткая критика совета министров, вся деятельность которого “не подчинена какой-нибудь определенной программе. Она случайна и зависит часто от скрытых безответственных влияний”.

“Разросшийся аппарат центральных учреждений не имеет живой связи со своими представителями на местах. Это приводит к усмотрению отдельных агентов власти, разрешающих вопросы в меру своего личного понимания задач управления государством.

Несогласованность действий между всеми ведомствами нарушает планомерную работу; военные власти вмешиваются в область гражданского управления, нарушая закон и элементарные права народа. Телесные наказания применяются столь широко, что население начинает выражать сомнение в преимуществах власти Временного Российского правительства перед властью большевиков”.

“В итоге разобщенность и трения между ведомствами, неприспособленность к практической работе все чаще приводит к противоречиям между заявленными властью демократическими принципами и действительностью, и население начинает терять веру в серьезность обещаний власти и намерений эти обещания выполнять.

Этот характер деятельности правительства не следует рассматривать, как проявление чьей-либо злой воли: он есть следствие слабости власти и оторванности ее от населения. Правительство должно быть усилено”.

В заключительной части записки члены совещания призвали: довести борьбу с большевизмом до полного его поражения; строго проводить в жизнь законность и правопорядок; обеспечить невмешательство военных властей в дела гражданского управления; создать Учредительное народное собрание на основе всеобщего избирательного права после освобождения всей страны; срочно создать “солидарный совет министров” на определенной демократической программе и взамен Государственного экономического совещания учредить Государственное совещание - законосовещательный орган по всем вопросам законодательного и госу-

дарственного управления с правами законодательной инициативы, рассмотрения бюджета, контроля над деятельностью ведомств и т.д.⁵⁵.

А.В. Колчак выслушал пожелания, помолчал и спросил: “Господа! Что же тут нового?” Как вспоминал Л.А. Кроль, судя по всему “адмирал плохо понимал, чего, собственно говоря, мы от него хотим. Он объяснял все неурядицы тем, что людей нет вообще, а честных - в особенности. Удовлетворило адмирала элементарное объяснение Н.А. Вармунда, что представительный орган, главным образом, нужен для того, чтобы население могло жаловаться через депутатов на акты произвола на местах”⁵⁶. Это было действительно важно, и А.В. Колчак с высказанным предложением согласился. Прием закончился без разногласий. Учреждение законсовещательного органа было обещано. Возникал, однако, вопрос, где в перспективе предстояло решать чисто экономические проблемы?. Ведь было вполне очевидно, что преобразованному совещанию будет уже не до них. Но все это было делом будущего.

А пока Омск посетил американский посол Моррис, и совет министров во что бы то ни стало пытался создать у него благоприятное впечатление о существующем порядке. В ходе беседы с Верховным правителем и главами ведомств посол подчеркнул, что по мнению американской стороны “главные затруднения правительства заключены в экономике, а не в военных неудачах. Никакое другое правительство не справится с задачами, пока не будет разрешен экономический вопрос”⁵⁷.

Прислушиваясь к высказываниям иностранных гостей и ожидая грядущих перемен, совещание продолжало свою деятельность и доброжелательно рассматривало все новые и новые законопроекты, вносимые различными ведомствами. Неоднократно оно возвращалось к финансовой проблеме. Были обсуждены и направлены в совет министров законопроекты об установлении временного военного налога с билетов на публичные зрелища и увеселения; с вещей, продаваемых с аукционов и в комиссионных магазинах; с объявлений коммерческого характера; об увеличении размера взимаемых корабельных и попудных сборов в торговых портах; и др. Но все эти меры не могли принести кардинального улучшения в области финансов. Поэтому чаще всего совещание вынуждено было обращаться к изучению вопроса о возможности дополнительного выпуска краткосрочных обязательств Государственного казначейства. Министерство финансов, мотивируя необходимость этой операции, указывало на постоянное превышение обыкновенных государственных расходов над доходами, которое к августу 1919 г. составило внушительную сумму в 6,5 млрд. рублей, а до конца года обещало вырасти еще на 5-5,5 млрд. рублей. Кроме того, большие средства уходили из казны на реализацию уже принятого закона об изъятии “кереенок” 20-ти и 40-рублевого достоинства, а также местных и краевых денежных знаков.

Обсуждение финансового вопроса обычно проходило достаточно бурно. Проблема интересовала и задевала за живое всех: от министра до рядового обывателя. Часто выступал член совещания, доцент кафедры политической экономии Омского политехнического института М.В. Абрисимов. На одном из собраний он отметил, что “на деле выпуск бумажных денег в России уже давно не заем, а налог на финансовый, точнее, денежный капитал”, и выпускаемая очередной миллиард, власть способствует деградации всех уже действующих. Таким образом, “мы находимся в полосе, когда можно утверждать, что при прочих разных условиях новый выпуск

бумажных денег будет оказывать влияние на процесс обесценивания не в пропорции увеличения количества денег, а в гораздо большей пропорции; но раз так, то наступит время, и оно уже близко, когда печатание бумажных денег не даст нужных средств государству и тогда, не сумев заранее привлечь и использовать других источников финансирования для начала, хотя бы в субсидарной форме, мы окажемся на мели. И несмотря на успехи на фронте, мы можем оказаться побежденными изнутри"⁵⁸. Это предостережение было сделано 11 августа, когда положение белого лагеря не выглядело безысходным, но фраза оказалась пророческой. Печатный станок продолжал работать на полную мощь (из Америки даже поступили еще 13 специальных машин), а правительство не решалось на какие-либо другие реальные меры, указывая на их ненадежность и длительность осуществления. Среди отвергнутых способов оздоровления ситуации оказался и "золотой заем", предложенный тем же М.В. Абросимовым и поддержанный многими опытными финансистами. В результате уже через неделю, на заседании совещания 18 августа, дефицит бюджета рисовался теми же представителями министерства финансов в размере не 11, а 15-18 млрд. рублей?! Говоря словами члена совещания А.М. Мелких, "это дефицит, за который будет расплачиваться наше потомство. Это уничтожение государства, уничтожение смысла его существования"⁵⁹.

Одной из задач, поставленных Верховным правителем перед второй сессией совещания, было установление "справедливых норм оплаты труда" рабочих и служащих. Выше мы говорили о том внимании, с которым отнеслось совещание к докладу министра труда Л.И. Шумиловского, и о последовавшем одобрении усилий, предпринимавшихся вверенным ему ведомством по стабилизации материального и социального положения трудящихся. Однако, в связи с растущей дороговизной проблема продолжала обостряться и вызывала пристальное внимание со стороны официальных лиц и общественности. Причем, если рабочие в основном были переведены на сдельную оплату труда, то служащие по-прежнему оставались на жаловании, определенном должностным классом. Министерство финансов и правительство с лета 1918 г. четыре раза меняли должностные ставки, но это не меняло ситуацию в корне. Оклады продолжали оставаться на редкость маленькими, даже министр получал в месяц 2,5 тысячи "сибирских" в то время как прожиточный минимум, определенный министерством внутренних дел на середину августа 1919 г., составлял на одного взрослого человека 710 рублей. "А что остается в этом случае служащему, у которого оклад в два прожиточных минимума, а семья три-четыре человека?" - вопрошал член совещания, в скором времени министр внутренних дел и заместитель премьер-министра А.А. Червен-Водали⁶⁰. Особые трудности испытывало офицерство и железнодорожные служащие. Первые, также получая жалование по классам, не имели возможности содержать свои семьи в тылу и вынуждены были размещать их при себе в прифронтовой полосе. Все близлежащие станции оказывались забиты поездами, в которых жили офицерские семьи. Железнодорожные служащие, испытывая постоянный, ставший уже хроническим, недостаток средств стали выражать свое недовольство открыто, требуя пересмотра сложившейся практики оплаты труда. Недовольство последних грозило серьезными потерями на железнодорожных коммуникациях и могло привести к общему поражению. Это прекрасно понимали все.

Ярко описал бедствия служащих в особой записке, поданной адмиралу, член совещания В.А. Жардецкий. Он предлагал вернуться к дореволюционным штатам и выдавать жалование “сибирскими” деньгами, применительно к курсовой стоимости золота. Но восстановление старых штатов в принципиально иной ситуации было немислимо, и предложение не получило поддержки.

Вскоре свои разработки представило министерство путей сообщения. В его недрах, усилиями одного из служащих, математика по специальности Виноградова была выработана специальная алгебраическая формула исчисления заработной платы служащего. В ней к основному содержанию в размере оклада 1916 г. присоединялась прибавка, определяемая в зависимости от прожиточного минимума в каждом отдельном районе и помноженная на особый классовый коэффициент. Причем, если до мировой войны грация между соседними классами составляла половину прожиточного минимума, то теперь она понижалась до одного процента. В перспективе формула позволяла так построить систему оплаты труда, что при дальнейшем падении ценности рубля разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного работника уменьшалась, а при улучшении курса - увеличивалась и в самом благоприятном случае могла достичь дореволюционного соотношения. Предусматривалась выплата дополнительного вознаграждения за несение обязанностей, непосредственно не связанных с занимаемой должностью; за работу, связанную с постоянными разъездами; за работу в прифронтовой полосе; и т.п. В этом случае все расчеты также предстояло осуществлять на основе особой формулы⁶¹.

Предложение было рассмотрено в финансовой и бюджетной комиссиях, получило их одобрение и поддержку, после чего было вынесено на пленарное заседание. Всю вторую половину августа 1919 г., собираясь несколько раз, совещание посвятило обсуждению и решению поднятой проблемы. Прения проходили бурно и в общей сложности длились более 15 часов. Еще ни один вопрос не занимал в совещании столько пленарного времени. Все члены совещания прекрасно понимали, что принятие формулы повлечет за собой новые крупные прорехи в и без того дырявом бюджете, но не учитывать политической и социальной подоплеку вопроса они просто не имели права. Как подчеркнул М.В. Абросимов, “нам нужно не мистически подчиняться внутренней закономерности формулы, а внести для служащих всех ступеней служебной лестницы такие решения в смысле установления абсолютных размеров реального вознаграждения, которые отвечали бы этическим и политическим требованиям и находились бы в соответствии с учетом нашего реального народного дохода и бюджета государства”. Ему вторил один из авторов проекта, министр путей сообщения Л.А. Устругов: “Теперь позвольте мне закончить слова тем, что мне, как двадцать лет живущему рядом с рабочими, количество которых на одной только дороге определяется в сорок тысяч, представляется, что здесь вопрос не только в количестве бумажек, которые придется вынуть из казначейства. Здесь надо учесть все то, что происходит сейчас в стране, что представляет из себя та масса, которая сейчас, как на нее, может быть, в некоторых случаях, ни кивают, но которая, по крайней мере в Сибири, проявила себя, как масса во всей совокупности борющаяся и идущая против большевиков. Я позволю себе утверждать это в отношении железнодорожных служащих, не беря отдельных групп, которые перехо-

дят при захвате к большевикам... Нет. Всего деньгами не учтете. Если принимать во внимание законы политической экономии, то я позволю себе спросить: а что ответит вам политическая экономия, когда для нас не будет места для существования, по крайней мере, в России. Я думаю, что расходы, которые государство понесет при этом, не будут учтены никакой формулой, но будут куда больше, чем 181 миллион (сумма ежемесячных дополнительных расходов казны в случае принятия формулы - **Н.Д.**). Надо решать, принять хотя бы плохую систему, а не жить случайными пособиями, при которых вы приведете государство к такому положению, что вся страна не будет существовать или будет нести расходы в десять раз большие"⁶².

Активно выступавших против почти не было. Лишь торговопромышленники (от имени которых неоднократно выступал А.А. Гаврилов) настаивали на несвоевременности введения системы оплаты труда и на непомерности требований рабочих и служащих. Общий развал экономики может быть погашен "только единственным путем - нужно перетянуть желудок покрепче веревкой: есть не столько, сколько нужно, а значительно меньше. Я вижу тут улыбки, но может быть пройдут десятилетия и вы вспомните об этом" - заявил А.А. Гаврилов⁶³.

В конце концов формула все же была принята совещанием и на следующий день, 26 августа, получила одобрение совета министров. Л.А. Устругов оперативно сообщил о принятом решении по железным дорогам, что вызвало успокоение среди железнодорожников. Не хватало лишь подписи А.В. Колчака. Но тут торговопромышленникам удалось взять реванш. Под их давлением адмирал неожиданно и к крайнему огорчению многих, прежде всего министра путей сообщения, отказал в принятии закона. Позднее Л.А. Кроль, выступавший основным докладчиком по вопросу, писал: "Своекорыстию промышленников был принесен в жертву закон, не только соответствующий социальной справедливости, но и имевший огромную политическую ценность"⁶⁴.

Среди других проблем социально-экономического характера совещание не раз возвращалось к обсуждению вопроса призрения страждущих. Потеря Урала летом 1919 г. привела к мощной волне беженцев. По данным регистрационных бюро министерства внутренних дел, численность их превысила 100 тысяч человек. Неофициальное число ушедших от большевиков было намного выше. Перед различными органами власти встала задача размещения, трудоустройства, оказания материальной помощи беженцам. Не осталось в стороне при решении вопроса и экономическое совещание. Периодически на пленарных заседаниях оно принимало соответствующие законопроекты. Кроме того, совещание рассмотрело проект организации центральных и местных учреждений призрения, законы: о государственном призрении семей служащих, убитых в борьбе с большевиками, а также служащих, утративших трудоспособность в связи с гражданской войной; о денежном довольствии военнослужащих, возвратившихся из плена; об удовлетворении денежным пособием эвакуировавшихся по военным обстоятельствам служащих земских и городских самоуправлений; и др. Неоднократно совещание обсуждало проблему санитарного состояния фронта и тыла, образовав из своих рядов специальную комиссию и приняв ряд положений об устройстве армейской и промышленной санитарных инспекций.

Не могло совещание, в состав которого входило немало действительно образованных и интеллигентных людей, обойти стороной вопрос

народного просвещения и образования. В июле - начале августа в повестке дня совещания несколько раз стояли вопросы об открытии в Омске института сельского хозяйства и промышленности, в Томске института исследования Сибири, во Владивостоке политехнического института. Были образованы соответствующие комиссии, которые выработали и представили совещанию примерные штаты и положения об этих учреждениях. В сентябре совещание поддержало законопроект министерства торговли и промышленности о предоставлении некоторых дополнительных прав и денежных субсидий Владивостокскому институту. В его распоряжение передавались казармы, расположенные на острове Русском. Даже в конце октября, когда положение на фронте резко ухудшилось и оставалось всего три дня до последовавшей эвакуации "белой столицы", участники очередного пленарного заседания занимались решением вопросов имущества Омского и образования специального фонда Владивостокского институтов⁶⁵. Трагедия состояла, однако, в том, что все эти законы, как и законы по вопросам призрения и санитарии, писались по сути дела впустую. Финансовая сторона их ни совещанием, ни советом министров глубоко не изучалась. В результате обещания давались не по средствам. В этом была не вина, а, скорее, беда совещания.

И вновь обратимся к воспоминаниям председателя совещания Г.К. Гинса. Он пишет: "После июльского приема члены Государственного экономического совещания решили приступить к разработке положения о Государственном совещании, не дожидаясь инициативы совета министров. Во второй половине августа проект был готов, и опять была избрана делегация к Верховному правителю.

Проект в общих чертах казался мне приемлемым, и я готов был оказать содействие приему делегации.

Но, когда чиновник, заведывавший приемами, докладывал о делегации экономического совещания, у адмирала был как раз один видный генерал, который имел превратное представление о деятельности совещания. Он сказал: "Этих господ следовало бы не принимать, а повесить". В приеме делегации было отказано, и, когда я подымал о ней вопрос, адмирал терял самообладание и буквально кричал, что, когда армия разбита, его интересует белье, а не парламенты. Передавать такие интимные подробности я не мог, не только, как мобилизованный, но и потому, что адмирал никаких отставок во время неудач не принимал. Оставалось принять вину на себя.

Экономическое совещание неосновательно заподозрило меня в противодействии приему делегации. Отношения наши стали портиться.

Между тем, Верховного правителя кто-то систематически настраивал против совещания. Адмирал считал все частные совещания заговорами. Он знал о них большие подробности, чем я, и особенно не любил Кроля, которого считал лидером оппозиции. Большого труда стоило мне убедить адмирала, что никакого заговора нет, что поругивают в совещании правительство в той мере, как оно этого заслуживает, что Кроль вовсе не опасный человек"⁶⁶.

Наконец, А.В. Колчак сменил гнев на милость и при поддержке генералов М.К. Дитерихса (бывшего тогда командующего Восточным фронтом и военным министром) и А.И. Дутова подписал Грамоту о созыве Государственного земского совещания. 8 ноября был издан новый указ, утвердивший положение об этом органе и порядок выборов в него. Выборы

предполагалось провести в срок до 1 января 1920 г. С момента открытия земского совещания экономическое совещание должно было считаться упраздненным и все незавершенные дела передать новому органу⁶⁷.

Между тем, к моменту выхода последнего указа экономическое совещание уже более недели находилось в "вынужденном отпуске". 30 октября состоялось его заседание, на котором Г.К. Гинс зачитал решение Верховного правителя о перерыве в деятельности совещания и необходимости переезда в Иркутск. Адмирал считал, что основной план работ этот орган уже выполнил. А плодотворному решению новых проблем мешала сложившаяся обстановка в Омске, который оказался в зоне фронтовых действий и был превращен в военный лагерь. Заслушав указ, члены совещания выразили "полную готовность, по первому призыву, вновь приступить к работе по содействию правительству в его тяжких трудах" и постановили направить к Верховному правителю делегацию с целью изложения принятой резолюции⁶⁸. Прием прошел благополучно, после чего начался переезд на восток.

Прибытие в новую столицу было нерадостным. В Забайкалье атаман Г.М. Семенов мешал эвакуации ценностей, задерживал военные и продовольственные грузы, следующие с Дальнего Востока. Во Владивостоке назревал мятеж чехословаков, который не заставил себя долго ждать. Наконец, в самом Иркутске тоже было не все благополучно. Перед приходом правительства здесь был раскрыт заговор и произведен ряд арестов. Город питался привозным продовольствием, которое доставлялось с большими задержками. Дороговизна росла с каждым днем. В довершение разразился правительственный кризис, принесший существенные министерские перестановки.

В новой ситуации экономическое совещание должно было заняться решением, прежде всего, текущих неотложных хозяйственных задач в области финансов, транспорта, топлива, санитарии, снабжения армии. Правительству в одиночку с ними было не справиться. Понимая это Верховный правитель своим указом возобновил деятельность совещания с 8 декабря 1919 г. Новым местом дислокации последнего стало здание Иркутского филиала Русско-Азиатского банка. Однако в нем состоялось лишь три пленарных заседания, на которых чаще можно было услышать политические заявления, чем выступления по конкретным экономическим проблемам. На 22 декабря было назначено очередное, четвертое в Иркутске и восьмидесятое в общей сложности пленарное заседание. Но оно не состоялось, так как днем раньше на другой от города стороне Ангары, в Черемхово началось антиправительственное выступление эсеровского Политцентра. Деятельность правительства и экономического совещания оказались парализованы. Надо было спасать остатки "Белой государственности".

Как же оценить деятельность Государственного экономического совещания? Хотя в отечественной историографии проблема практически не получила своего освещения (даже в фундаментальных трудах по истории гражданской войны и энциклопедии "Гражданская война и военная интервенция в СССР"), некоторыми нашими предшественниками все же предпринимались попытки сделать это. Дальше всех пошел известный исто-

рик Г.З. Иоффе, который в монографии “Колчаковская авантюра и ее крах”, изданный в 1983 году, позволил себе уделить несколько страниц истории совещания. Но и он не сумел (а может быть тогда и не мог) преодолеть сложившийся стереотип при характеристике всех мероприятий белогвардейских органов власти. Подводя черту, историк резюмировал: “совещание” (именно так, беря в кавычки само название этого органа - **Н.Д.**) представляло собой пустую говорильню, никакого реального значения не имело”⁶⁹. Однако справедливо ли такое суждение? Хотелось бы, чтобы, ознакомившись с представленным материалом, читатель сам составил собственное мнение и чтобы опыт прошлого послужил будущему. Считаем, солидаризируясь в этом с французским историком М. Ферро, что историк - не судья, он ставит диагноз определенной ситуации, констатирует действия и мнения людей, принимавших участие в событиях. И, главное, он должен точно определить, что говорил и делал каждый исторический деятель. Он не должен ничего скрывать...”⁷⁰. На этом высказывании и хотелось бы поставить точку.

¹ См.: Сибирский вестник (Омск). - 1918. -17 сент.

² См.: ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф.1952р. Оп.1. Д.37. Л.1.

³ См.: Торгово-промышленный вестник (Омск). - 1919. - 24 февр.

⁴ Подсчитано по: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.190. Оп.1. Д.17. Л.10; Ф.199. Оп.11. Д.58. Л.18-20.

⁵ ГАРФ. Ф.197. Оп.5. Д.43. Л.9.

⁶ См.: Правительственный вестник (Омск). - 1918. -28 нояб.; Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 24 февр.

⁷ См.: Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак (Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг.). -Пекин, 1921. -Т.2. -С.22.

⁸ См.: ГАРФ. Ф.199. Оп.2. Д.18. Л.36; Ф.190. Оп.2. Д.26. Л.1; Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.23 и др.

⁹ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.1. Л.5.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.6. Л.8; Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 1 апр.

¹¹ См.: Торгово-промышленный вестник. - 1919. -1 апр.

¹² Там же.

¹³ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.7. Л.2-3 и др.; Ф.199. Оп.2. Д.18. Л.34; Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.23.

¹⁴ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.7. Л.8.

¹⁵ По этому и другим вопросам практического решения проблем экономики см.: Д м и т р и е в Н.И. Экономическая политика правительства адмирала А.В. Колчака и ее реализация // Сибирь в период гражданской войны. - Кемерово, 1995. - С.18-52.

¹⁶ См.: Национализация промышленности на Урале. - Свердловск, 1958. -С.159,287.

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.10. Л.3; Национализация промышленности на Урале. -С.284.

¹⁸ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.10. Л.3.

¹⁹ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.10. Л.56.

- ²⁰ См.: Правительственный вестник. - 1919. - 1 апр.; ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.28. Л.3,20-27.
- ²¹ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.27. Л.3.
- ²² Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.120.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: ГАРФ. Ф.199. Оп.5. Д.75. Л.15-17; Оп.8. Д.127а. Л.17-19,21-25; Правительственный вестник. - 1919. - 9 апр.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.199. Оп.2. Д.10. Л.33-35.
- ²⁶ Цит. по: Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.125-126.
- ²⁷ См.: Там же. -С.132-133.
- ²⁸ Правительственный вестник. - 1919. - 12 апр.
- ²⁹ К р о л ь Л.А. За три года. - Владивосток, 1921. -С.172.
- ³⁰ См.: ГАРФ. Ф.176. Оп.4. Д.27. Л.4-6; Ф.199. Оп.2. Д.18. Л.36-37.
- ³¹ К р о л ь Л.А. За три года. -С.173.
- ³² Там же. -С.173-175.
- ³³ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.35. Л.9-14.
- ³⁴ См.: ГАРФ. Ф.197. Оп.2. Д.6. Л.21; Сибирская речь (Омск). - 1919. - 6 авг.
- ³⁵ См.: ГАРФ. Ф.197. Оп.5. Д.43. Л.11-12; Правительственный вестник. - 1919. - 28 мая.
- ³⁶ См.: Сибирская речь. - 1919. - 8 мая.
- ³⁷ Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -С.163.
- ³⁸ ГАРФ. Ф.157. Оп.1. Д.1. Л.12; Ф.176. Оп.1. Д.60. Л.12.
- ³⁹ См.: ГАРФ. Ф.157. Оп.1. Д.3. Л.1; Ф.190. Оп.1. Д.40. Л.7; Ф.3508. Оп.1. Д.32. Л.5-6.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.40. Л.8.
- ⁴¹ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.41. Л.4.
- ⁴² Подсчитано по: Вестник Томской губернии (Томск). - 1919. - 18 июня; Вестник Маньчжурии (Харбин). - 1919. - 8 июля.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.41. Л.6.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.190. Оп.2. Д.2а. Л.236.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.43. Л.4-5.
- ⁴⁶ Цит. по: Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.231.
- ⁴⁷ М а й с к и й И.М. Демократическая контрреволюция. -М.-Пг., 1923. -С.301.
- ⁴⁸ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.65. Л.10,82-83.
- ⁴⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.70. Л.5; Д.74. Л.1; Д.76. Л.1; Д.79. Л.1; и др.
- ⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.6. Д.18. Л.1,3,16; Ф.197. Оп.1. Д.241. Л.69-73.
- ⁵¹ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.44. Л.55-66; Д.45. Л.19-26.
- ⁵² ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.45. Л.27-34.
- ⁵³ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.48. Л.3,21-25; К р о л ь Л.А. За три года. -С.178.
- ⁵⁴ Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.250.
- ⁵⁵ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.5. Д.2. Л.1-1а.
- ⁵⁶ К р о л ь Л.А. За три года. -С.183.
- ⁵⁷ См.: ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф.1200р. Оп.1. Д.2. Л.112-113.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.56. Л.15-16.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.57. Л.25-26,33-34.
- ⁶⁰ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.57. Л.29.
- ⁶¹ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.59. Л.2-5.
- ⁶² ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.58. Л.15,26-27.
- ⁶³ Там же. Л.32-33.
- ⁶⁴ К р о л ь Л.А. За три года. -С.187.
- ⁶⁵ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.48. Л.3; Д.56. Л.3; Д.63. Л.95; Д.75. Л.19-21; и др.
- ⁶⁶ Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Т.2. -С.292.

⁶⁷ См.: ГАНО. Ф.144д. Оп.1. Д.20. Л.26-35; Правительственный вестник. - 1919. 17 сент., 9 нояб.

⁶⁸ См.: ГАРФ. Ф.190. Оп.1. Д.76. Л.4-5.

⁶⁹ И о ф ф е Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -М.,1983. -С.229.

⁷⁰ Ф е р о М. Николай II. -М.,1991. -С.5.

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

**БЮРО ПО ДЕЛАМ
РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
В МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ
(возникновение, структура, роль в судьбе
российской эмиграции)**

19 сентября 1931 г. произошел крутой поворот в судьбе российских эмигрантов в Маньчжурии. Грубо нарушив Вашингтонский договор девяти держав от 6.11.1922 г., пакт Бриана-Келлога и Устав Лиги Наций, Япония начала оккупацию Маньчжурии. Международная общественность в лице Лиги Наций оказалась неспособной остановить агрессора. 1 марта 1932 г. японские власти опубликовали декларацию, объявляющую о разрыве отношений между Маньчжурией и Китаем и создании “независимого” государства Маньчжоу-Го. Во главе государства был поставлен последний представитель Цинской династии Пу И. 1 марта 1934 г. марионеточное государство было провозглашено империей и стало называться Маньчжоу-Ди-Го.

Оккупация Маньчжурии и создание на ее территории марионеточного государства явились началом реализации японской геополитики, в основу которой был положен принцип Ван-Дао (“Императорский путь”). Суть принципа Ван-Дао заключалась в провозглашении Японии “первым государством на земле”, а японцев - “единственной божественной нацией на земле”¹. Согласно этому принципу, японцам было “предопределено” господствовать над всеми остальными народами.

В осуществлении своей колониальной политики в Маньчжурии японские власти, в известной степени, делали ставку на эмигрантское население этой страны, более всего страдавшее от произвола прежних китайских властей. Обещая эмигрантам обеспечение их прав, оккупационные власти рассчитывали иметь в их лице союзника для реализации своих планов. Особый интерес для оккупантов представляла российская колония, насчитывавшая к началу 30-х годов ок. 110000 человек, из которых ок. 60000 были эмигрантами². Учитывая антисоветские настроения эмиграции, японские власти рассчитывали использовать ее для борьбы с СССР. Не уставая повторять, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на ее территории, оккупационные власти высказывали о своем сочувствии к русским эмигрантам, покинувшим Родину из-за непримиримости к коммунизму. Обещая облегчить условия их жизни, японское командование, однако, дало понять, что это не дает повода русской эмиграции считать Японию “источником политических благ эмиграции”, и ее “открытым пособником и союзником”, так как “от идеологических симпатий до практических мер расстояние огромно”³.

Политическая жизнь российской эмиграции в Маньчжурии отличалась невероятной пестротой. На территории этой страны скопилось множество антисоветских политических и военизированных организаций, включая активно действовавшие партизанские отряды, выполнявшие диверсионно-подрывную работу на территории СССР. В монархическом лагере наиболее известными были: Российский общевойсковой союз (РОВОС), Союз монархистов-легитимистов, дальневосточный союз казаков атамана Семенова, Союз мушкетеров, Национальная организация русских разведчиков. Своеобразным результатом разочарования “детей” в политических идеях “отцов” и попыткой поиска новых путей к освобождению России от коммунизма явилось создание в мае 1931 г. Российской фашистской партии (РФП). РФП, как и партия младороссов, увидела спасение Родины в идеях итальянского фашизма. На страницах интеллектуальных журналов вели полемику сменовеховцы, евразийцы, “сибиряки” и т.д. Политические союзы, партии, объединения ссорились между собой, обвиняя друг друга в пассивности и отсутствии плана спасения России.

Политически разрозненная эмигрантская масса не могла стать надежным союзником Японии в ее агрессивных планах против СССР. К тому же, несмотря на присутствие в Маньчжурии многочисленных антисоветских группировок, основная масса эмигрантов держалась в стороне от политики. Перед оккупационными властями встала задача объединения российских эмигрантов в единое целое под эгидой сильной политической организации. Решение ее взяла на себя Японская военная миссия в Харбине, а точнее - ее разведывательный отдел - Токуму Кикан. Вскоре стало очевидным, что попытки объединить эмиграцию вокруг одной политической организации обречены на провал по причинам, о которых упоминалось выше. Многие видные общественные и политические деятели не высказали желаний служить японским интересам, даже если они и представляли угрозу большевистскому режиму, сделавшему российских граждан изгоями. Японские власти нашли выход из сложившейся ситуации: проблема объединения российской эмиграции была решена в административном порядке. 28.12.1934 г. министр народного благополучия Маньчжоу-Ди-Го издал приказ о создании Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ).

В положении о деятельности Бюро по делам российских эмигрантов говорилось: “Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи является административным учреждением этого государства”⁴. В его функции входит “руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, согласование и урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учета эмигрантского населения”⁵. Регистрации в Бюро подлежали все эмигранты, проживающие на территории Маньчжоу-Ди-Го. Пункт 13 Положения определял право на снятие с учета “по собственному желанию...”, однако, в реальной жизни это было возможным лишь в случае выезда из Маньчжоу-Ди-Го навсегда. Сняться с учета в Бюро и остаться жить в Маньчжурии было равносильно самоубийству, так как отсутствие личной книжки и номерного знака Бюро ставило человека вне закона и возбуждало опасный

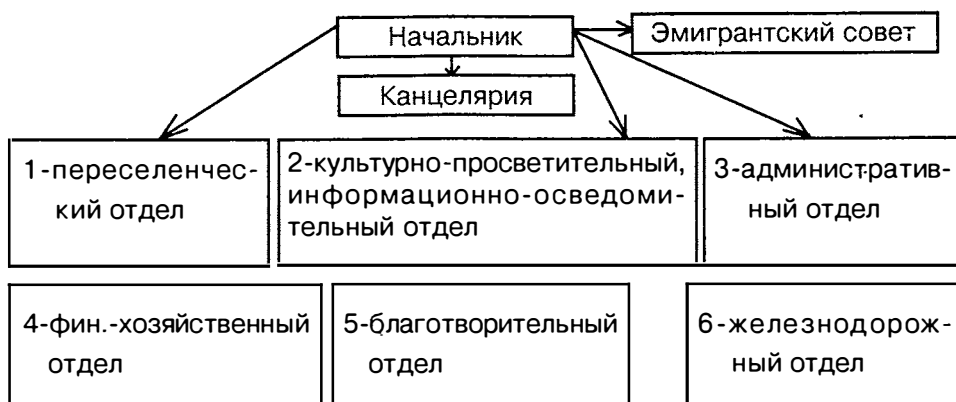
интерес со стороны японской военной миссии и жандармерии. Пункт 5 обязывал всех состоящих на учете “как словом, так и делом, поддерживать и укреплять государственный порядок Маньчжоу-Ди-Го и уважать законы империи”⁶. Находящиеся под защитой Бюро эмигранты обязаны были “всеми средствами содействовать властям Маньчжоу-Ди-Го в их борьбе с коммунистическим интернационалом” и подчиняться распоряжениям Бюро⁷. За нарушение этих обязанностей следовало исключение с учета и лишение эмигрантского паспорта с последующей депортацией из пределов империи.

В начале своего существования Бюро имело достаточно простую структуру: во главе его стоял начальник, в ведении которого находились канцелярия и четыре отдела: 1 - переселенческий, 2 - информационный, 3 - административный, 4 - хозяйственно-финансовый. 1-ый отдел занимался “сельскохозяйственным устройством эмигрантов и расселением их на участках, предоставленных правительством”⁸. Начальником отдела был назначен ген.-лейтенант А.П. Бакшеев - глава дальневосточного союза казаков⁹. 2-ой отдел был создан для идеологической обработки населения. Его начальником с первых дней существования Бюро по март 1942 г. был “вождь” дальневосточных фашистов К.В. Родзаевский, длительное время пользовавшийся покровительством японцев¹⁰. 3-й отдел занимался регистрацией эмигрантов, оформлением паспортов, выполнял формальности, связанные с переходом беженцев из СССР в эмигрантское состояние. В сферу деятельности 4-го отдела входили экономические проблемы эмигрантов. Руководили отделами соответственно Н.Р. Грассе (3), М.Н. Гордеев (4). Первым председателем Бюро стал ген.-лейтенант Генерального штаба В.В. Рычков, находившийся на этом посту с 9 января 1935 г. до своей кончины 22 августа 1935 г.

Нагрудный знак № 1 принадлежал официальному представителю “вождя” российской эмиграции в Маньчжурии - атамана Семенова - ген.-майору Л.Ф. Власьевскому¹¹. Сам “вождь” не мог встать на учет в Бюро по той причине, что не имел к этому учреждению юридической принадлежности: атаман Семенов проживал под Дайреном на территории японской концессии. Возведя его на пьедестал как символ антибольшевистской борьбы, японские власти предпочитали, тем не менее, не спускать с него глаз.

Уже к лету 1935 г. для руководителей БРЭМ и его японских покровителей стало очевидным, что структура бюро требует усовершенствования. Объективно это было вызвано сложностью и масштабом задач, которые предстояло решить бюро в процессе организации жизни российского эмигрантского населения в Маньчжоу-Ди-Го. Кроме того, БРЭМ, как общеэмигрантский центр, созданный японскими властями и зависимый от них, являлся, тем не менее, своеобразным “эмигрантским правительством”, аналогов которому в русском зарубежье не было. При отсутствии опыта требовалось время для поиска нужных организационных форм. Со своей стороны, японская военная миссия, стремилась усовершенствовать БРЭМ, чтобы наилучшим образом приспособить его для решения своих собственных задач.

К августу 1935 г. структура бюро имела следующий вид:

При начальнике бюро появился совещательный орган-совет, который, по всей видимости, должен был продемонстрировать уважение официальных властей к эмигрантской общественности. В августе 1935 г. отделения харбинского бюро работали в Дайрене, Синьцзине, Маньчжурии, Трехречье, Хайларе, Бухэду, Чжаланьтуни, Цицикаре, на ст. Пограничная. В 23-х населенных пунктах, где имелось русское население, работали представительства бюро и его отделений. Позднее деятельность бюро распространилась на все население русскими пунктами Маньчжурии, а в таких городах, как Хайлар, Муданьцзян, Цицикар и т.д., открылись районные бюро с собственными отделениями и представительствами на местах. В 1940 г. харбинское бюро стало называться Главным бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

С 1 октября 1935 г. начал функционировать арбитражный суд при бюро, в сферу деятельности которого входило "разрешение разного рода споров и недоразумений, возникающих между российскими эмигрантами, проживающими на территории Маньчжурской империи"¹². Суд состоял из 9 судей, 3 кандидатов и 3 секретарей. Слушание дела проходило в присутствии трех судей и одного секретаря. Для возбуждения дела истцу достаточно было подать заявление в канцелярию бюро. Все должностные лица суда назначались приказом начальника бюро, причем должность судьи предполагала специальное юридическое образование или судебный стаж. Официально деятельность арбитражного суда распространялась на всех эмигрантов, проживавших на территории Маньчжурии, однако, фактически, его услугами пользовались лишь жители Харбина.

Согласно отчету канцелярии бюро, на 15 декабря 1935 г. на учете в бюро состояло "23500 человек обоого пола в возрасте от 17 лет персонально и 163 организации по категориям: политических - 2, общественных - 27, научных и профессиональных - 26, медико-санитарных - 8, учебных заведений и родительских комитетов - 43, организаций молодежи - 9, бывших военных - 18, инородческих общин - 4, церковных приходов и духовных общин - 11, благотворительных - 15"¹³. Деятельность зарегистрированных в бюро организаций была поставлена под постоянный контроль как со стороны самого бюро, так и со стороны русского отдела японской военной миссии. Не позднее 10-го числа каждого месяца все организации обязаны были предоставлять в бюро отчеты по специально разработанной форме.

Особое внимание японская миссия уделяла подбору кадров для работы в бюро. Все четыре начальника были в прошлом офицерами царской армии, участниками белого движения, закончившими гражданскую войну в чине генерала¹⁴. После смерти В.В. Рычкова пост начальника занимал А.П. Бакшеев. Однако глава дальневосточного Союза казаков оказался не по вкусу японским властям, так как ему не хватало такта во взаимоотношениях как с подчиненными, так и с “хозяевами”, кроме того, казачий генерал так и не научился говорить подобострастных речей в адрес нации Ямато. В 1938 г. А.П. Бакшеев был освобожден от должности “по состоянию здоровья”, а его место занял В.А. Кислицин. Новый начальник БРЭМ здоровьем не отличался, так как имел 14 ранений, однако был более дипломатичен как в отношениях с коллегами по службе, так и с японцами. Тем не менее, в 1943 г. В.А. Кислицин тоже был освобожден от должности “по состоянию здоровья”¹⁵. Последним начальником БРЭМ стал Л.Ф. Власьевский, карьера которого окончилась в августе 1945 г.

Начальниками отделов БРЭМ назначались лица, служившие в белой армии или доказавшие свою ненависть к коммунизму и лояльность японским властям. Весомую роль в аппарате бюро играли фашисты, пользовавшиеся особым покровительством японской военной миссии до июня 1943 г. К.В. Родзаевский был, практически, бессменным руководителем второго культурно-просветительного отдела¹⁶, М.А. Матковский возглавлял железнодорожный, а позднее административный (регистрационный) отделы. “Вождь” дальневосточных фашистов некоторое время исполнял обязанности начальника бюро, а в начале 40-х годов был его первым заместителем. Несмотря на тщательный отбор кандидатур на должности в бюро и строгий контроль над служащими со стороны японской военной миссии и жандармерии, события августа-сентября 1945 г. показали, что в аппарате БРЭМ успешно работала советская резидентура.

Свередия о политической ориентации служащих БРЭМ содержатся в анкетах, заполнявшихся ими при поступлении на работу. Так 306 анкет, относящихся к 1937-1943 гг., заполненных служащими отделений бюро, свидетельствуют о том, что ок. 35% анкетируемых служили в белой армии в годы гражданской войны, ок. 46% состояли членами политических или военных организаций, ок. 21% не состояли ни в каких организациях. Следует учесть, что ок. 34% анкет не содержат ответа на вопрос о членстве в политических организациях, что объясняется небрежностью лиц, заполнявших анкету, либо отсутствием данного вопроса в самой анкете, так как ряд анкет представляет собой вольное изложение кратких сведений о себе. Следует учесть и то, что ответы типа “заполнял анкету в... (следует название организации)” свидетельствуют о формальном членстве лица в организации. В связи с этим, результаты анализа анкет показывают принадлежность служащих бюро к политическим организациям весьма условно:

23,7%	анкетируемых входили в казачьи организации
20,2%	- Дальневосточный союз военных
17,4%	- монархические организации
10,4%	- Российский фашистский союз (РФС)
9,7%	- НОРР ¹⁷
6,9%	- Се-хо-хой ¹⁸
6,2%	- Союз мушкетеров
4,9%	- другие организации

Численность штатов бюро возрастала по мере усложнения его аппарата (увеличение числа отделов, появление подотделов, президиума, секретариата и т.д.) и включения в орбиту деятельности новых населенных пунктов. В марте 1936 г. на службе в харбинском Бюро числилось 215 человек¹⁹. В аппарате Главного Бюро в Харбине работало до 250 чел. в 1944 г. и ок. 360 чел. - в 1945 г.²⁰.

По поводу источников финансирования в уставе бюро говорилось кратко: "Бюро содержится за счет средств, изыскиваемых самим бюро среди эмигрантов"²¹. Ежемесячный взнос в бюро для каждого зарегистрированного лица составлял 1% от заработка или получаемого содержания. Определенную долю в бюджете бюро представляли доходы от издательской, хозяйственной деятельности, эксплуатации недвижимого имущества, устройства благотворительных мероприятий. Основным источником пополнения бюджета БРЭМ являлась японская военная миссия, хотя этот факт как руководители бюро, так и его японские покровители не афишировали. Однако, даже при финансовой поддержке со стороны, аппарат, насчитывавший более полутысячи человек, включил отделения, представительства, а позднее и районные бюро, мог обеспечить своим служащим лишь самое скромное существование. Так, например, один из служащих культурно-просветительного отдела БРЭМ обращался за материальной помощью к своему начальству, так как ему не в чем было ходить на службу, а развалившиеся ботинки и изношенный до крайности пиджак не делали чести столь уважаемому учреждению.

Финансовые затраты на содержание Бюро являлись благотворительным актом, вызванным симпатией и сочувствием японских властей к российским изгоям, оказавшимся на чужбине в труднейших условиях существования. Как отмечалось выше, организованная под эгидой жесткой власти эмиграция интересовала Японию как союзник в деле претворения в жизнь колониальной политики страны в Восточной Азии и возможной войне с СССР.

Вместе с японскими организациями Кио-Ва-Кай и Се-хо-хой культурно-воспитательный отдел БРЭМ занимался идеологической обработкой эмигрантов в духе антисоветизма, антикоммунизма и преданности Японии за то "сочувствие" и "заботу", которую японские власти проявляют в отношении россиян, проживающих в Маньчжоу-Ди-Го. Для формирования у населения чувства "благодарности" к Стране восходящего солнца и распространения японского образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая разрабатывала программу мероприятий для осуществления поставленной задачи. На местах, при учебных и общественных заведениях эмигрантов была создана сеть кружков с аналогичным названием, где изучались история, культура и язык Японии, разъяснялась современная политическая ситуация и т.д. Обязательным стало участие эмигрантского населения в национальных праздниках и торжествах Японии и Маньчжоу-Ди-Го, в антисоветских и антикоминтерновских акциях, устраиваемых отделом К.В. Родзаевского и Кио-Ва-Кай.

После того, как в ноябре 1936 г. Япония стала участницей "антикоминтерновского пакта", тем самым взяв на себя роль буфера против проникновения коммунизма в Восточную Азию, а также после известных событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол в 1938-1939 г. военная миссия усилила нажим на второй отдел БРЭМ, требуя активизации антикоммунистической работы с эмигрантами. Особая роль при этом отводилась воспи-

танию молодежи как категории населения, наиболее подверженной “вредному влиянию коммунистической пропаганды”. В учебных заведениях стали регулярно проводить контрольные работы для выявления уровня политической зрелости учащихся. Так, например, в 1939 г. старшие классы народных школ писали сочинение на тему: “Почему мы не живем в России”, выпускники повышенных народных школ - “Что коммунисты сделали с Россией”, учащиеся последних классов высших народных школ - “Разрушительная работа Коминтерна в России, в Азии и во всем мире и как с ней бороться”²². Курировал проведение работ лично К.В. Родзаевский. 1 мая в Маньчжоу-Ди-Го ежегодно отмечался День антикоминтерна, в котором в обязательном порядке принимали участие все эмигрантские организации, включая школы. В этот день устраивалась панихида по жертвам коммунистического террора, антикоммунистическая демонстрация и общеэмигрантское собрание, газеты давали специальный выпуск под лозунгами: “Против красного мая - наш общеэмигрантский май Антикоминтерна!”, “Все в ряды Антикоминтерна!”, “Жизнь - России! Смерть - Коминтерну!” и т.п.²³.

Почувствовав, что молодому поколению эмигрантов нужен новый герой для подражания, так как герои белого движения становились анахронизмом, идеологическая машина бюро и Кио-Ва-Кай без особого труда произвела его на свет. Волею трагической случайности таким “героем” суждено было стать М. Натарову, погибшему от разрыва бомбы под Номанганом в августе 1939 г. Официальный орган бюро журнал “Луч Азии” посвятил М. Натарову пять страниц августовского номера, подробно описав “подвиг героя”, поместив фотографии его семьи, а также высокопарные, исполненные патриотизма речи начальника бюро и трех его заместителей в адрес покойного. “...героическая смерть вознесла его на недосягаемую высоту, сделала его нашим общеэмигрантским героем...”²⁴, - заявил начальник бюро В.А. Кислицин. “За ним пойдут новые Натаровы, - продолжил мысль начальника его первый заместитель К.В. Родзаевский, - и, рано или поздно, вернут русской эмиграции и русскому народу Россию...”²⁵. Какой же подвиг совершил М. Натаров, ставший “рыцарем белой идеи” и “общеэмигрантским героем”? Он был смертельно ранен осколком бомбы, сброшенной с советского аэроплана. В этом суть “подвига”. Упади злополучная бомба в стороне от М. Натарова, идеологом второго отдела пришлось бы искать другую кандидатуру. Тем не менее, “помог” случай - и эмигрантская молодежь получила образец для подражания. Похороны погибшего юноши были превращены в политическую акцию, на месте захоронения в ограде Свято-Николаевского собора Харбина - позднее был возведен памятник борцам с Коминтерном.

С целью вовлечения молодежи в политическую борьбу в августе 1939 г. при БРЭМ был создан антикоммунистический союз российской дальневосточной молодежи. Как было заявлено в Уставе этой организации, “конечной целью союза является уничтожение Коминтерна и освобождение России из красного плена”²⁶. Антикоммунистический союз, по замыслу его организаторов, должен был стать общеэмигрантской молодежной организацией - антиподом комсомола. Судя по всему, уровень политической зрелости молодежи оставлял желать лучшего, так как всевозможные молодежные организации продолжали создаваться, а на съезде начальников районных Бюро и отделений в 1944 г. официальные власти требовали концентрации усилий Бюро на воспитании у молодого поколе-

ния эмигрантов чувства преданности Маньчжоу-Ди-Го и Японии, готовности вместе с народами этих стран встать на борьбу с Коминтерном.

С целью подготовки молодежи к возможной войне, в учебных заведениях была введена военная подготовка. Через регистрационный отдел бюро все мужское население российской эмигрантской колонии было строго учтено. Лица призывного возраста проходили специальную подготовку в военно-полевых условиях. Японская военная миссия призывала русских юношей для службы в полицейских, охранных, диверсионно-разведывательных отрядах. В 1938 г. на станции Сунгари-2 был развернут русский отряд Асано, а к концу 1943 г. на территории Маньчжурии существовало три русских воинских отряда: на ст. Сунгари-2, на ст. Ханьдаохэцзы и в районе Хайлара. Официально эти формирования назывались “российскими воинскими отрядами армии Маньчжоу-Ди-Го” и комплектовались из молодых эмигрантов, имели русский командный состав, соблюдали устав русской армии. Командирами Сунгарийского, Ханьдаохэцзского и Хайларского казачьего отрядов были соответственно полковник Я.Я. Смирнов, майор А.Н. Гукаев и войсковой старшина И.А. Пешков. В 1943 г. после очередной реорганизации БРЭМ в его аппарате появился специальный отдел, ведавший вопросами военно-воспитательной подготовки эмигрантской молодежи. Во главе нового отдела был поставлен полковник Н.Б. Коссов, как отмечалось в официальном документе, “специально командированный офицер армии Маньчжоу-Ди-Го”²⁷. Организацией русских воинских отрядов и других специальных вооруженных формирований занималась японская миссия. В задачу бюро входили учет призывного населения и пропаганда этих отрядов. Бойцам русских воинских отрядов и их семьям оказывалась материальная поддержка, как финансовая, так и продуктовая. Отъезжающим на службу бюро устраивало прощальную “чашку чая”, где произносились напутственные речи, служили молебны. К рождеству и пасхе бюро организовывало сбор средств на подарки для бойцов воинских формирований. Подобные сборы проходили и в пользу бойцов японской армии в знак “благодарности” русской диаспоры за “заботу”, которую “постоянно проявляют” о ней японские власти.

Особым рвением к службе в воинских отрядах русская молодежь не отличалась. Из отчетов начальников отделений и представительств на упомянутом съезде бюро 1944 г. следует: “...всякий призываемый на службу идет охотно”, “молодежь с энтузиазмом идет в воинские отряды” и т.п.²⁸. Однако количество добровольцев, представленные в докладах начальников районных бюро, не демонстрирует большого желания к службе: Цицинское бюро - 1 чел. (сын начальника бюро), Синцинское бюро - 2 чел., Дайренское бюро - 4 чел., Мукденское бюро - 4 чел.²⁹. Следует учесть и фактор материальной заинтересованности, заставлявший русских юношей идти на службу, чтобы поддержать свою семью в условиях голодного военного времени. Наконец, не следует забывать о том, что уклонение от призыва могло окончиться подвалом японской жандармерии и, в конечном итоге, физическим уничтожением.

“Глубоко вредную работу проводят в Харбине безответственные лица, ставшие во главе пресловутого бюро... Эти “лидеры” не пользуются доверием общественности и ведут противорусскую политику”, писала в октябре 1935 г. шанхайская газета “Новый путь”³⁰.

Для подобной негативной оценки деятельности БРЭМ были серьезные основания: созданное японской военной миссией бюро в своей дея-

тельности не могло выходить за рамки, предписанные японскими хозяевами. В штатах бюро, его отделений и представительств работали разные по политическим убеждениям и личным качествам люди. Одни преданно служили японским властям, делая карьеру путем сделки с собственной совестью. Другие, оставаясь русскими патриотами, пытались своей деятельностью облегчить участь соотечественников.

Пока “патриоты” России критиковали БРЭМ на страницах эмигрантских изданий, “антирусское” бюро занималось конкретной работой, значение которой в жизни маньчжурских россиян огромно. Несмотря на жесткие тиски оккупационного режима, бюро стремилось сохранить русские корни эмиграции, воспитывать в русском духе ее молодое поколение. Своеобразным завещанием русской молодежи стала книга В.А. Кислицина “Пути русской молодежи”, вышедшая уже после смерти автора в 1944 г. Адресованная молодым, она отражает тревогу “отцов” за своих “детей”, не знавших старой России, выросших в условиях восточной страны, культура которой так не похожа на русскую. “Наш долг... пробудить в них сознание гордости своей страной и народом. Мы должны сделать из них русских”, - писал В.А. Кислицин³¹. Аналогичную цель ставил перед собой и культурно-просветительный отдел бюро во главе с Родзаевским. Личность фашиста К.В. Родзаевского весьма противоречива и однозначной оценке не подлежит, как и деятельность его отдела в целом. С одной стороны, К.В. Родзаевский - верный слуга японцев, ярый антисемит, фанатик фашистской идеи, готовый ради ее осуществления пойти на союз с самим чертом, лидер фашистских молодчиков, скандально известных в Харбине своим участием в темных делах мафии, похищении людей и убийствах. С другой стороны, Родзаевский ходатайствует перед властями об открытии детских площадок и летних лагерей для детей из бедных семей, организует смотры молодых эмигрантских талантов и гастроли победителей этих смотров по стране, навлекает на себя гнев высокого начальства попыткой противодействовать реформе просвещения 1937 г., урезавшей возможности получения высшего образования для эмигрантов, содействует появлению русских библиотек в самых глухих населенных пунктах, где русское население можно пересчитать по пальцам. В конце 1941 г. второй отдел стал инициатором создания оперного театра в Харбине. “Если нашей молодежи дать шанс поработать в опере, многие ныне известные певцы и певицы, вероятно, станут большими артистами,” - пишет К.В. Родзаевский в рапорте начальнику БРЭМ по поводу организации “Харбинской оперы”³². В условиях военного времени Япония сократила финансовую поддержку БРЭМ, поставив и без того скудный бюджет бюро в жесткие рамки. Создание оперного театра требовало больших материальных затрат и организационных усилий. В начале 1944 г. на основе организованной в 1941 году русской оперной труппы, при содействии Харбинского симфонического общества и финансовой поддержке общественных и государственных организаций БРЭМ учредил Русскую оперу Восточной Азии. В составе комитета, руководившего оперой был К.В. Родзаевский.

Под руководством БРЭМ эмиграция ежегодно отмечала российские национальные праздники, связанные с историей и культурой страны, а также православные религиозные праздники: Инструкция по культурной работе устанавливала перечень официальных праздников для российской эмиграции: День Св. Владимира - День русской православной культуры

(28 июля), День усекновения головы Св. Иоанна Предтечи - День памяти российских героев (11 сентября), День непримиримости (7 ноября), День Св. Георгия Победоносца - праздник российских воинов (6 мая), День рождения Петра Великого - день российской молодежи (12 июня), День общерусского траура - день гибели царской семьи (17 июля). В этой же инструкции говорилось о том, что задача культурной работы состоит "в выработке общего сознания всех национальностей российской эмиграции, в изучении сущности российской культуры, в заботливом сохранении наследия предков и пополнении этого наследия новыми культурными сокровищами"³³. Главным результатом культурно-просветительной работы бюро является то, что молодое поколение эмигрантов, не знавших России, выросло русскими. Национальное самосознание, воспитанное на идеалах русской культуры и русских традициях, в конечном итоге, перевесило всю мощь японской пропагандистской машины.

Роль бюро в судьбе российской эмиграции не ограничивается культурно-просветительной деятельностью. Создавая эту организацию, японские власти преследовали свои собственные цели, но, так или иначе, способствовали объединению русской колонии в единый организм, дав ее лидерам возможность сконцентрировать усилия на решении жизненно-важных проблем эмиграции.

С 1935 г. жизнь русских эмигрантов оказалась привязанной к бюро: без его санкции нельзя было устроиться на работу, перемещаться по стране и за ее пределы, создать организацию, предприятие и т.д. Трудно было привыкнуть к пресмыкательству перед японскими властями, ношению уничижительных "собачьих" номеров - так называли эмигранты обязательные номерные знаки, которые получили все зарегистрированные в БРЭМ, обязательному участию в политических акциях, устраиваемых японской военной миссией и т.п. С другой стороны, в БРЭМ можно было придти с просьбой о помощи, в поисках защиты нарушенных прав, с ходатайством об устройстве ребенка, потерявшего родителей, через благотворительный отдел бюро и т.д.

В начале 30-х годов 20-25% российских эмигрантов не имели работы³⁴. Эта же цифра фигурирует в отчете начальника шестого отдела бюро М.А. Матковского в декабре 1935 г. Безработица - одна из важнейших проблем, которую, по мере своих возможностей, решало бюро в 30-х - нач. 40-х годов. С декабря 1935 г. в шестом отделе начал работать трудовой подъотдел, занимавшийся учетом безработных и их трудоустройством. Для решения проблемы безработицы организовывались трудовые артели, изыскивалась работа по подрядам, создавались крестьянские, пчеловодческие, садоводческие хозяйства. Кроме этого, усилиями бюро был создан фонд помощи безработным, который формировался из однопроцентных отчислений от заработка лиц, получивших работу с помощью бюро, а также из благотворительных вкладов населения. Трудовым подъотделом была организована касса взаимопомощи и служба охраны труда несовершеннолетних. Не следует забывать и о том, что аппарат БРЭМ, обеспечивал рабочими местами ок. 400 чел. - в 1936 г. и более 600 чел. - в 40-х годах. Согласно официальным данным, к 1942 г. бюро удалось свести количество безработных к минимуму.

Благотворительный отдел БРЭМ имел собственную амбулаторию, в которой неимущие эмигранты могли получить бесплатную медицинскую помощь. Кроме этого, бюро содержало приют для хронических больных и,

совместно с Серафимовской благотворительной столовой, Иннокентьевским ночлежным домом отпускало средства на лечение бедняков и сирот в больницах Харбина, оказывало регулярную и единовременную помощь нуждающимся эмигрантам. В сферу забот благотворительного отдела входило и захоронение лиц, не имевших родственников³⁵.

Значение БРЭМ в жизни российской эмиграции стало особенно ощутимым в годы Второй мировой войны. Власти запретили торговым организациям отпускать эмигрантам мясо, рис и др. продукты питания. В аптеках русским врачам ограничили отпуск медикаментов. Не хватало транспортных средств для скорой медицинской помощи. Эти и множество других жизненно важных вопросов, в меру своих возможностей, решало бюро. Благодаря упорядоченному снабжению продуктами первой необходимости, организованному бюро, тысячи эмигрантов избежали голодной смерти. Даже после того, как в 1943 г. японская военная миссия взяла на себя общее руководство жизнью эмиграции, превратив БРЭМ во вспомогательную структуру³⁶, круг задач, решаемых этой организацией, был по-прежнему сложен и разнообразен. Подтверждает это и февральский 1944 г. съезд начальников бюро, где на повестке дня стояли такие вопросы, как закупка предметов первой необходимости, состояние рынка на местах, снабжение эмигрантского населения, проблемы переселенцев, «изыскание новых возможностей приложения труда», организация заботы о детях, матерях, бедняках и престарелых и т.д.³⁷.

БРЭМ - явление уникальное, не имеющее аналогов в истории русского зарубежья. Созданное японскими оккупационными властями, оно служило реализации их планов. Однако именно эта организация спасла российских эмигрантов от «распыления», объединив их в одно целое, и, в меру своих сил, стала защитником их культурных, правовых и экономических интересов.

¹ Б е л о у с о в С. Дважды перевербован // ПДВ. - 1991. - №5. -С.136.

² ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф.830. Оп.1. Д.218. Л.5.

³ Заря (Харбин) 1932. -№43. -С.7.

⁴ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.1. Л.1.

⁵ Там же.

⁶ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.19. Л.8.

⁷ Там же..

⁸ Великая Маньчжурская империя. -Харбин,1942. -С.293.

⁹ Дальневосточный союз казаков в ряде документов именуется «Союзом казаков на Дальнем Востоке». В Маньчжурии Союз возглавлял А.П. Бакшеев, главой Союза, распространявшего свою деятельность не только на Маньчжурию, но и за ее пределы, являлся атаман Семенов.

¹⁰ РФП (РФС) пользовалась покровительством со стороны японской военной миссии. В 1940 г. по политическим соображениям японские власти перевели РФС на полуполюгальное положение, а в июне 1943 г., в связи с успехами СССР на фронтах Великой Отечественной войны, деятельность РФС была ликвидирована.

¹¹ Японские власти провозгласили вождем русской эмиграции в Маньчжурии атамана Семенова. В списке претендентов на роль «вождя» значились: Н.Л. Гондатти, В.А. Қислицин, ген. Г.А. Вержбицкий, А.П. Бакшеев, К.В. Родзаевский. В конечном итоге, японцы сочли наиболее подходящей кандидатурой Г.М. Семенова.

- ¹² Положение об арбитражном суде при бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи. -Харбин, 1935. -С.1-2.
- ¹³ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.2. Л.42.
- ¹⁴ Среди эмигрантов был распространен слух о том, что В.А. Кислицин получил генеральский чин из рук главы легитимистов - Вел. кн. Кирилла Владимировича. Однако, американский исследователь Джон Стефан в своей книге "Русские фашисты. Трагедия и фарс в изгнании" утверждает, что В.А. Кислицин произведен в генералы после падения правительства Колчака и командовал 1-ой кавалерийской дивизией в Чите, а позднее 1-ой Маньчжурской дивизией.
- ¹⁵ В.А. Кислицин скончался 18 мая 1944 г. Незадолго до смерти его посетили офицеры японской военной миссии, что дало повод для распространения среди эмигрантов слуха об отравлении ставшего негодным генерала японцами. Известно, что сын покойного - Ю.В. Кислицин, медик по профессии, не был допущен к отцу в момент обострения болезни. Лечение занимался прибывший по указанию миссии японский врач.
- ¹⁶ 25 апреля 1942 г. по личному заявлению К.В. Родзаевский был освобожден от должности первого заместителя начальника БРЭМ и начальника второго отдела. Причины ухода Родзаевского с обоих постов не ясны. Однако, вскоре он снова руководит культурно-просветительным отделом, который после реорганизации в 1943 г. становится первым.
- ¹⁷ Национальная организация русских разведчиков - молодежная организация монархического направления, выросшая из скаутского движения.
- ¹⁸ Се-хо-хой - политическая организация, созданная японцами для пропаганды идеи мирного сотрудничества народов.
- ¹⁹ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.2. Л.211-218.
- ²⁰ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.145. Л.115-153; Д.216. Л.1-14.
- ²¹ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.2. Л.2.
- ²² ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.285. Л.157.
- ²³ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.73. Л.69,78.
- ²⁴ Луч Азии (Харбин). -1939. -№8. -С.2.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.40. Л.178.
- ²⁷ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.27. Л.103.
- ²⁸ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.189. Л.116,126.
- ²⁹ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.189. Л.133-135.
- ³⁰ Новый путь (Шанхай). -1935. -14 окт.
- ³¹ К и с л и ц и н В.А. Пути русской молодежи. -Харбин,1944. -С.13.
- ³² ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.60. Л.325.
- ³³ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.73. Л.16.
- ³⁴ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.218. Л.19.
- ³⁵ Великая Маньчжурская империя. -С.295.
- ³⁶ Реорганизация БРЭМ была предпринята японской военной миссией после того, как стал очевидным коренной перелом на советско-германском фронте.
- ³⁷ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.189. Л.44,47.
-

**А.И. КУПРИН - “ПЛАМЕННЫЙ БАРД
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ”
(исторические аспекты документальной
повести А.И. Куприна
“Купол святого Исаакия Далматского”)**

Повесть А.И. Куприна “Купол святого Исаакия Далматского”¹ - одно из первых эмигрантских произведений нашего великого соотечественника. Нет надобности доказывать, что все повести и рассказы писателя - огромная культурная ценность мирового масштаба. Эта повесть не стала исключением.

Признавая ее литературные достоинства, хотелось бы взглянуть на нее с иной; может быть, неожиданной стороны: как на яркий, ни с чем не сравнимый исторический источник. Для рассмотрения этого литературного труда именно в таком ракурсе есть веские основания. Изданный впервые в Риге в 1928 году в русском издательстве “Литература” “Купол святого Исаакия Далматского” был единственным “гадким утенком” писателя, не публиковавшимся по идеологическим мотивам в нашей стране вплоть до 1992 года. Вышедший в Москве в издательстве “Раритет” 300-тысячным тиражом этот тихий крик души писателя остается по-прежнему недоступным как широкому кругу читателей, так и специалистам. По странному стечению обстоятельств книга, в которую вошли повесть и рассказ “Извощик Петр”, появилась в продаже лишь в конце 1993 - начале 1994 годов. Появилась, чтобы тут же исчезнуть.

Относящаяся, без сомнения, к жанру мемуарной литературы, повесть как исторический источник до сих пор не введена в научный оборот, хотя это было бы важно по многим причинам.

Никто из современников тех событий не оставил таких подробных и, тем более, столь талантливых воспоминаний о важном моменте похода войск генерала Н.Н. Юденича, как сдача Гатчины красноармейскими частями и недолгое правление в городе и окрестностях белогвардейцев. Если учесть, что под Гатчиной, как считали политики и военные, в частности Н.И. Подвойский, во многом решалась тогда судьба Петрограда и всей революции в целом², то этот исторический источник представляет собой особую ценность.

Как и в любых воспоминаниях, в повести все события освещены с субъективных позиций, с точки зрения острого неприятия большевистской власти, благоговейного восторга от всего, что связано с Белым движением. Но нельзя забывать, что и этот субъективизм гениален. Он заставляет по-иному взглянуть на события, факты, идеи, давно уже нашедшие свою ячейку в нашем сознании.

Никто кроме А.И. Куприна не сумел до сих пор создать в исторической литературе столь яркие, хотя, без сомнения, несколько приукра-

шенные образы генералов Краснова, Юденича, Родзянко, Перемикина, Ветренко и многих иных известных и неизвестных офицеров.

В повести есть любопытные сведения о членах Северо-Западного правительства В.Д. Кузьмине-Караваеве, А.В. Карташеве, М.Н. Суворове и, что особенно ценно, об их взаимоотношениях с английскими политиками. О важности и неизученности этого вопроса говорит, например, появившееся в конце 1993 года первое комплексное исследование В.И. Мусаева³. Кстати, этот талантливый петербургский историк о существовании данного исторического источника даже не догадывался.

Эта повесть, на мой взгляд, интересна в особенности тем историкам, которые исследуют прошлое с позиций социальной психологии. Взгляд на историю гражданской войны в России яркого представителя художественной интеллигенции, личность которого уже сама по себе представляет немалый научный интерес, это ли не объект пристального изучения?

Кроме того, "Купол святого Исаакия Далматского" дает возможность изучить детали, часто ускользающие от взгляда ученого. Речь идет о множестве сугубо бытовых деталей, позволяющих воссоздать правдивую атмосферу минувших дней.

Эта сравнительно небольшая по объему повесть состоит из семнадцати глав. Она освещает события лишь нескольких дней середины октября 1919 года, когда под Петроградом, во многом, решалась дальнейшая судьба России и, без преувеличения будет сказано, дальнейшего развития цивилизации в целом, ибо утверждение советской власти в стране означало и дальнейшее развитие ее магистральной внешнеполитической линии - курса на осуществление мировой социалистической революции. Первые главы повести посвящены тому моменту, когда пригород Петрограда - Гатчина - застыл в ожидании смены власти: красные войска и советские учреждения поспешно, зачастую в панике, покидали город, к которому подступали белогвардейские части. Далее автор рассказывает о кратком пребывании в Гатчине белогвардейских формирований, об их уходе из города под ударами перегруппировавшихся и усиленных советских частей и соединений.

Для исследователя представляет практический интерес описание боевого состава, морально-боевой характеристики ряда частей Северного корпуса белогвардейцев и, в частности, ее 2-й дивизии, в которую входили Островский (в иных источниках - Островской - **С.П.**), Талабский, Уральский и Семеновский полки. Автор не ограничивается упоминанием их. Он сообщает численность каждого, более того, дает краткую справку о ежедневных боевых действиях дивизии в период с 9 по 21 октября 1919 года⁴. А.И. Куприн пишет о бывшем лейб-гвардии Семеновском полку, перешедшем в бою под Вырой на сторону Северо-Западной армии, убив при этом своих комиссаров и преданных советской власти командиров. Пишет и о других случаях перехода крупных красноармейских формирований на сторону противника⁵. Довольно подробно сообщается о ставшем в армии Н.Н. Юденича знаменитым Тульском батальоне. Отмечается, что "побежденным они никогда не давали пощады", что "таких грабителей, мародеров, плутов и ослушников свет не видывал"⁶.

В своей повести Александр Иванович попытался выступить не только как писатель, но и как историк. Не случайно 14 глава книги названа "Немного истории". Действительно, в небольшой по объему главе, занявшей

лишь четыре страницы, он сумел дать короткую информацию о создании и первых боевых действиях Северо-Западной армии. Сами по себе эти факты широко известны, но в повести они дополнены важными уточнениями. Например, сообщается, что когда Верховным правителем России решался вопрос о назначении командующего этой армией, были рассмотрены кандидатуры трех генералов: Гурко, Драгомирова и Юденича. Выбор пал на последнего - сказался его авторитет: "имя победителя Эрзерума более импонировало"⁷. Крайне любопытны психологические аспекты рассмотрения различных планов взятия Петрограда. Как отмечал автор, "большинство старых генералов, недавно прибывших на фронт гражданской войны и не знавших ее условий, настаивали на том, что необходимо обеспечить себя взятием Пскова и лишь после этого открыть движение на Петербург"⁸. Но, по мнению А.И. Куприна, победила иная точка зрения - точка зрения тех, кто был у руля Северо-Западной армии с момента ее создания. Они считали, что специфические условия гражданской войны обуславливают необходимость использования быстроты и натиска, не считаясь с издержками такой стратегии. Кстати, сам А.И. Куприн, человек образованный и имевший офицерский чин, разделял взгляды второй группы высшего командного состава. Несмотря на последующие неудачи, он считал, что "этот план восторжествовал", что подобной стремительности в наступлении мировая история не знала со времен суворовских походов⁹.

Одна из первых глав книги названа "Красная армия". Но ее емкой характеристики в главе нет. По свидетельству автора, это было не войско, а толпа "отрепанных до последней степени, жалких, изможденных, бледных красноармейских солдат", которые "просили милостыни, подбирали на огородах оставшуюся склизкую капустную хряку и случайно забытые картофелины, продавали шейные кресты и нижние рубахи, заглядывали в давно опустевшие помойные ямы"¹⁰. А.И. Куприн свидетельствовал, что это была "фантастическая, ужасная, кошмарная толпа": "сгорбленные старики и желтолицые чахоточные мальчуганы, хромые, в болячках, горбатые, безносые, не мывшиеся годами, в грязных тряпках, в ватных кофтах и жалких кацавейках, одна нога босиком, другая в калоше, всюду дыры и прорехи, ружья вверх и вниз штыками, и иные волочатся штыками по земле"¹¹.

Субъективизм такой оценки очевиден. Если предположить, что увиденное автором соответствовало действительности, то без ответа останется вопрос: как же эти хромые да юродивые сумели разгромить великолепное белогвардейское войско? Однако, позиция Александра Ивановича в этом частном вопросе и в более широком, мировоззренческом спектре представляет для историков культуры несомненный интерес. На этот вопрос, несмотря на обилие литературы о писателе, четкий ответ до сих пор не дан. Это, безусловно, тема особого исследования, находящегося на стыке истории, литературоведения, психологии. Но представляется, что столь далекая от истины оценка вооруженных сил Красной армии дана и в связи с обстоятельствами, повлиявшими на судьбу А.И. Куприна. Известно, что он был вынужден эмигрировать из России вместе с отступавшими войсками Северо-Западной армии. Ему, человеку искренне любившему свое Отечество, тосковавшему по нему, трудно было быть беспристрастным историком. Очевидно, что виновники его злоключений, а непосредственными виновниками он считал войска Красной армии, представлялись ему именно в таком свете.

В этой главе есть также статистические сведения, которые представляют интерес. Со ссылкой на одного из своих случайных знакомых, местного учителя народной средней школы, Александр Иванович указывает, что к моменту прихода в Гатчину белогвардейских формирований, в городе было не менее четырехсот большевиков. Сама по себе эта цифра никак не соответствует действительности. При необходимости ее с достаточно высокой точностью можно было бы определить в петербургских архивах. Но важно совсем иное: кого, с точки зрения местных интеллигентов, большая часть которых вскоре стала эмигрантами, называли большевиками. Оказывается, к ним, к этим четверкам большевикам, причисляли “челядь, жен, наложниц и детей, а также местных добровольцев и осведомителей”¹². Вдумываясь в подобные оценки политических противников людьми, повлиявшими на российскую культуру, создается четкое представление о том, сколь бескомпромиссной, жестокой была борьба между жителями одной страны, сколь не нейтральную позицию занимали в ней многие деятели культуры.

В последние годы историки гражданской войны часто затрагивают вопрос о том, с чьей же из противоборствовавших сторон была проявлена наибольшая жестокость по отношению к противнику и мирному населению занимаемых территорий. Учитывая, что в разных регионах страны были свои отличия, справедливо было бы считать, что жестокость, легковесное отношение к человеческой жизни были обоюдными и пытаться определить какую-то более гуманную сторону среди участников гражданской войны - занятие бесперспективное. Тем не менее, если опираться на сведения, почерпнутые из книги, то белогвардейские части являли собой образец гуманизма, а их контрразведка подавала им в этом положительный пример. По утверждению А.И. Куприна, за все время пребывания частей Северного корпуса в Гатчине ими было казнено лишь четыре человека: один, “должно быть, яростный коммунист”, другой - душевно больной юноша, агитировавший во всеуслышанье за советскую власть и два грабителя¹³.

Вызывают немалый интерес и оценки А.И. Куприна ряда большевистских лидеров и деятелей культуры, как поддерживавших Советы, так и не принявших их.

Из руководителей нового государства наиболее полно дана характеристика Л.Д. Троцкому. Автор не скрывал своего неприязненного к нему отношения. Не исключено, что это обстоятельство в некоторой степени спустя 18 лет повлияло на положительное решение сталинского руководства о разрешении А.И. Куприну вернуться на Родину. Но, невзирая на антипатию к этому большевистскому лидеру, писатель невольно дает повод для того, чтобы мы увидели его положительные качества. Так отмечается, в ходе боев под Гатчиной - в районе деревень Онтоло и Русско-Высоцкое (у автора деревня Русско-Высоцкое называется Высоцком - **С.П.**) белогвардейцы “дважды упустили из рук Троцкого... находя каждый раз вместо него лишь пустое, еще теплое логовище”¹⁴. Эта цитата говорит о незаурядной смелости Л.Д. Троцкого, который лично руководил войсками, находясь на передовых позициях. А если учесть, что именно в районе деревни Русско-Высоцкое белогвардейцы в п е р в ы е в гражданской войне применили танки, то становится ясно, сколь велико было не только мужество столь противоречивой исторической личности как Л.Д. Троцкий, но и насколько хорошо он мог ориентироваться в боевой обстановке, находясь там, где решалась судьба всех военных действий.

Кстати, будучи человеком военным, А.И. Куприн хорошо осознавал роль новой военной техники и, в частности, танков, в ведении боевых действий. Он писал, как на один из гатчинских вокзалов (скорее всего, это был не Гатчина-Балтийский, а Гатчина-Варшавский вокзал - **С.П.**) доставили пять французских танков. Названия четырех из них - "Доброволец", "Капитан Крами", "Скорая помощь" и "Бурый медведь" - он даже указал в тексте¹⁵. А.И. Куприн резко критиковал английские танки - танки самой первой, устаревшей, конструкции, доставленные англичанами на фронт под Петроград. Они постоянно выходили из строя, не выдерживали российского бездорожья. Очень хороши были уже упомянутые французские танки "Бебе", но по мнению Александра Ивановича, все дело портило то, что ими управляли англичане, считавшие, что задача танков состоит лишь в том, чтобы производить деморализующее действие на противника¹⁶.

Практически не исследованным в исторической науке является вопрос организации белогвардейцами политической пропаганды и агитации. В этом отношении повесть "Купол святого Исаакия Далматского" - бесценна. В специальной главе подробно освещен вопрос создания и начала выпуска белогвардейской газеты "Приневский край". Известно, что первые 307 экземпляров первого номера вышли в свет 19 октября 1919 года в 14 часов. Это произошло спустя 28 часов после короткого совещания по вопросу ее создания, в котором принимали участие генерал-губернатор всех областей, отвоеванных у Красной армии, генерал Глазенап, генерал Краснов и Куприн, ставший одновременно и ответственным секретарем, и издателем, и рядовым журналистом.

Об этой газете сообщается многое. Известна ее популярность ("первый номер расхватили за час"). Печатный станок, на котором осуществлялась работа, был допотопным, но служил он редакции и издательству довольно долго - в Ямбурге, в Нарве и даже в Ревеле.

Описывая эти события, А.И. Куприн как бы полемизирует с эмигрантской публикой в Париже, считавшей его "может быть, писателем, но во всяком случае, не журналистом"¹⁷.

Описание в повести создания газеты и начала ее работы очень важно, поскольку каких-либо подробных сведений об этом в архивах пока обнаружить не удалось.

Особую роль в издании газеты сыграл генерал П.Н. Краснов. Он был инициатором ее создания, автором названия, фактическим главным редактором и сам писал "ежедневно краткие, яркие и емкие статьи"¹⁸. Из содержания главы видно, что Петр Николаевич был хорошо знаком с теоретическими идеями Белого движения и был способен изложить их на бумаге в виде "отличной статьи"¹⁹. Повесть - это, скорее всего, единственный источник, в котором отмечено, что генерал П.Н. Краснов был не только "очаровательным человеком", путешественником, но и автором романов, которые А.И. Куприн, писатель с мировым именем, очень ценил²⁰.

Повесть дает прекрасную возможность изучения истории России той поры с точки зрения социальной психологии. Ученые, занимающиеся вопросами истории отечественной культуры, не без интереса могут проследить на примере самого автора - одного из виднейших представителей творческой интеллигенции, отношении этого слоя российского общества к простым труженикам, а применительно к армии - к солдатам. Вот

интересный бытовой эпизод, описанный А.И. Куприным. Рассказывая о том, что к нему в гости в Гатчине зашел один офицер в сопровождении солдата, разведчика Суворова, Александр Иванович не без умиления писал, как немного растерялся при виде гостей со столь различным социальным статусом. Но солдат Суворов помог справиться с замешательством, добродушно, по-деревенски заявив о себе во множественном числе: “О нас не беспокойтесь. Мы посидим на куфне”²¹. Столь милое интеллигентному сердцу знание чернью своего места представляется не случайностью, а вполне характерной чертой. За простолюдина, “знавшего свой шесток”, а не за поднявшегося на бунт в защиту своих прав, многие русские интеллигенты той поры с готовностью сложили бы свои головы. Но только за такого простолюдина.

Понять дух того времени позволяют и другие, на первый взгляд, малозаметные детали. Например, очень часто, впервые встречаясь с белогвардейскими офицерами, А.И. Куприн замечал, что больше всего в беседе с ним, писателем и деятелем культуры, их интересовала судьба именно двух выдающихся современников: Ф.И. Шалапина и А.М. Горького²². Уже этого достаточно для того, чтобы четче понять, сколь значительное место в духовной жизни образованных россиян занимали именно эти личности, каково было тогда их подлинное место среди культурных ценностей раздираемой войной державы.

На фоне этих корифеев российской культуры имена иных литераторов нового времени А.И. Куприну кажутся просто недостойными внимания. С брезгливой иронией он походя упоминает Василия Князева и Демьяна Бедного. Они для него - бездарность, не заслуживающая внимания.

Возможно, сам того не желая, автор повести “Купол святого Исаакия Далматского” затронул тему, которая до сих пор во многом не изучена - причины поражения Северо-Западной армии и отношение лидеров Белого движения, белогвардейского руководства с английскими политиками и высшими военными чинами.

Причины поражения белогвардейцев он приписывает “стихийному нагромождению ужасных событий”²³. По его мнению, ошибки военачальников, уровень боевой и моральной подготовки войск позволяли, вне всякого сомнения, одержать победу в походе Северо-Западной армии.

Главной причиной поражения А.И. Куприн считал бездействие английских союзников, их неоднократный отказ от выполнения данных обещаний. Это касалось и участия в боевых действиях, и в снабжении оружием, боеприпасами, обмундированием. Отмечалось, что присланные ими ружья выдерживали не более трех выстрелов, что подчас вместо боевой техники и оружия присылались английскими пароходами фехтовальные принадлежности - “привет” от английских рабочих-социалистов, саботировавших поставки²⁴. Более того, по мнению автора, англичане встали на путь предательства: их представитель в Ревеле вел телефонные переговоры с большевиками в Петрограде²⁵.

Вторую причину поражения А.И. Куприн видел в бессилии Северо-Западного правительства, которое также было обусловлено недостойным поведением английской стороны. Возмущенные интригами союзников, из правительства вышли В.Д. Кузьмин-Караваев, А.В. Карташев и М.Н. Суворов, вследствие чего это правительство по своему составу оказалось просто ничтожным²⁶.

До сих пор среди историков остается дискуссионным вопрос о роли генерала Ветренко в поражении Северо-Западной армии, который не предпринял мер к занятию своими частями согласно приказа станции Тосно, допустив вследствие этого беспрепятственную доставку новых пополнений из Москвы в Питер. Многие современные ученые поддерживают мнение бывших офицеров и генералов Белой гвардии, считавших, что этот шаг был связан с честолюбивыми планами генерала первым вступить в Петроград, для чего он предпринял попытку подойти к городу через Павловск, один из близких пригородов. А.И. Куприн был резким противником этой версии. Не ссылаясь на источники, он утверждал, что Ветренко с семьей впоследствии перешел к большевикам²⁷. Это утверждение не подтверждено фактами. Во всяком случае, ни в архивах, ни в опубликованных документах сведений об этом пока нет.

Эмигрантская книга "Купол святого Исаакия Далматского" - не только культурный памятник, но и важный исторический документ. Она, помимо всего, содержит любопытные сведения о русской эмиграции в Париже в начале 20-х годов, об ее отношении к личности писателя, дает возможность осмыслить недавнее прошлое, получившее горькое название - гражданская война в России.

В этой повести писатель говорил о себе: "Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его"²⁸. Певцом этой армии он и остался.

¹ К у п р и н А.И. Купол святого Исаакия Далматского. - М., 1992 г. РГВА (Российский Государственный военный архив).

² Ф.33221. Оп.1. Д.21. Л.2.

³ М у с а е в В.И. Белое движение на Северо-Западе России в 1919 году и политика Великобритании: Дис. ...канд. ист. наук. - Спб., 1993.

⁴ К у п р и н А.И. Купол святого Исаакия Далматского. - С.71-72.

⁵ Там же. -С.69.

⁶ Там же. -С.70.

⁷ Там же. -С.62.

⁸ Там же. -С.65.

⁹ Там же. -С.65.

¹⁰ Там же. -С.15, 16.

¹¹ Там же. -С.16.

¹² Там же. -С.17.

¹³ Там же. -С.40.

¹⁴ Там же. -С.59.

¹⁵ Там же. -С.52.

¹⁶ Там же. -С.79.

¹⁷ Там же. -С.56.

¹⁸ Там же. -С.58.

¹⁹ Там же. -С.56.

²⁰ Там же. -С.54.

²¹ Там же. -С.43.

²² К у п р и н А.И. Купол святого Исаакя Далматского. - С.52.

²³ Там же. -С.78.

²⁴ Там же. - С.78-79.

²⁵ Там же. -С.80.

²⁶ Там же. -

²⁷ Там же. -С.73-74.

²⁸ Там же. -С.64.

МЕМУАРЫ

КУПОЛ СВЯТОГО ИСААКИЯ ДАЛМАТСКОГО (фрагменты)

ХII. Газета

Итак: я готовился к кропотливой работе по регистрации и не могу сказать, чтобы это будущее занятие рисовалось мне в чертах занятных и привлекательных. Предвидел я, что полковник Видягин крутоват и требователен, но этого я не боялся. Мне почему-то верилось, что он скоро ко мне присмотрится и привыкнет и впоследствии, - почем знать, - может быть, даст мне возможность увидеть, услышать и почувствовать более яркие вещи, чем механическая возня по записыванию пленных и добровольцев. Судьба послала мне иное.

Прибыть мне приказано было в учительский институт на другой день к десяти часам, но в половине десятого за мной заехал полковник Б. на автомобиле и отвез меня в штаб Глазенапа. Он представил меня генералу Краснову. Заочно мы знали друг друга, и встреча эта была для меня приятна. Петр Николаевич осведомил меня, что сейчас приедет Глазенап и разговор будет о возможности создать в Гатчино прифронтовую газету. Я ни на минуту не забывал того, что хотя передо мной сидит очаровательный человек, Петр Николаевич, автор путешествий и романов, которые я очень ценил, но что для меня он сейчас Ваше Высокопревосходительство, генерал от кавалерии. В Северо-Западной армии, в служебных сношениях все тянулись в ниточку. Впоследствии я ближе узнал П.Н. Краснова, и воспоминания о нем у меня самые благодарные, почтительные и дружеские. Но если человек вкусил с десяти лет тягость воинской дисциплины, то потом возврат к ней сладостен¹.

Вошел быстрой, легкой походкой, чуть позванивая шпорами, генерал Глазенап, он же - генерал-губернатор всех областей, отторгнутых от большевиков².

Я залюбовался им. Он был очень красив: невысокий, стройный брюнет, с распушенными черными усами, с горячими черными глазами, со смуглым румянцем лица, с легкостью хорошего кавалериста и свободными движениями светского человека. Он был участником Ледяного похода, водителем многих отчаянных конных атак.

Говорить с ним было совсем не трудно, тем более что П.Н. Краснов понимал дело и поддерживал меня. Газета, по его мнению, необходима. Вопрос в типографии и бумаге. О деньгах заботиться не надо: на днях выходят из печати новые кредитки Северо-Западного правительствa. Руководителем и моим непосредственным начальником будет генерал Краснов. Через сколько времени может выйти первый номер, по моим расчетам?

Я стал делать оговорки: - Сможет ли генерал Краснов дать сегодня же передовую статью? - Да, часа через два-три. - Есть ли в штабе последние красные газеты и можно ли из них делать вырезки? - Есть, можно, но только для первого номера в виде исключения. Обычно прежде всего газеты поступают в штаб для сводки. - Нет ли иностранных газет, хотя бы не особенно свежих? - Найдутся. - Есть ли в штабе бумага? - Есть, но только писчая, почтового формата. - Разрешено ли мне будет, в случае, если в типографии нет бумаги, реквизировать ее в каком-нибудь магазине? - Можно. Только дайте расписку, а счет присылайте в канцелярию... Все? - спросил генерал.

- Как будто все, ваше превосходительство, - ответил я. - Только...

Вот тут-то я себя мысленно похвалил. Во всех деловых переговорах и контрактах я никогда не упускал мелочей, но всегда забывал самое главное. А теперь нашел:

- Только должен предупредить, что наборщики самый гордый и капризный народ на свете. Этих "армии свинцовой суровой командиров" можно взять лишь добром. Деньги теперь - ничто. Но если выдать им хотя бы солдатский паек, то они наверняка будут польщены таким вниманием.

- Хорошо. Обратитесь к моему заведующему хозяйством. Я предупрежу. А все-таки: когда же мы увидим первый номер?

- Завтра утром, - брякнул я и, признаться, прикусил язык.

Генерал Глазенап весело рассмеялся:

- Это по-суворовски!

Генерал Краснов поглядел на меня сквозь золотое пенсне с чуть заметной улыбкой.

Я поспешил оговориться:

- Конечно, это не будет номер "Таймса" в тридцать две страницы и выйдет не в пятистах тысяч экземпляров. Но... позвольте попробовать.

Генерал Глазенап сказал:

- Словом, я передаю вас генералу Краснову. Он без сомнения понимает в этом деле более меня. Затем желаю полного успеха. Извините, меня ждут.

О самом главном, о названии газеты, труднее всего было столковаться. Я не раз присутствовал при крещении периодических изданий и не знаю, как тяжело придумать имя. Каждое кажется устаревшим, похожим на какое-то другое имя, мало или чересчур много звучащим, трудно выговариваемым и т.п. Впоследствии, когда войдет в силу привычка, - всякое название становится удобным.

Мы всячески комбинировали "Свет", "Север", "Неву", "Россию", "Свободу", "Луч", "Белый", "Армию", "Будущее". П.Н. Краснов нашел простое заглавие: "Приневский Край". Мелькнул у меня в голове дурацкий переворот: "При! Невский край". Но каждое наименование и можно перебалаганить. Все равно: на десятом номере обмундуются и станут привычными.

Вот здесь, в Париже, мне часто намекают, что я, может быть, писатель, но, во всяком случае, не журналист. Я не возражаю. Но ровно в 2 часа дня 19 октября, то есть через 28 часов, я выпустил в свет 307 экземпляров первого номера "Приневского Края". Отличная статья П.Н. Краснова о белом движении пришла аккуратно, вовремя. По справедливости, хотя и очень мягко, сделал мне П.Н. выговор за то, что не послал ему корректуры (занести было всего два шага). Прекрасную обер-

точную рыжую бумагу я реквизировал в магазине Офицерского Экономического Общества. Наборщиков оказалось трое: сын хозяина типографии, длиннорукий, длинноногий лентяй и ворчун, скверный наборщик, но, к счастью, физически сильный человек; второй знал кое-как наборное дело, но страдал грыжей и кашлял; третий же был мастер, хотя и великий копун, медлитель и мрачный человек.

Станок был если не Гуттенбергов, то его внучатый племянник. Он печатал только в одну полосу. Чтобы тиснуть продолжение, надо было переворачивать лист на другую сторону. Приводился он в действие колесом, вручную, в чем я принимал самое живое участие.

Я уже успел сдать в печать стихи (правда, не новенькие), статью под передовой, отчет о параде, прекрасную проповедь о Иоанна и характеристику Ленина (я сделал ее без злобы, строго держась личных впечатлений). Кроме того, я вырезал и снабдил комментариями все интересное, что нашел в красных газетах. Я также продержал обе корректуры. Словом: Фигаро здесь, Фигаро там.

Часам к одиннадцати ночи люди устали, но ропота не было. Я сбежал за пайками и предложил их, по-моему, вовремя и деликатно. Сказал: “А кстати, вот ваш ежедневный паек”. Это их так взбодрило, что они и на мою долю отрезали холодного мяса, свиного сала и белого хлеба. Утром заканчивали работу вдвоем: я и мрачный тип.

Господа журналисты, работали ли вы в таких условиях?

Этот станок, этого верблюда, мы таскали с собой потом в Ямбург, в Нарву, в Ревель. Разбирали и собирали. Главный его недостаток был в медлительности работы. Вертеть колесо, да еще дважды - занятие нелегкое.

Первый номер расхватили в час. Цена ему была полтинник на керенки. Почему мы не брали по пятьсот рублей? Не понимаю. Впрочем, разницы между этими суммами не было никакой. И мы сами не знали, куда девать вырученные деньги. Наняли было корректоршу (она же и кассирша), но через час пришлось ее уволить: никуда не годилась.

XIII. Красные уши

Нелегка была вначале газетная работа при оборудовании дела самими примитивными способами и средствами. Но мне она доставляла удовлетворение и гордость. Тем более что вскоре дело наладилось и пошло ровно, без перебоев. Все тот же внимательный, памятный и точный комендант Лавров по моей просьбе распорядился, чтобы при разработке пленных красноармейцев опрашивали: нет ли среди них мастеров печатного дела. На третий же день мне прислали двух. Один рядовой наборщик, весьма полезный для газеты, другой же оказался прямо драгоценным приобретением: он раньше служил в синодальной типографии, где, как известно, требуется самая строгая, интегральная точность в работе, а кроме того, у него оказались точный глазомер и находчивость настоящего метранпажа. Вблизи Гатчины мы откопали бумажную фабрику, заглохшую при большевиках, но с достаточным запасом печатной бумаги.

П.Н. Краснов давал ежедневно краткие, яркие и емкие статьи, подписывая их своим обычным псевдонимом Гр.Ад. (Град было имя его лю-

бимой скаковой лошади, на которой он взял в свое время много призов в Красном Селе и на *Soucours Hippiques* в Михайловском манеже). Он писал о собирании Руси, о Смутном времени, о приказах Петра Великого, о политической жизни Европы. Оба штаба (генерала Глазенапа и графа Палена), жившие друг с другом несколько не в ладах, охотно посылали нам, какие возможно, сведения и распоряжения. Напечатали два воззвания обоих генералов и главнокомандующего генерала Юденича. Наняли двух вертельщиков. Работали круглые сутки в две смены. Довели тираж до тысячи, но и того не хватало.

Красные газеты получали аккуратно и в изобилии: от пленных и через разведчиков, ходивших ежедневно в Петербург, в самое чертово пекло, разносить события. С чувством некоего умиления читал я в них лестные строки, посвященные мне. Из одной заметки я узнал, что штаб Юденича помещается в моем доме, и я неизменно присутствую на всех военных советах в качестве лица, хорошо знающего местные условия. Василий Князев почтил меня стихами:

**Угостил его Юденич коньяком,
И Куприн стал нам грозиться кулаком.**

Что-то в этом роде...

Пролетарский поэт Демьян Бедный отвел мне в московской "Правде" целый нижний этаж, уверяя, что я ему показался подозрительным еще в начале 19-го года, когда вел в Кремле переговоры с Лениным, Каменевым, Милютиным и Сосновским об издании беспартийной газеты для народа. Это правда: о такой газете я и хлопотал, но не один: за мной стояла большая группа писателей и ученых, не соблазненных большевизмом. Имелись и деньги. Затея не удалась. Мне предложили заднюю страницу "Красного пахаря". Но красный - какой же это пахарь? И зачем пахарю красный цвет? Я уехал в Петербург ни с чем.

Но Демьян, слушавший, неприглашенным, наши переговоры, уже тогда решил в уме, что я обхожу советскую власть "змеиным ходом".

Это все, разумеется, вздор... Печально было то, что, внимательно вчитываясь в красные петербургские газеты, можно было уловить в них уши и глаза находящихся в Гатчине.

Из крупных гатчинских коммунистов никто не попался белым (кстати, дважды они упустили из рук Троцкого в Онтоло и в Высоцком, находя каждый раз вместо него лишь пустое, еще теплое логовище). Ушел страшный Шатов, однажды приказавший расстрелять женщину, заложницу за мужа-авиатора, вместе с грудным ребенком, которого у нее никак нельзя было отнять.

Улизнул Серов, председатель гатчинской Чека, кумир гимназисток-большевичек, бывший фейерверкер царской армии: на псковском фронте он вызвал из строя всех прежних кадровых офицеров, числом около пятидесяти, велел их расстрелять и для верности сам приканчивал их из револьвера. Перед казнью он сказал им: "Ни одному перекарасившемуся офицеру мы не верим. Свое дело вы сделали, натаскали красных солдат, теперь вы для нас - лишняя обуза".

Ушел неистовый чекист Оссинский. В его квартире нашли подвал, забрызганный до потолка кровью, смердящий трупной вонью. Исчез паляч-специалист Шмаров, бывший каторжник, убийца, который даже всегда ходил в арестантском сером халате, с круглой серой арестантской бес-

козыркой на голове. Он как-то на Люцевской улице, пьяный, подстрелил без всякого повода и разговора, сзади, незнакомого ему прохожего, ранил его в ногу, вдруг освирепел, потащил его в ЧК (тут же, наопротив) и дострелил окончательно.

Поймали белые одного только Чумаченку, захватив его в Красном. Этот безобидный человек-пуговица заведовал пищевыми припасами и называл себя "Король продовольствия". Никому он зла не делал, наивно упивался высотой своего положения и был забавен со своим всегда носом-пуговичкой. На него сделали донос.

Словом, ушли тузы и фигуры. Осталась дребедень. Но, прячась за нее, какие-то неуловимые, многознающие и пронырливые люди сообщались с красным командованием, посылая ему в Петербург сводки своих наблюдений. Разыскивать их было некогда и некому. И - вероятнее всего - это они намеревались устроить в Гатчине провокационный погром.

Как-то вечером зашел я к моему приятелю еврею. У него застал смятение и скорбь. Мужчины только что вернулись из синагоги. У бабушки Моти, старейшего из евреев, во время молитвы впервые затряслась голова и так потом не переставала трястись. Хорошая, толстая хозяйка просила меня взять к себе на время ее пятилетнюю девочку Розочку, а та прижалась к ней и плакала. Все они были смертельно напуганы уличными сплетнями и подметными анонимными письмами.

В тот же вечер, руководствуясь темным инстинктом, я передал эту сцену полковнику Видягину. Его сумрачные глаза вдруг вспыхнули.

- Я не допущу погромов, с какой бы стороны они ни грозили, - воскликнул он. - Жидов я, говорю прямо, не люблю. Но там, где Северо-Западная армия, там немыслимо ни одно насилие над мирными гражданами. Мы без счета льем свою кровь и кровь большевистскую, но на нас не должно быть ни одного пятна обывательской крови. Садитесь и сейчас же пишите внушение жителям.

Через полчаса я подал ему составленное воззвание. Говорил в нем о том, что еще со времен Екатерины и Павла I живут в Гатчине несколько еврейских фамилий, давно знакомых всему городу, честных тружеников, небогатых мастеров, людей, совершенно чуждых большевистским идеям и нравам. Говорил о Едином Боге, о том, что не время в эти великие дни сеять ненависть. Упомянул в конце о строгой ответственности и суровой каре, которая постигает насильников и подстрекателей.

К ночи воззвание было подписано графом Паленом и скреплено начальником штаба. На другой день оно было расклеено по заборам.

Пишу об этом так подробно, потому что мне лишний раз хочется подтвердить о полном доброты, нелицеприятном, справедливом отношении С.-З. армии ко всем мирным гражданам без различия племен и вероисповеданий. Об этом подтвердят все участники похода и все жители тех мест, где эта армия проходила.

А вот в ревельской газете "Свободная Россия" Кирдецов³, Дюшен⁴ и Башкирцев⁵ позволили себе оклеветать эту истинно рыцарскую армию как разбойничью и грабительскую, говоря не о тыле, а о доблестных офицерах и солдатах похода-легенды.

XIV. Немного истории

Северо-Западная армия не была одинока в борьбе с большевиками. По условиям своего созидания и формирования, Северный корпус с первых своих дней оказался тесно связанным с Эстонской республикой и с ее молодой армией. Боевое крещение получили части Русского корпуса, защищая Эстонию от вторжения большевистских войск. До мая 1919 года все операции Северной армии происходили на эстонской территории. Отсюда причины союзных отношений между обеими армиями. В период существования Северного русского корпуса эти отношения были оформлены заключенными договорами. Однако, в момент превращения Русского корпуса в армию, положение сторон изменилось. Эстония была освобождена от большевиков, и русская армия сражалась на русской территории.

По этим соображениям русская армия вышла из подчинения эстонскому главнокомандованию и в лице генерала Юденича получила собственного руководителя, назначенного Верховным правителем России⁶. Были раньше планы о возглавлении армии генералами Гурко и Драгомировым. Но имя победителя Эрзерума более импсировало.

Не имея собственных портов, ограниченная размерами территорий, С.-З. белая Россия принуждена была, а с нею и С.-З. армия, базироваться на Ревель и Эстонию. Между тем Эстония была уже свободна от большевиков, имела свыше чем 80000-ю армию и в существенной помощи белой армии уже не нуждалась. Прежний взаимный договор отпадал. Требовалось новое договорное соглашение, и почва для него нашлась, но очень волнующая. С одной стороны, сформированное в августе 1919 года С.-З. правительство поспешило признать полную и вечную независимость Эстонии и дало гарантию требовать этого признания всеми великими державами, Верховным правителем России и всеми областными ее правительствами. За это Эстония согласилась оказывать помощь белой России в ее борьбе с большевиками и обещала помочь генералу Юденичу при походе на Петербург. (Однако когда наступление на Петербург началось, то эстонские войска в нем участия почему-то не приняли...).

Предполагался подобный же взаимный договор с Финляндией, и она также искала к нему путей. Он не состоялся. Вопрос об его осуществлении зависел, главным образом, от бывших русских дипломатов, эмигрировавших в Париж. Они отказали. Почему? Энергичный напор на красных со стороны Финляндии решил бы судьбу Петербурга в два-три дня.

* * *

Высший совет командования Белой армии сознавал, что общее состояние тыла в политической обстановке еще не вполне отвечает требованиям немедленного наступления.

Но строевые начальники, видевшие настроение своих солдат, твердо знали и чувствовали, этот бодрый, воинственный дух необходимо под-

держат именно переходом от метода обороны, изнурявшей боевые части и понижавшей их боеспособность, к решительному и быстрому наступлению.

Дух и воля армии одержали верх. Главное решилось наконец на открытие военных действий. Впрочем, за необходимость наступления говорили громко следующие доводы:

1) Эстония под влиянием своих социалистических партий уже намеревалась вступить в мирные переговоры с советской Россией.

Заключение такого мира лишило бы С.-З. армию и военной поддержки Эстонии и пользования для военных целей портами и железными дорогами Эстонии.

2) Успехи Деникина, при его движении на Москву, привлекли в тот момент внимание всего красного главнокомандования. Чтобы отразить его победоносное наступление, напряглись все советские силы. Угроза Петербургу в эти дни значительно облегчила бы задачу Деникина.

3) Необходимость взятия Петербурга до наступления холодов. Главная цель взятия Петербурга - освобождение от террора, от холода и голода несчастного населения столицы. Ввоз необходимого продовольствия и предметов первой необходимости возможен лишь до прекращения навигации, которая с конца ноября уже связывается замерзающим Петербургским портом.

4) Обещанная поддержка военного английского флота, действия которого находились в зависимости от наступления морозов.

5) Великолепный дух белых солдат, оторванных, однако, от родины и семьи, не мог бы выдержать своего напряжения до конца весны и в течение зимы сменился бы унынием и всеми его последствиями.

6) Командование Красной армии прозевало возрождение духа и силы С.-З. армии. Оно продолжало ее считать не вполне боеспособной и не боялось ее. Поэтому многие красные части были переведены на другие фронты и соотношение сил на стороне С.-З. фронта было в данный момент очень благоприятным для наступления Белой армии.

Наступление было решено.

* * *

Я пламенный бард С.-З. армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его. Но ведь есть на свете и проза. Много способствовало подъему духа в С.-З. армии проявление наконец давно обещанной, так долгожданной помощи от французов и англичан, в виде первых транспортов обмундирования, танков, орудий, снарядов, ружей. Солдаты, по прибытии первых грузов, ожили духом. Они удостоверились собственными глазами, что старые друзья и союзники по войне с Германией решительно хотят помогать белым армиям в их борьбе с большевиками. Сапоги, хлеб, шинель и оружие - это все, что нужно воину, кроме убеждения, что война имеет смысл. Голодный, босой, невооруженный солдат - хороший материал лишь для бунта или для дезертирства. Глупость говорила ходячая поговорка удалых прежних военачальников: "Я своим солдатам три дня есть не дам, так они врага с кожей и костями слопают, так что они без вести пропадут и назад не вернутся".

* * *

Активные операции С.-З. армии против Петербурга могли развиваться в двух направлениях. Большинство старых генералов, недавно прибывших на фронт гражданской войны и не знавших ее условий, настаивали на том, что необходимо обеспечить себя взятием Пскова и лишь после этого открыть движение на Петербург.

Но командный состав, из числа тех, кто с первых дней существования С.-З. корпуса находились в нем и знали его боевые качества, решительно настаивали на ином плане. В гражданской войне, говорили они, гораздо вернее проявлять быстроту и натиск. Все здесь зависит от психологического момента. Если нам стремительно удастся уловить его, то красный Петербург не спасут ни наши обнаженные фланги, ни обходное движение советских полков! Эта упругая стремительность должна вызвать растерянность среди командного состава Красной армии, пробудить уснувшие надежды в антибольшевиках в советской армии и в Петербурге, создать благоприятные условия для восстания рабочих масс и так далее.

Этот план восторжествовал. Страшная стремительность, с которой С.-З. армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве что легендарные суворовские марши.

XV. Партизанский дух

Передо мной лежит брошюра: "Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера". Это единственный печатный материал, посвященный походу. Автор не назван. (Говорят, сохранились кое-где полковые и дивизионные архивы. Но ими воспользуется со временем усидчивый историк).

Книжка ценная, составлена ясно, толково, со знанием дела, с любовью к родине, с горячей скорбью о трагической судьбе героической Северо-Западной армии. Я вынужден ею пользоваться для того, чтобы не заблудиться в чрезвычайно сложных и путанных деталях наступления. Надо сказать, что она не только подтверждает все мною слышанное и лично наблюденное, но и проливает на события верный свет. Лишь в оценке неудач армии у меня несколько иной взгляд, чем у талантливого автора, очевидно, доблестного кадрового офицера прежней великой российской армии. Но книгу его я усердно рекомендую любителям.

* * *

Говорили многие потом, разбирая критические операции С.-З. армии, что в ней было слишком много партизанского духа. Но какой же могла быть армия добровольцев, всего в двадцатитысячном составе, в дни братоубийственной гражданской войны, в сверхчеловеческой обстановке непрерывных, на все стороны, боев, дневных и предпочтительно ночных, с необеспеченным флангом, с единственной задачей быстроты и дерзости, со стремительным движением вперед, во время которого люди не успевали есть и выспаться? Так почему же эта армия не разлагалась, не

бежала, не грабила, не дезертировала? Почему сами большевики писали в красных газетах, что она дерется отчаянно? Отчего Талабский полк, более всех других истекавший кровью, так доблестно прикрывал и общее отступление, а во дни Врангеля, год спустя, пробрался поодиночке из разных мест в Польшу, к своему вождю и основателю генералу Перемикину, чтобы снова стать под его водительство? Да только потому, что каждый стрелок в ней, каждый конник, каждый наводчик, каждый автомобилист шел освобождать сознательно свою родину. Совсем забыты были у них разность интересов и отдаленность губерний Псковской и Тамбовской. Оттого-то их с такой теплой душой встречало и с терпкой печалью провожало крестьянство, которое безупречно служило им в качестве возчиков, проводников и добрых хозяев. Оттого-то белый солдат и мог свободно проявлять самое важное во всякой и самое драгоценное в гражданской войне качество - личную инициативу.

Еще говорили об отсутствии единой главноначальствующей воли и указывали на это как на причину отсутствия ответственности у должностных лиц, которые не хотели отбросить самостоятельных партизанских приемов и руководились личными соображениями.

Формальный глава армии существовал. Это был генерал Юденич, доблестный, храбрый солдат, честный человек и хороший военачальник. Но из всех русских известных современных полководцев, которые сумели бы мощно овладеть душами, сердцем и волею этой совсем необыкновенной армии, я могу представить себе только генерала Лечицкого. Генерал Юденич только раз показывался на театре военных действий, а именно тотчас же после взятия Гатчины. Побывал в ней, навестил Царское Село, Красное и в тот же день отбыл в Ревель. Конечно, очень ценно было бы, в интересах армии, если бы генерал Юденич, находясь в тылу, умел дипломатически воздействовать на англичан и эстонцев, добиваясь от них обещанной реальной помощи.

Но по натуре храбрый покоритель Эрзерума был в душе - капитан Тушин, так славно изображенный Толстым. Он не умел с ними разговаривать, стеснялся перед апломбом англичан и перед общей тайной политической иностранцев. Надо сказать правду: он раз проявил несомненно большое достоинство. Это было в тот день, когда английский генерал Мэрч (или Гоф?)⁷ велел в срок сорока минут составить Северо-Западному правительству, хотел начать договорной акт параграфом: "Войдя в Петербург и свергнув большевистскую власть, эстонцы, при помощи Северо-Западного правительства и его армии, устраивают Россию на демократических началах".

Этой глупости не выдержало закаленное сердце старого воина. Он протестовал так решительно, что бритый англичанин с огромным подбородком должен был сдаться.

Единый вождь в этой особенной войне должен был бы непременно показываться как можно чаще перед этим солдатом. Солдат здесь проявлял сверхъестественную храбрость, неопишное мужество, величайшее терпение, но безмолвно требовал от генерала и офицера высокого примера. В офицерском составе уживались лишь люди чрезмерно высоких боевых качеств. В этой армии нельзя было услышать про офицера таких определений, как храбрый, смелый, отважный, геройский и так далее. Было два определения "хороший офицер" или изредка: "да, если в руках". Там генерал Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях

офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку, впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы. Там Перемикин ездил впереди танка, показывая ему путь под огнем из бронепоездов, под перекрестной пальбой красных цепей, сидя на своей серой лошади.

Что же касается того, что военачальники руководились лишь личными соображениями, выходя из общего плана, то вряд ли это верно.

По объявлении похода армия пошла в наступление семью колоннами, каждая в ином направлении. Неминуемо случилось то, что колонны теряли связь в болотистых и лесных местностях, тем более что красные, отступая, не только перерезали телеграфные проволоки, но и срубали столбы. Двигались они, руководимые каким-то звериным чутьем, птичьим инстинктом, но пришли вовремя и еще при сближении помогали одна другой в атаках энергичной поддержкой. Вот вам и партизанская война.

Был, правда, один ужасный, прискорбный случай сознательного неповиновения генерала приказу. Я говорю о генерале - офицере Генерального штаба Ветренко... О нем после. Но нельзя же на одном несчастном случае строить огульные выводы.

XVI. Лунатики

Состав северо-западников не был постоянным: он имел текучий, меняющийся характер.

Во время весеннего налета на фронт "Красная горка", значительная часть гарнизона перешла, без боя, на сторону белых: образовался Красногорский полк. Ушли к белым посланные против них вятчи - вот и Вятский полк.

В тот же период двинуло красное командование и в тыловой обход белых Семеновский (бывший лейб-гвардии) полк - "полк внутренней охраны Петрограда", как его называли официально. Станным, загадочным, непонятным было существование Семеновского полка после революции и особенно отношение к нему большевиков. Этот полк, так круто расправившийся с московским восстанием в 1906 году, жил в прежних казармах, по прежнему укладу, нес караульную службу по охране Государственного банка, Казначейства и других верных пунктов и как бы находился под особым покровительством. Зайдя в тыл белых у Выры, он с музыкой перешел в С.-З. армию, убив сначала своих комиссаров и красных фельдфебелей (один из них застрелился). Полк так и сохранил навсегда свое старинное Петровское имя.

Проходили иногда сквозь состав С.-З. армии необыкновенные, удивительные части, характера, так сказать, гастрольного. Таков был, например, знаменитый Тульский батальон. О нем до сих пор старые солдаты и офицеры Северного корпуса вспоминают со смехом и с восхищением.

В пору бешеного нажима большевиков на крестьян когда предавались огню, разрушению и сравнивались с землей (речь Троцкого) целые села и деревни, произошло маленькое чудо. Вооружившись как попало, этот отряд пошел наудалую разыскивать то самое место, где бьют большевиков. Блуждая по лицу земли Русской, они, кажется, хотели попасть к Деникину, но попали сначала к Петлюре, потом в Польшу. У Петлюры им

“шибко не показалось”, поляки их не приняли. Наконец, в Пскове им удалось набрести на настоящих истребителей большевизма. Тут они и остались, поступив в распоряжение Северного корпуса, под наименованием Тульского батальона.

Я до сих пор не знаю, никогда не мог добиться: кто из командования считался главным, непосредственным начальником туляков. Дрались они с несравненной, безумной храбростью. Вышибать неприятеля из деревень, брать молниеносной атакой мосты и другие узкие опасные проходы - было точно их любимой специальностью. Победенным они никогда не давали пощады. В крепких, жестких руках из Тульского батальона мог бы выработаться превосходный боевой материал. И надо сказать, что среди офицеров Северного корпуса было достаточно людей с железной волей. Однако подчинить туляков хотя бы первым, основным началом воинской дисциплины оказалось немыслимым. Так они успели озвереть в долгом гуртовом бродяжничестве. Таких грабителей, мародеров, плутов и ослушников свет не видывал. Ни наказания, ни уговоры на них не действовали. Пришлось при основательной чистке С.-З. армии перед походом на Петербург расстаться с удивительным Тульским батальоном, то есть, вернее, с его жалкими остатками, ибо большинство туляков погибло в боях. Жили грешно - умерли с честью.

Формировались полки и добавлялись, можно сказать, по ходу. Иногда по составам батальонов можно было проследить историю полка, как историю земли по геологическим наслоениям. Вот, например, знаменитый Талабский полк:

1-й батальон: рыбаки с талабских островов (Великое озеро, близ Чудского). Это основа и первый кадр.

2-й батальон: старообрядцы и жители подгатчинских сел (вторые - превосходные проводники).

3-й батальон: вятичи и пленные матросы (матросы были превосходными бойцами).

Во все три батальона в значительном количестве вошла учащаяся молодежь Ямбурга и других ближних мест. Большинство этих юношей не вернулись домой. Погибли.

Да! Великую, кровавую, святую жертву родине принесли русские юноши и даже мальчики на всех фронтах, во всех боях ужасной гражданской войны.

По этому списку можно догадаться о путях полка.

О Талабском полке и о 2-й дивизии, в которую он входил (Островский - 500 штыков, Талабский - 1000; Уральский - 450; Семеновский - 500; и эти числа лишь вначале похода) - о них мне придется упоминать особенно часто. И вовсе не потому, что эти части отличались от других боевыми или легендарными чертами. Нет, все полки в С.-З. армии были выше похвал, и об их великих подвигах думаешь невольно теперь как о великой сказке. Я порой недоумеваю: почему это никогда не слышно и в газетах нет ничего о вечерах, собраниях или Обществе северозападников. И мне кажется, что эти люди сделали так много непосильного для человека, преодолели в такой громадной мере инстинкт самосохранения, пережили такое сверхчеловеческое напряжение физических и нравственных сил, что для них тяжким стало воспоминание.

Так, лунатик, перешедший ночью по тонкой гибкой дощечке с пятого этажа одного дома на пятый этаж другого, - взглянет днем с этой высоты вниз, и у него побледнеет сердце и закружится голова.

Нет, только волей случайности мне удалось больше всего слышать о 2-й дивизии и чаще входить в общение с талабчанами. Кроме того, эти части по капризным велениям военной судьбы принуждены были - в наступлении на Петербург, в боях вокруг Гатчины, Красного и Царского и в отступлении - играть, поневоле, ежедневно тяжелую и решительную роль.

Вот, вкратце, несколько боевых дней 2-й дивизии. Обратите внимание на числа.

9 октября. Конница начинает активные операции. Правофланговый полк дивизии, под энергичным руководством своего командира полковника Перемикина, на рассвете переходят в наступление в районе озера Тягерского и решительным ударом занимает ряд неприятельских деревень.

10 октября. Талабский полк развивает достигнутый успех, занимает деревню Хилок, переправляется через Лугу, укрепляется в деревне Гостятино. Островцы с боем переправляются через Лугу у Редежи. Семеновцы атакуют красных у Собской переправы.

11-го ночью Талабский полк подходит к станции Волосово, давая возможность белой кавалерии продолжать свою задачу.

12-го Талабский полк подлетает к станции Волосово и с налета опрокидывает находящиеся здесь красные части.

13-16 октября. Полки Островский и Семеновский. Бои в Кикерино, Елизаветиной, у Шпанькова, стычка на гатчинских позициях. Вечером 16-го Талабский полк под Гатчиной.

17 октября. Без остановки в Гатчино, полки 2-й дивизии (теперь под начальством генерала Перемикина) опрокидывают и сминают засевшие около города красные отряды и заставы, немедленно идут дальше и занимают позиции Пеггелево - Шаггино.

18 октября. Части дивизии широким фронтом продвигаются к Царскому. Талабский полк к вечеру выбивает из деревни Бугор противника.

19 и 20 октября. Ожесточенные, непрерывные бои около деревни Онтолово. Перемикин отказывается от фронтального движения и предпринимает обходное. Отборные курсанты и личная сотня Троцкого его встречают пением интернационала. Атаки талабцев дважды отбиты. Коммунисты сами пытаются перейти в наступление. Громадную помощь красным оказывают бронепоезда "Ленин", "Троцкий" и "Черномор", свободно маневрировавшие по Варшавской и Балтийской ж.д., 20-го утром в Гатчину прибыли новые (французские) танки и спешно отправлены в Онтолово. Однако доблестные талабцы взяли-таки упорно оборонявшуюся деревню и заставили красных отступить. К вечеру 20-го бригада 2-й дивизии сбила противника и подошла к Царскому.

21 октября. Бой за обладание Царским. 2-й батальон Талабского полка на рассвете исполняет обходную задачу и неожиданным ударом занимает Царкосельский вокзал.

Итого тринадцать дней беспрерывных боев. Затем следует переброска дивизий на левый фланг для ликвидации прорывов в Кипени и Волосове. И все - без отдыха. Жутко подумать, на что способен может быть человек!

XVII. Купол св. Исаакия Далматского

В день вступления Северо-Западной армии в Гатчину высшее командование дает приказ начальнику III дивизии генералу Ветренко: Свернуть немедленно на восток, идти форсированным маршем вдоль ветки, соединяющей Гатчину с Николаевской железной дорогой, и, достигнув станции Тосно, привести в негодность Николаевскую дорогу, дабы прервать сообщение Москва-Петербург.

Ветренко послушался прямого приказа. Он продвигается к северу на правом фланге, подпирает слегка наступление Перемикина, затем под прикрытием 2-й армии уклоняется вправо, чтобы занять Павловск. На тревожный телеграфный запрос он отвечает, что дорога Гатчина-Тосно испорчена дождями и что Павловск им необходимо взять в целях тактических. Совсем непонятно, почему, главнокомандующий не приказал расстрелять Ветренко и не бросил на Тосну другую часть; вернее всего предположить, что под руками не было резервов.

Но упустили время. Троцкий с дьявольской энергией швырял из Москвы эшелон за эшелон отряды красных курсантов, коммунистов, матросов, сильную артиллерию, башкиров... Разведка Талабского полка по распоряжению Пермикина быстро пробралась к Тосно. Но было уже поздно. Подступы к станции были сплошь забаррикадированы красными войсками.

Северо-западники склонны объяснить непростительный поступок Ветренко его героическим и честолюбивым стремлением ворваться первым в Петербург. Сомневаюсь. Офицер Генерального штаба должен был понимать, что его упущение дало красным возможность усилить свою армию вдвое, да еще прекрасным боевым материалом. Более чем множество других печальных обстоятельств - его преступление было главной причиной неудачи наступления на Петербург.

Товарищеское мнение смягчило его вину, ибо "мертвые сраму не имут", а Ветренко, по слухам, скончался от тифа. А между тем впоследствии оказалось, что Ветренко не только выздоровел, но с женой и малолетним сыном перешел к большевикам. Таким образом, если даже 18 октября он и не замыслил измены и предательства, то, во всяком случае, его поведение в эту пору явилось для большевиков громадной услугой, а для него самого козырным тузом.

Утром я сидел по делу у бессонного капитана Лаврова. При мне пришел в комендантскую молодой офицер 1-й роты Талабского полка, посланный в штаб с донесением. Он торопился обратно в полк и забежал всего на секунду пожать руку старому командиру. Он был высокий, рыжеватый, полный, с круглым, потным, безволосым лицом. Глаза его сияли веселым, рыжим - нет, даже золотым светом, и говорил он с таким радостным возбуждением, что на губах у него вскакивали и лопались пузыри.

- Понимаете, господин капитан. Средняя Рогатка... - говорил он, еще задыхаясь от бега, - это на север к Пулкову. Стрелок мне кричит: смотрите, смотрите, господин поручик: кумпол! кумпол! Я смотрю за его пальцем... а солнце только-только стало восходить... Гляжу, - батюшки

мои, Господи! - действительно, блестит купол Исаакия, он, милый, единственный на свете. Здания не видно, а купол так и светит, так и переливается, так и дрожит в воздухе.

- Не ошиблись ли, поручик? - спросил Лавров.

- О! Мне ошибиться, что вы! Я с третьего класса Пажеского знаю его как родного. Он, он, красавец. Купол святого Далматского! Господи, как хорошо!

Он перекрестился. Встал с дивана длинный Лавров. Сделал то же и я.

Весть эта обежала всю Гатчину, как электрический ток. Весь день я только и слышал о куполе св. Исаакия. Какое счастье дает надежда. Ее называют крылатой, и правда, от нее расширяется сердце и душа стремится ввысь, в синее, холодное осеннее небо.

Свобода! Какое чудесное и влекущее слово! Ходить, ездить, спать, есть, говорить, думать, молиться, работать - все это завтра можно будет делать без идиотского контроля, без выключенного унижающего разрешения, без грубого вздорного запрета. И главное - неприкосновенность дома, жилья... Свобода!

* * *

После обеда в корпусном штабе был другой офицер, кажется, Семеновского полка. Он рассказывал, что один из белых разъездов, нащупывающий подступы к Петербургу, так забрался вперед, что совсем не вдалеке мог видеть арку Нарвских ворот. Позднее другой разъезд обстрелял какой-то из трамваев, в которых Троцкий перебрасывал пачки курсантов на вокзалы.

Быстротечные, краткие дни упоительных надежд! На правом фланге белые пробирались к Пулкову II, где снова могли бы перехватить Николаевскую дорогу. Слева они заняли последовательно Таицы, Дудергоф, Лигово и докатывались до Дачного, намереваясь начать поиск к Петергофу. Божество удачи было явно на стороне С.-З.армии.

Красные солдаты сдавались и переходили сотнями. Калечь отправлялась в тыл для обучения строю. Надежные бойцы вливались в состав белых полков и отлично дрались в их отрядах. У полководцев, искушенных боевым опытом, есть непостижимый дар узнавать по первому быстрому взору ценного воина, подобно тому как настоящий знаток лошадей, едва взглянув на коня, узнает безошибочно его возраст, нрав, достоинства и пороки.

Этим даром обладал в особенно высокой степени генерал Перемикин...

Этот необыкновенный человек обладал несомненным природным военным талантом, который только развивался вширь и вглубь от практики трех войн.

Злобности и мстивости не было у белых. Когда приводили пленных, то начальник части спрашивал: "Кто из вас коммунист?" Нередко двое-трое не задумываясь, громко и как бы с вызывающей гордостью откликнулись: "Я!" - "Отвести в сторону!" - приказывал начальник. Потом происходил обыск. Случалось, у некоторых солдат находились коммунистические билеты. Затем коммунистов уводили, и, таким образом, коммунисты в тыл не просачивались.

Многие коммунисты умирали смело. Вот что рассказывал офицер, которому, по наряду, пришлось присутствовать при расстреле двух коммунистов:

- По дороге я остановил конвой и спросил одного из них, красного, волосатого, худого и злющего: “Не хочешь ли помолиться?” Он отрыгнул такую бешеную хулу на Бога, Иисуса Христа и Владычицу Небесную, что мне сделалось противно. А когда я предложил то же самое другому, по одежде матросу, он наклонился к моему уху, насколько ему позволяла веревка, стягивающая сзади руки, и произнес тихо с глубоким убеждением:

- Все равно Бог не простит нас.

Об этом “все равно Бог не простит..” стоит подумать побольше. Не сквозит ли в нем пламенная, но поруганная вера?

Курсанты дрались отчаянно. Они бросались на белые танки с голыми руками, вцеплялись в них и гибли десятками. Красные вожди обманули их уверениями, что танки поддельные: дерево-де, выкрашенное под цвет стальной брони. Они же внедряли в солдат ужас к белым, которые, по их словам, не только не дают пощады ни одному пленному, а, напротив, прежде чем казнить, подвергают лютым мукам.

Но и красные солдаты, а впоследствии курсанты и матросы, в день плена, присевши вечером к ротному котлу, не слыша ни брани, ни насмешки от недавних врагов, быстро оттаивали и отрясались от всех мерзостей большевистской пропаганды и от привитых рабских чувств.

- Прохожу я вдоль бивуака, - рассказывал мне один офицер, - вдруг чую, пахнет настоящим табаком, не махоркой. Тяну по запаху, как пойнтнер. Смотрю, сидит в кругу незнакомый оборванный солдат и угощает соседей папиросами из бумажного пакета. Спрашиваю - откуда табак? Тот вскочил, видно, прежний еще солдат: “Так что еще утром раздавали паек, ваше благородие”.

А один стрелок из рыбаков, не вставая (на отдыхе и за едой стрелки не встают) говорил на чистом талабском языке:

- Он только цицас пересодцы. Есцо сумущаетцы. Ницого парень, Оклемаеццы.

А еще дальше пленный солдат объясняет, что терпеть до слез нельзя, когда белые поют... Про “Дуню Фомину” услышал, так и потянуло: - Это тебе не тырнационал...

Большевики, должно быть, понимают, что песня порой бывает сильнее печатной прокламации. Полковник Ставский отобрал в Елизаветине у пленного комиссара донесение по начальству:

“Идут густыми колоннами и поют старые песни...”

Перемикин говорил нередко стрелкам:

- Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что братьям довелось убивать братьев. Чем скорее мы ее покончим, тем меньше жертв. Потому забудем усталость. Станем появляться сразу во всех местах. Но жителей не обижать. Пленному первый кусок.

Для большевиков всякий солдат, свой и чужой, - ходячее пушечное мясо. А для нас он прежде всего человек, брат и русский.

XVIII. Отступление

Нет ничего в мире мудрее, вернее и страшнее русской поговорки: “Пришла беда - отворяй ворота”.

Божество удачи отвернулось от самоотверженной горсточки железных людей, составлявших Северо-Западную армию. Теперь уже не ошибками полководцев и, по давню, не качеству армии, а лишь стихийному нагромождению ужасных событий можно было приписывать трагическую судьбу.

Наступили холодные, дождливые дни и мокрые ночи, черные, как чернила, без единой звезды. По ночам было видно, как за непроницаемой тьмой далее полыхали зарева пожаров и бродили по небу, склоняясь к земле, длинные, голубоватые лучи прожекторов. И там же воображение рисовало невидимых бессонных героев и страстотерпцев, совершающих, ради счастья родины, несказуемо великий подвиг.

Тревожные слухи дошли об неудержимом откате армии Деникина. Они оказались роковой правдой.

Англичане, обещавшие подкрепить движение белых на Петербург своим военным флотом, безмолвствуют, и лишь под занавес, когда большевики, в безмерно превосходных силах, теснят, окружают Белую армию и она уже думает об отступлении, лишь перед Красной Горкой появляется английский монитор и выпускает несколько снарядов с такой далекой дистанции, что они никому и ничему вреда не приносят.

Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие.

Лучше бы они ничего не обещали!

Ружья, присланные ими, выдержали не более трех выстрелов, после четвертого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его возможно бывало только в мастерской.

Их танки были первейшего типа (времен войны Филиппа Македонского - горько острили в армии), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались, хромая, в город. Французские “Бебе” были очень хороши, но командовали ими англичане, которые уверяли, что дело танков лишь производить издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бое. В своей армии они этого не посмели бы сказать. Они развращали бездействием и русских офицеров, прикомандированных к танкам. Один Перемикин умел заставить эти танки продвигаться в гущу боя. Однажды, когда англичане, сидевшие в “Бебе”, отказались идти вперед, Перемикин слез с коня и постучал в дверцу. Вышел высокий белокурый офицер в английском военном платье. Перемикин поглядел на него и спросил:

- Кто вы?

Тот отвечал по-английски:

- Офицер британской армии.

Перемикин гневно повысил голос.

- Я спрашиваю: какой вы нации?

- Русский, ваше превосходительство.

- Так передайте англичанам, что если ровно через три минуты танк не двинется вперед, то я вас всех расстреляю.

Танк двинулся.

Англичане присылали аэропланы, но к ним прикладывали неподходящие пропеллеры; пулеметы - и к ним несоответствующие ленты; орудия - и к ним неразрывающиеся шрапнели и гранаты. Однажды они прислали тридцать шесть грузовых пароходных мест. Оказалось - фехтовальные принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки. Спрашиваемые впоследствии англичане с бледными улыбками говорили, что во всем виноваты рабочие социалисты, которые-де не позволяли грузить материалы для борьбы, угрожающей братьям-большевикам.

Англичане обещали американское продовольствие для армии и для петербургского населения; обещали добавочный комплект американского обмундирования и белья, на случай увеличения армии новыми бойцами, переходящими от большевиков. И действительно, эти обещания они сдержали. Ревельские склады, интендантские магазины, портовые амбары ломились от американского хлеба, сала, свинины, белья и одежды; все эти предметы служили предметом бешеной тыловой спекуляции и растрат. В Белую армию одновременно влилось около двадцати тысяч красных солдат и жителей-добровольцев, но все они были разуты, раздеты и безоружны. К тому же их вскоре нечем стало кормить. А английский представитель в Ревеле Мэрч (или Гоф?) уже сносился по телефону с петербургскими большевиками.

Несмотря на то что железнодорожный мост через Нарву, разрушенный большевиками, был восстановлен в середине наступления, продовольствие просачивалось тоненькой струйкой, по капелькам. Не только жителям пригорода невозможно было дать обещанного хлеба, - кадровый состав армии недоедал. На требование провианта из тыла отвечали: продовольствие предназначено для жителей Петербурга, после его очищения от большевиков, и мы не смеем его трогать; изыскивайте местные средства. Удивительная рекомендация: снимать одежду с голого.

Лучше бы англичане совсем ничего не обещали, чем дать обещание и не исполнить его. Голодного не насытит хлебом из папье-маше, жаждущего не напоить морской водой.

С.-З. правительство было бессильно. Из него, вскоре после его основания, вышли покойный ныне В.Д. Кузьмин-Караваев⁸, А.В. Карташев⁹ и М.Н. Суворов¹⁰, возмущенные обращением англичан Мэрча или Гофа с русскими людьми и русскими интересами. В 1920 году они втроем выпустили брошюру о С.-З. правительстве, которую, несмотря на ее деловую сухость, ни один русский не может читать без волнения и гнева. Но авторы ее не могли сказать всего до конца. Впоследствии они упоминают, что многих вещей им в теперешние дни нельзя писать, но что они непременно вернуться к ним при других обстоятельствах. Так и не вернулись.

После этого ухода состав С.-З. правительства оказался ничтожным. Но остался в нем до конца событий один человек, принимавший горячо и близко к сердцу тяжелую судьбу армии, а также боли, нужды и лишения беженцев. Это - С.Г. Лианозов¹¹. Спокойствие его, выдержанность и независимость умели пробивать эгоистическое равнодушие англичан, и за все, что он сделал для русских, глубокая ему признательность.

С.-З. армия изнуряется и тает в бесчисленных боях. Все резервы пущены в дело. Инициатива переходит в руки красных. Дивизия генерала Дзержинского - последний ресурс - подкрепляет правый фланг фронта, но большевики делают на левом прорыв наших войск у Кипени. Ликвидация прорыва поручается генералу Перемикину.

Он с Талабским и Семеновским полками спешно перебрасывается с правого на левый фланг. Он присоединяет к себе в ударную группу еще два полка и два французских танка "Бебе", только что привезенных из Финляндии. Перед вечером (27-го) занимает Первеллево, вечером того же дня комбинированным обходом занимает Кипень и шлет в Витино вслед обходной колонны большевиков Конно-Егерский полк. Затем бои в Касково, Сокули, Еолковицы. Приходит на помощь Родзянко с танковым десантным батальоном и со своей личной сотней. Удивительный был воин Родзянко. Он как будто бы, после момента, когда Юденич перенял у него главнокомандование, нигде не состоял и никому не подчинялся. Но едва стоило какой-нибудь части, исполнявшей почти несбыточное назначение, очутиться в тяжелом положении, он, каким-то чудом, являлся на помощь со своей сотней и с прихваченными по пути вспомогательными средствами. Правда, был он по натуре великолепный и нетерпеливый всадник.

Далее идут Малково, шоссе Кипень-Гатчино, Ропша, куда Перемикин врывается на плечах большевиков и захватывает грузовик, орудия и 400 пленных. Затем Высоцкое и Высокая. Генерал Перемикин надеется занять к утру Красное. Но вдруг несчастные события на правом фланге заставляют штаб дать Перемикину распоряжения прекратить всякие операции против Красного Села и принять участие в общем отступлении.

Перемикин телеграфировал главнокомандованию: "Передо мной свободная дорога на Петербург. Войду без препятствий". Второй приказ из штаба, и разъяренный лев подчиняется.

Талабский полк покидает Гатчину после всех. Он обеспечивает мелкими, но частыми арьергардными атаками отступление армии и великого множества беженцев из питерских пригородов. Наступает зима. У Нарвы русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь. Потом Нарва, Ревель и бараки, заваленные русскими воинами, умирающими от тифа. В бараках солдаты служили офицерам и офицеры солдатам. Но это уже не моя тема.

Я только склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий и отрядов, полагавших бескорыстно и самоотверженно душу свою за други своя¹².

¹ К р а с н о в Петр Николаевич (1869-1947), один из видных деятелей Белого движения, донской казачий атаман, генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны, эмигрант. Автор романов "От двуглавого орла к красному знамени", "Единая неделимая", "Цареубийцы", "Опавшие листья", "В Сибирь за Ермаком" и др. В мае 1921 г. в парижской газете "Общее дело" была опубликована рецензия А.И. Куприна на роман Краснова "От двуглавого орла к красному знамени".

² Г л а з е н а п П.С., генерал-лейтенант, командующий Северо-Западной армией, генерал-губернатор Петрограда и северо-западных областей России.

³ К и р д е ц о в Г.Л., редактор газеты "Свободная Россия", которую до него весной-летом 1917 г. редактировал сам А.И. Куприн. В армии генерала Н.Н. Юденича Кирдецов работал редактором отдела агитации и печати Политического совещания при главнокомандующем. Находясь в эмиграции издал книгу "У ворот Петрограда" (Берлин, 1922).

⁴ Д ю ш е н Б.В., бывший ярославский губернский комиссар Временного правительства,

- участник и один из организаторов Ярославского выступления эсеров. В 1919 г. работал в отделе пропаганды в армии Н.Н. Юденича, сотрудничал с газетой "Свободная Россия".
- ⁵ Б а ш к и р ц е в М.И., журналист обозреватель газеты "Свободная Россия".
- ⁶ Ю д е н и ч Николай Николаевич (1862-1933), один из видных деятелей Белого движения, генерал от инфантерии (1915), участник русско-японской и Первой мировой войн. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию. В январе 1919 г. объявлен лидером Белого дела на северо-западе России. 10 июня 1919 г. назначен адмиралом А.В. Колчаком главнокомандующим белогвардейскими войсками на северо-западе России. Возглавлял два похода на Петроград в 1919 г. После поражения отступил в Эстонию.
- ⁷ Г о ф Роберт, британский генерал, в годы Первой мировой войны командир корпуса и армии. В 1919 г. находился во главе британской миссии в прибалтийских государствах. Мэрч (Марш), начальник военной миссии Великобритании на Балтике, бригадный генерал.
- ⁸ К у з ь м и н-К а р а в а е в Владимир Дмитриевич, генерал царской армии, профессор юридической академии, общественный деятель, министр печати и пропаганды в Северо-Западном правительстве, член Политического совещания при главнокомандующем. Редактировал газету "Русская жизнь" (Гельсингфорс) - орган Политического совещания при Главнокомандующем.
- ⁹ К а р т а ш е в Антон Владимирович (1875-1960), известный историк церкви, с 1909 г. возглавлял Петербургское религиозно-философское общество. Обер-прокурор Синода и министр вероисповеданий Временного правительства. В 1919 г. зам. председателя и министр иностранных дел в Политическом совещании при главнокомандующем. В эмиграции - председатель Национального комитета в Париже, редактор журнала "Вестник Высшего монархического совета" (Париж).
- ¹⁰ С у в о р о в Михаил Николаевич, генерал-лейтенант, в годы гражданской войны в Северо-Западной армии.
- ¹¹ Л и а н о з о в Сергей Георгиевич, крупный промышленник и финансовый деятель, бакинский нефтяной магнат. В 1919 г. премьер-министр и министр финансов Политического совещания при главнокомандующем.
- ¹² Текст печатается по изданию: К у п р и н А.И. Купол св. Исаакия Далматского. - Рига, 1928.

Примечания ДМИТРИЕВА Н.И.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В следующих номерах нашего альманаха мы начинаем публиковать книгу екатеринбургского ученого, профессора И.Ф. Плотникова “А.В.КОЛЧАК”.

История как наука всегда должна быть объективна. С этих позиций значительность исторической личности Александра Васильевича Колчака приобретает особый масштаб на фоне драматической летописи российского государства. Выдающийся флотоводец, полярный путешественник, ученый и политический деятель стал одним из тех, кто разделил трагедию своего Отечества. В книге впервые отражена полная и объективная биография Колчака. Здесь вы познакомитесь с уникальными архивными документами, редкими фотографиями и схемами. Издатели альманаха уверены, что многое о Колчаке и, так называемой, колчаковщине наши читатели узнают впервые и смогут сделать свои собственные выводы.

*Если наш альманах заинтересовал Вас, просим
обращаться по адресу: РОССИЯ. 620135 г. Екате-
ринбург, ул. Фрезеровщиков, 30а.*

Тел. (3432) 35-93-79

34-46-29

ХРОНИКА ● АРХИВЫ

**КРАТКИЙ ОБЗОР ФОНДОВ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ
в 1922-1945 гг.**

**(по фондам Государственного архива
Хабаровского края)**

В 1945 г. благодаря инициативе начальника архивного управления НКВД В.И. Чернышевой Харбинские эмигрантские фонды были собраны и доставлены из Китая в Россию¹.

Всего на хранении в государственном архиве Хабаровского края 10 эмигрантских фондов и в них сосредоточено около 57 тысяч дел. Хронологические рамки документов: 1922-1945 гг.

Одним из основных фондов является р.ф.-830 "Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи", в котором почти 10500 дел за период с 1935-1945 гг.

После оккупации Маньчжурии японцами для большей активизации антисоветской деятельности указом правительства Маньчжурской империи 28 декабря 1934 года было создано Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи во главе с атаманами Г.М. Семеновым, Л.Ф. Властьевским, А.П. Бакшеевым². Функции Бюро распределялись по следующим отделам: общий, молодежно-воспитательный, культурно-просветительный, административный, хозяйственно-финансовый, благотворительный, переселенческий. Главное Бюро объединяло все общественные, духовно-религиозные, военные организации и являлось основным руководящим центром. В приказах, распоряжениях, докладах, отчетах Бюро есть сведения об административной, хозяйственной и политической жизни эмигрантов, и там же сведения о личном составе служащих Бюро. Автобиографии, рапорты, прошения представляют большой интерес для знакомства с отдельными личностями. По спискам служащих Главного Бюро и его местных органов, по спискам эмигрантов можно проанализировать их национальный состав и социально-экономическое положение.

В третьей описи фонда почти 56 тысяч личных дел эмигрантов, но пока доступ к этим документам ограничен.

Главное Бюро имело многочисленные отделения. Одно из таких отделений находилось на ст. Пограничной. Документы о его разносторонней деятельности с 1935 по 1943 год скомплектованы в отдельный фонд №1127. Материалы этого фонда являются иллюстрацией того, как Главное Бюро осуществляло свою работу через местные отделения и как эмигрантам удавалось организовать свою жизнь в отдельных населенных пунктах.

"Беженский комитет" - так называли русские эмигранты Харбинский комитет помощи русским беженцам. Из Харбина было вывезено 136 дел Комитета. Комитет был создан в 1923 г. и являлся "общественной аполитичной эмигрантской организацией, преследующей исключительно цели улучшения материального и правового положения русской эмиграции в Северной Маньчжурии, а также удовлетворение ее культурных нужд"³.

В документах Комитета есть дела Воткинского и Пермского землячеств, а также Дальневосточного объединения русских окончивших высшие учебные заведения за рубежом. Особый интерес представляет переписка. Она дает достаточное представление о нуждах и проблемах Харбинской эмиграции и путях их разрешения. Комитет оказывал нуждающимся материальную поддержку, помогал в устройстве на работу, на бесплатное лечение или учебу и т.п. Материалы фонда содержат сведения о связях Комитета с зарубежными организациями. Имеются документы об известных эмигрантских деятелях таких как Р.М. Хорват, Н.Л. Гондатти, К.В. Родзаевский, Г.М. Семенов и др.

Из множества общественных, религиозных и военных организаций самой многочисленной, самой агрессивной была неонацистская организация "Кио-Ва-Кай" официально созданная 25 июля 1932 г. в г. Чаньчуне. В ее фонде, состоящем из 62 дел и охватывающих период с 1938-1943 гг. собраны не все документы, а лишь их небольшая часть, которая характеризует деятельность обществ, добровольных дружин, работу по военной подготовке молодежи.

Из анализа документов следует, что общество "Кио-Ва-Кай" было организовано японцами в целях захвата и упрочения японской военной и политической власти в Маньчжурии. Оно являлось составной частью государственного аппарата Маньчжоу-Го и занималось подготовкой вооруженных кадров для нападения на СССР. Белогвардейские отряды считались основой всех формирований.

Ученым исследователям, занимающимся этим фондом помогут в работе такие документы как планы создания организаций молодежи, планы военных подготовок и курсов, материалы съездов, отчеты о деятельности отрядов добровольных дружин, списки слушателей курсов, участников лагерных сборов, положение о военном училище.

Для большей части эмигрантского населения жизнь на чужбине становилась с каждым годом все сложнее. В 1943 г. в связи с продовольственными трудностями и увеличивающимся числом безработных, в Харбине возникла необходимость переселить часть эмигрантов в Тогэнский район. Был создан комитет по переселению эмигрантов. В фонде комитета 832р. среди 29 дел есть немало любопытных документов: списки эмигрантов-переселенцев, их прошения, заявления о денежных затруднениях по переселению, переписка об отправке сельхозинвентаря и постройке школы.

На хранении в государственном архиве Хабаровского края есть малочисленные фонды, связанные с жизнью эмигрантов. Это такие, как фонд "Пограничный район Дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи" (9 дел), фонд "Харбинское общество землевладельцев и домовладельцев" (29 дел), "Управление Харбинского военного начальника и помощника коменданта г. Харбина" (1 дело) и фонд 1497р. "Правление Харбинской трудовой артели инвалидов" (1 дело). Несмотря на небольшое количество документов представляют интерес следующие: анкеты на бывших уссурийских казаков, списки членов общества землевладельцев и домовладельцев, записки о службе, рапорты, отчеты и др.

Все материалы эмигрантских фондов еще малоизучены, не вошли в научный оборот, и ждут серьезных исследователей, краеведов, ученых.

¹ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф.266. Оп.1. Д.92. Л.3.

²ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.1. Л.1.

³ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.113. Л.1.

Х Р О Н И К А

7-8 февраля 1995 г. в Кемерово под патронатом Департамента образования администрации Кемеровской области, Областного института усовершенствования учителей, Государственного архива Кемеровской области, Областного краеведческого музея и Областной научной библиотеки им. В.Д. Федорова проходила, пожалуй впервые в России, научная конференция по теме: **“История Белой Сибири”**. Символично, что начало ее работы было приурочено к такому событию, как семидесятипятилетие расстрела в Сибири Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Участники конференции - многие научные центры страны от Санкт-Петербурга до Хабаровска. В своих выступлениях они ввели в научный и педагогический оборот значительный, ранее недоступный архивный материал. Многие сообщения были выдержаны в нетрадиционной концепции гражданской войны на востоке страны и вызвали оживленную дискуссию. Так, **профессор С.Н. Полторац (г. Санкт-Петербург)** весьма неожиданно озаглавил свой доклад: “Враги советской власти против Белого движения в Сибири”. Однако в ходе выступления он доказал, что кажущаяся парадоксальность поверхностна. В ходе гражданской войны нередко происходило совпадение интересов политических сил, которые при иных обстоятельствах вели отчаянное противоборство. Например, не всегда против Советов выступали представители партии эсеров, члены разогнанного большевиками Учредительного собрания, военнослужащие Чехословацкого корпуса. С интересом были заслушаны доклады **профессоров М.В. Шиловского (г. Новосибирск)**, осветившего один из малоизученных эпизодов гражданской войны в Сибири - историю Областной Думы; **С.Ф. Фоминых (г. Томск)**, раскрывшего перепетии дипломатического признания правительства адмирала А.В. Колчака союзниками России по Антанте; **доцентов Н.И. Дмитриева (г. Екатеринбург)**, рассказавшего о некоторых аспектах работы Государственного экономического совещания; **С.П. Звягина (г. Кемерово)** - одного из организаторов конференции, коснувшегося проблемы правового регулирования отношений государственной охраны с другими правоохранительными органами Российского правительства А.В. Колчака. Особенностью конференции было то, что участникам была предоставлена возможность выступить перед учителями и директорами средних школ Кемеровской области в Областном

институте усовершенствования учителей. К началу конференции на хорошем полиграфическом уровне были изданы тезисы докладов и сообщений участников (См.: история Белой Сибири: тезисы научной конференции. - Кемерово, 1995).

Константинов С.И

* * *

В г. Санкт-Петербурге в издательстве “Наука” вышла в свет коллективная монография “Интервенция на Северо-Западе России (1917-1920 гг.)”. Издание является первым в историографии исследованием интервенции на Северо-Западе страны. Оно подготовлено специалистами Санкт-Петербургского филиала института Российской истории РАН. Авторы рассматривают различные элементы интервенции, присущие всем участникам конфликта, включая Советскую Россию. Особое внимание уделено организации экономической и военной блокады, последствия которой сказались на всей территории Советской России. Политика интервенции охарактеризована с учетом предыстории ее становления, корни которой уходят в годы Первой мировой войны. В книге использованы новые зарубежные и отечественные документы, что позволило более четко показать противоречивость драматических событий в этом регионе.

* * *

В г. Волгограде в издательстве Волгоградского государственного университета вышла книга Зиминой В.Д. “Белое движение в годы гражданской войны”. В ней автор рассматривает малоизученные проблемы стратегии и тактики, форм и методов борьбы Белого движения за возрождение “великой и неделимой России”. Предприняты попытки типологизации антибольшевистских политических режимов времен гражданской войны, выяснения характера их взаимодействия с интервенцией. Анализируются причины поражения Белого дела и дается их оценка российской эмиграцией 20-30-х годов XX века.

* * *

В г. Кемерово вышла в свет книга “Сибирь в период гражданской войны”. На ее страницах коллектив авторов рассматривает ряд актуальных и малоизученных проблем истории края в 1918-1920 гг. Среди них: история Сибирской областной Думы, Сибирского земства, вооруженных сил Временного Сибирского правительства. Большое место в издании уделено раскрытию различных аспектов внутренней политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Свои выводы историки делают на основе обширного архивного материала, газетных публикаций, анализа исследований отечественных и зарубежных историков.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

АУРИЛЕНЕ Елена Евлампиевна, аспирантка института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), занимается историей российской эмиграции в Маньчжурии в 30-40-е годы, автор ряда докладов на научных конференциях.

БЕНДИК Наталия Николаевна, научный сотрудник государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск), автор ряда научных публикаций.

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Поморского международного педагогического университета (г. Архангельск), занимается историей интервенции и антибольшевистского движения на Русском Севере, автор более 30 научных публикаций, в том числе ряда монографий.

ДМИТРИЕВ Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного технического университета (г. Екатеринбург), руководитель научно-исследовательского центра "Белая Россия", специалист по проблемам гражданской войны и Белого движения на востоке России, автор более 50 научных работ.

ЗИМИНА Валентина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета, занимается проблемами стратегии, тактики, форм и методов борьбы Белого движения на территории России, автор многочисленных научных публикаций, в том числе ряда монографий.

КОНСТАНТИНОВ Сергей Иванович, кандидат исторических наук, подполковник, доцент Екатеринбургского военного артиллерийского командного училища, специалист по проблемам Белой армии, автор многих научных публикаций.

КУПРИН Александр Иванович, известный русский писатель, вместе с Белой армией отступивший в Финляндию, а с 1920 по 1937 гг. проживавший в Париже, где создал ряд произведений, проникнутых тоской по России.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного технического университета, специалист в области военной истории, истории эмиграции, политологии, автор более 50 научных работ, в том числе четырех монографий.

ЦИПКИН Юрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета, занимается историей Белого движения на Дальнем Востоке, автор около 20 научных публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
--------------------	---

ПУБЛИКАЦИИ

Зимина В.Д.	Белое движение времен гражданской войны: в плену “чистой идеи”	9
Константинов С.И.	Трагедия офицерского корпуса белых ар- мий на востоке страны	17
Ципкин Ю.Н.	Белое движение в Сибири: люди, идеи, реаль- ность	31
Голдин В.И.	Генерал Е.И. Миллер: жизнь и судьба	49
Дмитриев Н.И.	Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было	65

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Аурилене Е.Е.	Бюро по делам российских эмигрантов в Маньч- журской империи: возникновение, структура, роль в судьбе российской эмиграции	101
Полторац С.Н.	А.И. Куприн - “пламенный бард Северо-Запад- ной армии”	113

МЕМУАРЫ

Куприн А.И.	Купол святого Исаакия Далматского (фрагменты)	123
-------------	--	-----

ХРОНИКА, АРХИВЫ

Бендик Н.Н.	Краткий обзор фондов русской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1922-1945 гг. (по фондам Государственного архива Хабаровского края)	145
Хроника		147
Несколько слов об авторах		149

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ И ПЕДАГОГИ!

Тридцатитомник “Гимназия на дому” был в каждой просвещенной семье дореволюционной России. Он включал в себя учебные курсы, которые изучались в гимназиях и лицеях того времени и могли быть освоены самостоятельно без помощи учителя. Простота и краткость, глубина и емкость отличают это учебное пособие и делают его поистине уникальным. По этим программам учились будущие гении России, такие, как Менделеев и Бунин, Столыпин и Васнецов...

Современное издание этого сборника, состоящее из 15 книг, осуществляет издательство “Русская энциклопедия”. Выпуск книжной серии рассчитан на 1996-98 гг. Блестательные предметы прошлого - словесность, история, логика, риторика, психология, законоведение - вот далеко не полный перечень наук, которые дадут вашим детям не только обширные знания, но и жизненные ориентиры.

Приобрести I выпуск книги “Гимназия на дому” и подписаться на последующие можно по адресу: 620135, г. Екатеринбург, ул. Фрезеровщиков, 30а.

Тел. (3432) 35-93-79

34-46-29

Издательская координационная группа
“НЕСТОР”

при кафедре истории Санкт-Петербургского
государственного
технического университета:

приглашает к участию в заочных научных конференциях по вопросам истории России (объем тезисов - 3 стр. машинописного текста через 1,5 интервала; сноски - в конце; текст и сведения об авторе - в одном экз.);

принимает авторские материалы (0,5-1,5 п.л.) для публикации в начинаемом издаваться альманахе “История России: новые идеи, новые подходы”;

осуществляет выпуск малым тиражом монографий по самым низким в России ценам (срок издания 3-4 мес.).

Адрес для писем:

*195251 г. Санкт-Петербург-251. До востребования,
Полтораку Сергею Николаевичу
тел. (812) 552-62-81*

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО.
Исторический научно-популярный альманах №1.

Ответственный за выпуск **Швецов В.И.**
Художественно-технический редактор **Сакнынь Ю.П.**
Корректор **Леонова Н.Г.**

Сдано в набор 22/IV-1996 г. Подписано в печать 13/V-1996 г. Формат бум. 70x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Журнальная. Печать офсетная. Усл. печ. листов 13,3. Усл. кр-отт. 13,3. Тираж 1000 экз. Изд. лицензия № 040693 от 8.12.94 г. Заказ № 1571. Цена договорная.

Асбестовская типография. 624060,
Асбест, Свердловской обл., ул. Садовая, 5.